

В. Б. Ремизов

УХОД ТОЛСТОГО

КАК ЭТО БЫЛО

ПРОСЛЕКТ

В. Б. Ремизов

Уход Толстого. Как это было

«Издательство Проспект»

2017

УДК 929
ББК 63.3-8

Ремизов В. Б.

Уход Толстого. Как это было / В. Б. Ремизов — «Издательство
Проспект», 2017

ISBN 978-5-39-225481-1

Ремизов В. Б. – литературовед, исследователь творчества Л. Н. Толстого и проблем культуры, кандидат филологических наук; педагог, основатель эксперимента «Школа Л. Н. Толстого», заслуженный учитель России. В 1980-е гг. – доцент кафедры русской литературы Воронежского государственного университета; в дальнейшем – профессор, заведующий кафедрой духовного наследия Л. Н. Толстого Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Работал в музее-заповеднике «Ясная Поляна» заместителем директора по научной работе. С 2001 по 2012 г. – директор Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва). Лауреат премии Правительства Российской Федерации; почетный доктор наук Воронежского государственного университета; почетный член Российской академии художеств. Награжден орденом Почета и орденом «Слава России». В книге впервые представлена развернутая хроника последних месяцев жизни Льва Толстого: с 19 июня по 7 ноября 1910 г. Построенная на подлинных материалах – дневниках, письмах, документах, мемуарах участников событий, – она передает неповторимость каждого дня, создает условия для объективного и правдивого восприятия смысла происходящего. Читателю предоставлена возможность, минуя многочисленные трактовки и интерпретации, ощутить себя свободным в поисках ответов на сложные вопросы разыгравшейся драмы. Повествовательный ряд обогащен огромным количеством уникальных фотографий из фондов Государственного музея Л. Н. Толстого.

УДК 929
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-39-225481-1

© Ремизов В. Б., 2017

© Издательство Проспект, 2017

Содержание

Перед уходом	7
Конец ознакомительного фрагмента.	150

В. Б. Ремизов
Уход Толстого. Как это было

© Ремизов В. Б., 2017

© ООО «Перспектив», 2017

Перед уходом «Я отстоял свою свободу»

Тому, что произошло ночью 28 октября 1910 года в Ясной Поляне, дано много определений: «бегство», «исчезновение», «внезапный отъезд», «освобождение», «последнее воскресенье», «художественный жест», «уход». Но чаще всего употребляемо последнее. Связанные с ним вопросы – почему, кто виноват и есть ли чья вина, как, зачем, куда... – по сей день возникают в душе читателя и не имеют однозначных ответов, хотя об уходе и смерти Льва Толстого написаны тома книг, а подшивка вырезок из газет и журналов хранится в 20 огромных папках-томах.

Предлагаемые страницы развернутой хроники, воссозданной по подлинным материалам (дневникам, письмам, мемуарам, документам) свидетелей событий столетней давности, позволяют читателю заглянуть в мир общения ее героев, поразмыслить наедине с ними о случившемся и *почувствовать себя свободным от имеющихся трактовок и интерпретаций*¹.

Собранная таким образом хроника дается впервые. Быть может, кому-то покажется излишним цитирование стоящих на различных позициях участников драматических событий, но объемно сферическая их подача является защитой от однобокости субъективных оценок.

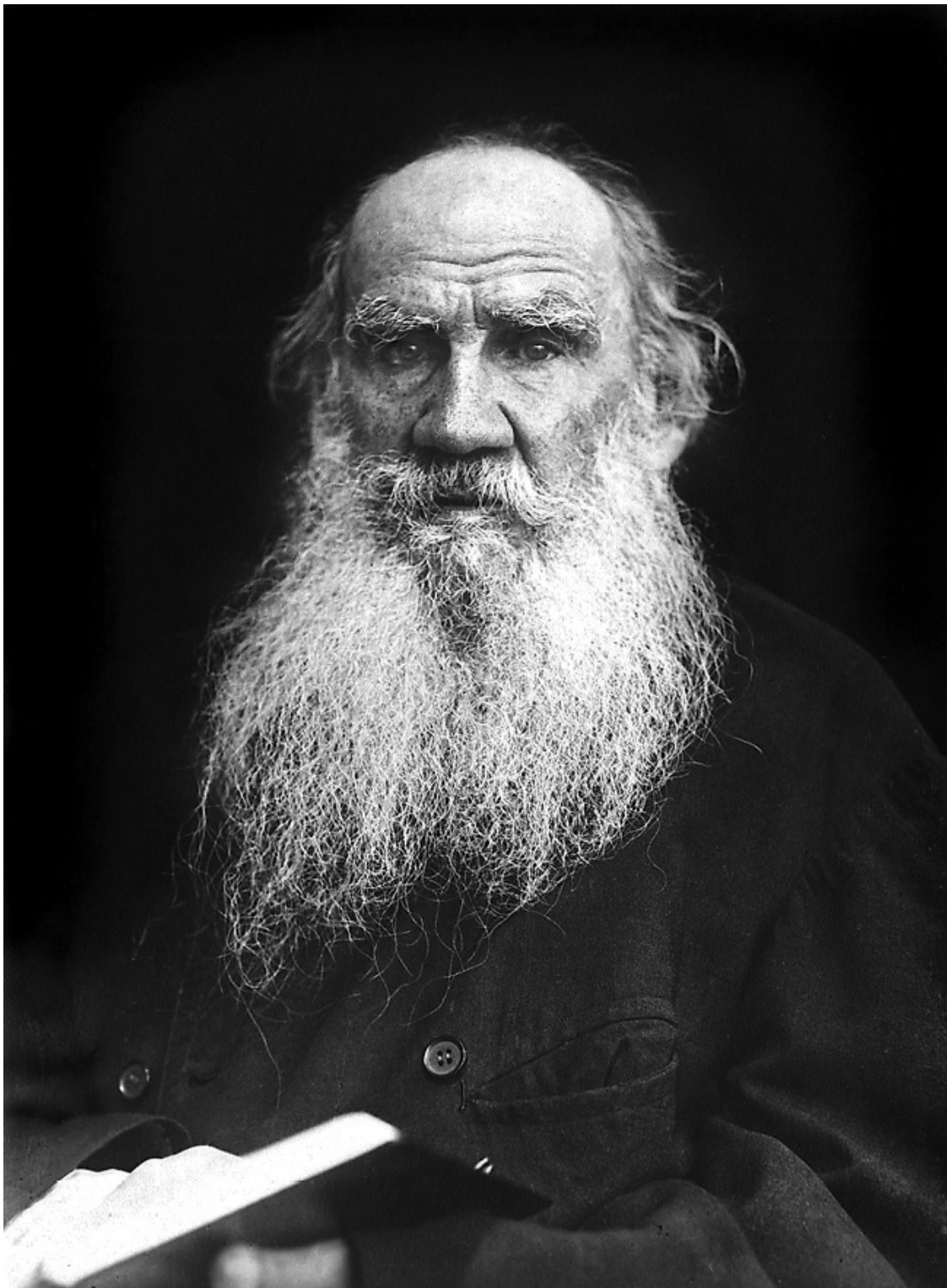
Оскорбительные и уничижительные суждения по поводу ухода Толстого из Ясной Поляны, как и его личности («выживший из ума старик», женоненавистник, «жестокосердный развратник, перешигнувший через супружескую верность, опозоривший себя и семью, оставивший жену, детей и 25 внуков без средств к существованию», «человек, уставший от жизни и общения с людьми», «пиарщик, возжелавший еще большей славы»...), встречались ранее, но в наше время их стало так много, что количество стало переходить в новое качество. Толстой оказался зажатым в круг обывательских представлений и безудержной пошлости.

Важно подчеркнуть один момент во всем этом калейдоскопе суждений. **Мнение о духовной и физической немощи Толстого в последние месяцы жизни не имеет ничего общего с реальностью.** Кому-то важно представить его чуть ли не маразматиком, не ведающим, что он творит. Между тем творческая и жизненная активность Толстого в последние пять месяцев своей жизни поражает. Дни болезни перемежаются с постоянной верховой ездой, вплоть до ухода (27 октября вместе с Д. П. Маковицким он верхом проехал 16 верст), долгими пешими путешествиями по окрестностям Ясной Поляны, Отрадного, Кочетов.

Не ослабевают духовные общения писателя с современниками: **с июня по ноябрь 1910 года он написал более 250 писем 175 адресатам.** Многие письма отличаются глубиной философского и социально-общественного содержания, проникновенностью, на каждом лежит печать самобытности личности автора. Среди них – письма к молодому Ганди, Ф. А. Страхову, К. Ф. Смирнову о запое, священникам Д. Н. Ренскому и Д. Е. Троицкому о невозможности стать на путь догматического Богословия, одному из бывших учителей яснополянской школы Н. П. Петерсону, оригинальному мыслителю XX века П. П. Николаеву, В. И. Шпигановичу о проблеме самоубийства, издателю И. И. Горбунову-Посадову о народных изданиях «Посредника» и о том, что следует издавать, друзьям-единомышленникам, своим биографам – русскому П. И. Бирюкову, итальянцу Джулио Витали, американцу Эйльмеру Мооду. Большой

¹ Выделение жирным шрифтом, курсивом, жирным курсивом, подчеркивание здесь и далее в моем тексте и цитируемых материалах мои. Курсив и иного рода выделения в цитатах других авторов оговариваются особо. – В. Р.

массив писем представляет собой переписку Толстого с родными и близкими, выявившую суть жизненных позиций Толстого и тех, кто его окружал в последние месяцы жизни.

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 1908. Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. Толстой среди родных и гостей в день своего 75-летия.

28 августа 1903 г. Ясная Поляна. Фотография Ф. Т. Протасевича.

Слева направо стоят: Е. Ю. Игумнова, Н. Л. Оболенский, В. А. Кузминская, П. А. Буланже, А. Б. Гольденвейзер, И. И. Горбунов-Посадов, К. В. Орлов (корреспондент), Л. Л. Толстой, С. Л. Толстой, А. Л. Толстая, Т. Л. Сухотина, А. И. Толстая и П. А. Сергеенко;

в среднем ряду: Вера Сидоркова (дочь слуги), Е. С. Денисенко, О. К. Толстая с дочерью Соней, С. А. и Л. Н. Толстые, М. Л. Оболенская, Д. Ф. Толстая, С. Т. Семенов;

в первом ряду: Д. В. Никитин, М. М. Сухотин, М. Л. Толстой с Онисимом Денисенко, И. Л. Толстой, А. Л. Толстой и А. А. Берс

Практически ни на день не прекращалось общение писателя с многочисленными гостями – представителями разных классов, разных идейных убеждений, разных возрастов и национальностей. Приходили к Толстому за советом, материальной поддержкой, с житейскими просьбами, но в основном – с желанием разрешить тот или иной мучительный вопрос земного существования, поговорить о душе и Боге.

Как и раньше, велик интерес писателя к чтению. Он зиждется на его давних пристрастиях к тем или иным авторам и его жажде быть всегда на острие переломных событий в мире. Все чаще чтение уводит Толстого от «суеты сует», от недоброй атмосферы в домашнем окружении, от одиночества, которое мучает его и возрастает с каждым днем.

Так, 5 октября, через день после тяжелого обморока, еще достаточно слабый, Толстой ведет разговор о писателях: Ги де Мопассане, Гоголе, В. В. Розанове, Н. А. Бердяеве, В. С. Соловьеве, М. П. Арцыбашеве. Он вслух декламирует свои любимые стихотворения – *Silentium* Тютчева и «Воспоминание» Пушкина. Через день его душа нуждается в «чтении Шопенгауэра»; 8, 9, 18 и 22 октября Толстой штудирует книгу П. П. Николаева «Понятие о боге как

совершенной основе жизни», а 9-го «перебывает» это чтение статьей В. А. Мякотина «О современной тюрьме и ссылке» в журнале «Русское богатство».

В центре предлагаемой хроники – Лев Толстой. Вокруг него выстраиваются все другие точки зрения. Отправляя читателя в трудное путешествие, думаю, важно обратить его внимание на признание самого Льва Толстого, сделанное за два года до смерти: «и ни разу не изменил жене»². Не верить этому нельзя, ибо Толстой никогда не лгал. Для него с юности и до конца дней героями его жизни и творчества были правда и искренность.

В первую часть включены материалы, отражающие ситуацию до «ухода из Ясной Поляны», – с 19 июня по 28 октября 1910 года, во вторую – непосредственно уход и смерть на полустанке в Астапове.

В ОТРАДНОМ

В гостях у Владимира Григорьевича Черткова

Из дневника Льва Николаевича Толстого 1910 г

19 июня. Отрадное

Долго спал и возбужден. Придумал важное изменение в Предисловии и кончил письмо в Славянский съезд. Теперь 2-й час. Записать:

1) Ужасно не единичное, бессвязное, личное, глупое безумие, а безумие общее, организованное, общественное, умное безумие нашего мира. [...]

Ездил с Чертковым в Троицкое (посещения Троицкой окружной психиатрической больницы. – В. Р.) Необыкновенное великолепие чистоты, простора, удобств. Были у 1) испытуемых мужчин. Там экспроприатор, защищавший насилие, старообрядец, приговоренный к смертной казни и потом 20 годам каторжных работ за убийство, потом отцеубийца, 2) беспокойные, 3) полуспокойные и 4) слабые. То же деление у женщин. Особенно тяжелое впечатление женщин, испытуемых и беспокойных.

Дома известие, что Черткову «разрешено» быть в Телятинках во время приезда матери. Ванна. Песни – Саша.

20 июня. Отрадное

Встал бодрым. Поправил и «Славянам», и «Предисловие». И написал «Детскую Мудрость». **Хочу попытаться сознательно бороться с Соней добром, любовью.** Издалека кажется возможным. Постараюсь и вблизи исполнить. Душевное состояние очень хорошее. Молитва благодарности уже не так действует. **Теперь молитва всеобщей любви.** Не то, что с тем, с кем схожусь, а со всеми, всем миром. И действует. И те молитвы: не заботы о людском суждении и о благодарности оставили осязательные, радостные следы.

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 56. М., 1937. С. 173. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте книги с указанием тома и страницы.

Л. Н. Толстой на верховой прогулке в с. Мещерском.
1910. Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. Толстой среди больных и врачей Троицкой окружной психиатрической больницы (близ села Мещерское).

1910. Фотография В. Г. Черткова

* * *

«СЛАВЯНСКОМУ СЪЕЗДУ В СОФИИ

Получил приглашение ваше и с радостью приехал бы, если бы не мои года и нездоровье. Приехал бы с тем, чтобы лично побеседовать с вами о том предмете, который собрал вас. Постараюсь сделать это хотя бы письменно.

Единение людей, то самое, во имя чего вы собрались, есть не только важнейшее дело человечества, но в нем я вижу и смысл, и цель, и благо человеческой жизни. Но для того, чтобы деятельность эта была благодетельна, нужно, чтобы она была понимаема во *всем* ее значении без умаления, ограничения, извращения. Так это по отношению всех важнейших деятельностей человеческих, так это и по отношению религии, любви, служения человечеству, науки, искусства. Все до конца, до последних выводов, как бы они ни были чужды или неприятны нам. Все или ничего. И именно *ничего*, а не кое-что, потому что все эти величайшие деятельности человеческой души, как только они не доведены до конца, не только не полезны, не только не приносят свою, хоть малую пользу, как думают и говорят многие, но губительны и более всего другого задерживают достижение той самой цели, к которой они как будто бы стремятся. Так это с религией, допускающей слепую веру, так это с любовью, допускающей борьбу – сопротивление, так это со служением людям, допускающим насилие над людьми. Так во всем и особенно в деятельности, имеющей целью единение людей.

Несомненно, что соединенные люди сильнее разъединенных. Семья сильнее отдельного человека. Шайка грабителей сильнее, чем каждый порознь. Община сильнее отдельных личностей. Соединенное патриотизмом государство сильнее разрозненных народностей. Но дело в том, что преимущество соединенных людей против разъединенных и неизбежное последствие этого преимущества, порабощение или хотя бы эксплуатация разъединенных, естественно вызывает в разъединенных желание соединиться для того, чтобы сначала противодействовать насилию, а потом и совершать его. Славянским народностям естественно, испытывая на себе зло соединения австрийского, русского, германского, турецкого государств, желать, для противодействия этому злу, сложиться в свое соединение, но новое соединение это, если только состоится, неизбежно будет вовлечено точно в такую же деятельность не только борьбы с другими единениями, но и в подавление и эксплуатацию более слабых соединений и отдельных личностей.

Да, в единении и смысл, и цель, и благо человеческой жизни, но цель и благо это достигаются только тогда, когда это единение *всего* человечества во имя основы, общей *всему* человечеству, но не единение малых или больших частей человечества во имя ограниченных, частных целей. Будь это единение семьи, шайки грабителей, общины или государства, народности или “священный союз” государств, такие соединения не только не содействуют, но более всего препятствуют истинному прогрессу человечества. И потому для того, чтобы сознательно служить истинному прогрессу, я, по крайней мере, так думаю, должно не содействовать всем таким частным соединениям, а всегда противодействовать им. Единение есть ключ, освобождающий людей от зла. Но для того, чтобы ключ этот исполнил свое назначение, нужно, чтобы он был продвинут до конца, до того места, где он отворяет, а не ломается сам и не ломает замок. Так и единение для того, чтобы оно могло произвести свойственные ему благодетельные послед-

ствия, оно должно иметь целью единение *всех* людей, во имя общего *всем* людям, одинаково признаваемого всеми начала. А таким единением может быть только единение, основанное на той религиозной основе жизни, которая одна соединяет людей и, к несчастью, признается ненужной, отжившей большинством людей, в наше время руководящим народами.

Мне скажут: мы признаем и эту религиозную основу, но не отрицаем и основы единения племенной, народной, государственной. Но дело в том, что одно исключает другое. Если признано целью жизни человечества единение всемирное, религиозное, то это самое признание отрицает всякие другие основы единения и, наоборот, признание основой единения начала племенного, народного, патриотическо-государственного неизбежно отрицает религиозное начало как действительную основу жизни.

Думаю, почти уверен, что эти высказанные мною мысли будут признаны неприложимыми и неправильными, но я счел своим долгом вполне откровенно высказать их тем людям, которые, несмотря на мое отрицание племенного и народного патриотизма, все-таки более близки мне, чем люди других народов. Скажу более, откинув соображения о том, что по этим словам моим меня могут уличить в непоследовательности и противоречии самому себе, скажу, что особенно побудила меня высказать то, что я высказал, моя вера в то, что та основа всеобщего религиозного единения, которая одна может, все более и более соединяя людей, вести их к свойственному им благу, что **эта основа будет принята прежде всех других народов христианского мира народами именно славянского племени.**

Отрадное, 20 июня 10 г.» (курсив Л. Н. Толстого. – *В. Р.*)³.

* * *

21 июня. Отрадное

Нам дано одно, но зато неотъемлемое благо любви. **Только любви, и все радость: и небо, и деревня, и люди, и даже Сам.** А мы ищем блага во всем, только не в любви. А это искание его в богатстве, власти, славе, исключительной любви – все это мало того, что не дает блага, но, наверное, лишает его.

³ Т. 38. С. 175–176.

Л. Н. Толстой, В. Г. Чертков и Д. П. Маковицкий около дома
в имении Отрадное близ с. Мещерского.

Московская губ. 1910. Фотография Т. Тапселя

22 июня. Отрадное

Встал рано. Немного, мало спал. Посмотрим, что будет во мне, а не вне меня. Помоги, Бог. [...] Почти ничего не работал: кончил книжечки. Заснул. Ездил с Чертковым в Лебучане. Там ходил на фабрику – проявление безумия. [...] Вечером Страхов (Федор Алексеевич, философ, единомышленник Л. Н. Толстого. – *В. Р.*) читал статью об идеале христианства. Хорошо. Ложусь спать. **Телеграмма из Ясной – тяжело.**

Из комментариев Николая Сергеевича Родионова к дневникам Л. Н. Толстого 1910 г

22 июня. В 5 часов вечера

«...На имя А.Л. Толстой была получена телеграмма из Ясной Поляны от В. М. Феокритовой (подруга дочери писателя А. Л. Толстой, секретарь С. А. Толстой. – *В. Р.*) следующего содержания: “Софье Андреевне сильное нервное расстройство, бессонница, плачет, пульс сто, просит телеграфировать. Варя”.

Сама же **С. А. Толстая** в своем “Ежедневнике” 22 июня пишет:

“Больна нервами и сердцем. Варвара Михайловна телеграфировала Льву Николаевичу, но он не приедет!.. Отвратительна эта старческая влюбленность в фальшивого лицемера Черт-

кова, нашего разлучника, и я его ненавижу за это. **Хочется смерти и боюсь самоубийства; но, вероятно, воспитаю в себе эту мысль.** Невыносима жизнь с этим незаслуженным, постоянно недобрым ко мне отношением Льва Николаевича. Ох! Как я что-то страдаю! Сердце, голова, душа – все болит”.

В. М. Феокритова (подруга дочери Л. Н. Толстого Саши, секретарь С. А. Толстой. – В. Р.), находившаяся неотступно в последние дни с С. А. Толстой, продолжая свои записки, пишет:

Л. Н. Толстой читает вслух свою статью «О безумии».

Мещерское. 21 июня 1910 г. Фотография Т. Тапсея.

Слева направо: Ф. А. Страхов, А. Я. Григорьев, В. Ф. Булгаков (стоит), А. С. Бутурлин, Л. Н. Толстой, В. Г. Чертков, Д. П. Маковицкий, А. К. Черткова, П. Н. Орленев, А. П. Сергеенко (стоит)

“Я пришла, она спросила, не было ли телеграммы от Льва Николаевича, и где расписка от посланной? Я ей отдала. Она сама лично написала еще телеграмму и просила послать немедленно. Телеграмма вот такая: “Умоляю приехать скорей – двадцать третьего. Толстая”. Опять начались стоны и ужасные упреки Льва Николаевича. [...] Принесли телеграмму от Льва Николаевича: “Удобнее приехать завтра днем, телеграфируйте, если необходимо, приедем ночью”. Как только она прочла телеграмму, начала рыдать, бросилась с постели и кричала: “Разве вы не видите, что это слог Черткова, он его не пускает, они хотят меня уморить, но ведь у меня есть опиум... вот он”. Она побежала к шкафу и показала мне склянку с опиумом и нашатырным спиртом и кричала, что отравится, если не приедет Лев Николаевич. – “Пошлите срочную”»⁴.

⁴ Т. 58. С. 428.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

23 июня [Отрадное]

Жив. Теперь 7 часов утра. Вчера только что лег, еще не засыпал, телеграмма: «**Умоляю приехать 23**». Поеду и рад случаю делать свое дело. Помоги, Бог.

Ясная Поляна. Нашел хуже, чем ожидал: истерика и раздражение. Нельзя описать. Держался не очень дурно, но и не хорошо, не мягко.

Из комментариев Николая Сергеевича Родионова

«**В. Ф. Булгаков** (секретарь Л. Н. Толстого. – *В. Р.*), отмечая в [своем] дневнике получение от Софьи Андреевны телеграмм, пишет:

“**Именно с этих двух злополучных телеграмм, полученных в Мещерском 22 июня, начался последний крестный путь Льва Николаевича, приведший его через Астапово к могиле...**”⁵.

Л. Н. Толстой с дочерью Александрой Львовной и врачом Д. П. Маковицким в Отрадном. Московская губ. 1910. Фотография В. Г. Черткова

⁵ Т. 58. С. 428, 429.

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Из дневника Льва Николаевича Толстого

24 июня. Ясная Поляна

Много записать нужно. Встал, мало выспавшись. Ходил гулять. Ночью приходила Соня. Все не спит. Утром пришла ко мне. Все еще взволнована, но успокаивается.

1) **Вышел на прогулку после мучительной беседы с Соней.** Перед домом цветы, босоногие, здоровые девочки чистят. Потом ворочаются с сеном, с ягодами. Веселые, спокойные, здоровые. Хорошо бы написать две картинки.

Перечитал письма. Написал ответ о запое. Ничего особенного вечером. Успокоение.

25 июня

Рано встал. Писал о безумии и письма. И вдруг Соня опять в том же раздраженном истерическом состоянии. Очень было тяжело. Ездил с ней в Овсянниково (имение Т. Л. Толстой-Сухотиной. – *В. Р.*). Успокоилась. Я молчал, но не мог, не сумел быть добр и ласков. [...] Как-то нехорошо на душе. Чего-то стыдно. Ложусь спать, 12-й час.

26 июня

Встал рано. Ходил, потерял шапку. Дома – письма и только перечел «О сумасшествии» и начал писать, но не кончил. Поехал верхом, дождь. Вернулся домой. **Соня опять возбуждена, и опять те же страдания обоих.**

Помоги, Господи. Вот где место молитвы. 1) **Только перед Богом.** 2) Все дело сейчас. И не делаю. 3) **Благодарю за испытание.**

Из дневника Софьи Андреевны Толстой 1910 г

26 июня

[В первой половине 1910 года С. А. Толстая дневник не вела. Настоящая запись – первая. – *В. Р.*].

Дом Л. Н. Толстого (со стороны террасы).

Ясная Поляна. 1908. Фотография К. К. Буллы.

У террасы стоит Л. Н. Толстой с внуками Таней и Ваней,
детьми М. Л. Толстого

«Лев Николаевич, муж мой, отдал все свои дневники с 1900 года Вл. Гр. Черткову и начал писать новую тетрадь там же (в Отрадном. – *В. Р.*), в гостях у Черткова, куда ездил гостить с 12-го июня. В том дневнике, который он начал писать у Черткова, который он дал мне прочесть, между прочим сказано: “Хочу *бороться* с Соней добром и любовью” (здесь и далее **в дневниках и письмах курсив С. А. Толстой. – В. Р.**). Бороться?! С чем бороться, когда я его так горячо и сильно люблю, когда одна моя мысль, одна забота – чтоб ему было хорошо. **Но ему перед Чертковым и перед будущими поколениями, которые будут читать его дневники, нужно выставить себя несчастным и великодушно-добрым, борющимся мнимым каким-то злом.**

Жизнь моя с Льв. Ник. делается со дня на день невыносимее из-за бессердечия и жестокости по отношению ко мне. **И все это постепенно и очень последовательно сделано Чертковым.** Он всячески забрал в руки несчастного старика, он разлучил нас, он убил художественную искру в Л. Н. и разжег осуждение, ненависть, отрицание, которые чувствуются в статьях Л. Н. последних лет, на которые его подбивал его **глупый злой гений.**

**Да, если верить в дьявола, то в Черткове
он воплотился и разбил нашу жизнь**

Все эти дни я больна. Жизнь меня утомила, измучила, я устала от трудов самых разнообразных; живу одиноко, без помощи, без любви, **молю Бога о смерти; вероятно, она недалеко.** Как умный человек, **Лев Никол.** знал способ, как от меня избавиться, и с помощью своего друга – Черткова **убивал меня постепенно, и теперь скоро мне конец.**

Заболела я внезапно. Жила одна с Варварой Михайловной в Ясной Поляне. [...] Для Сашиного здоровья после ее болезни, для чистоты и уничтожения пыли и заразы, меня вынудили в доме все красить и исправлять полы. Я наняла всяких рабочих и сама таскала мебель, картины, вещи с помощью доброй Варвары Михайловны. Было и много и корректур, и хозяйственных дел. Все это меня утомило ужасно, разлука с Л. Н. стала тяжела, и со мной сделался нервный припадок, настолько сильный, что Варвара Михайловна послала Льву Никол. телеграмму: “Сильный нервный припадок, пульс больше ста, лежит, плачет, бессонница”. На эту телеграмму он написал в дневнике: “Получил телеграмму из Ясной. Тяжело”. И не ответил ни слова и, конечно, не поехал.

С. А. Толстая на балконе дома в Ясной Поляне.

1902. Фотография С. А. Толстой

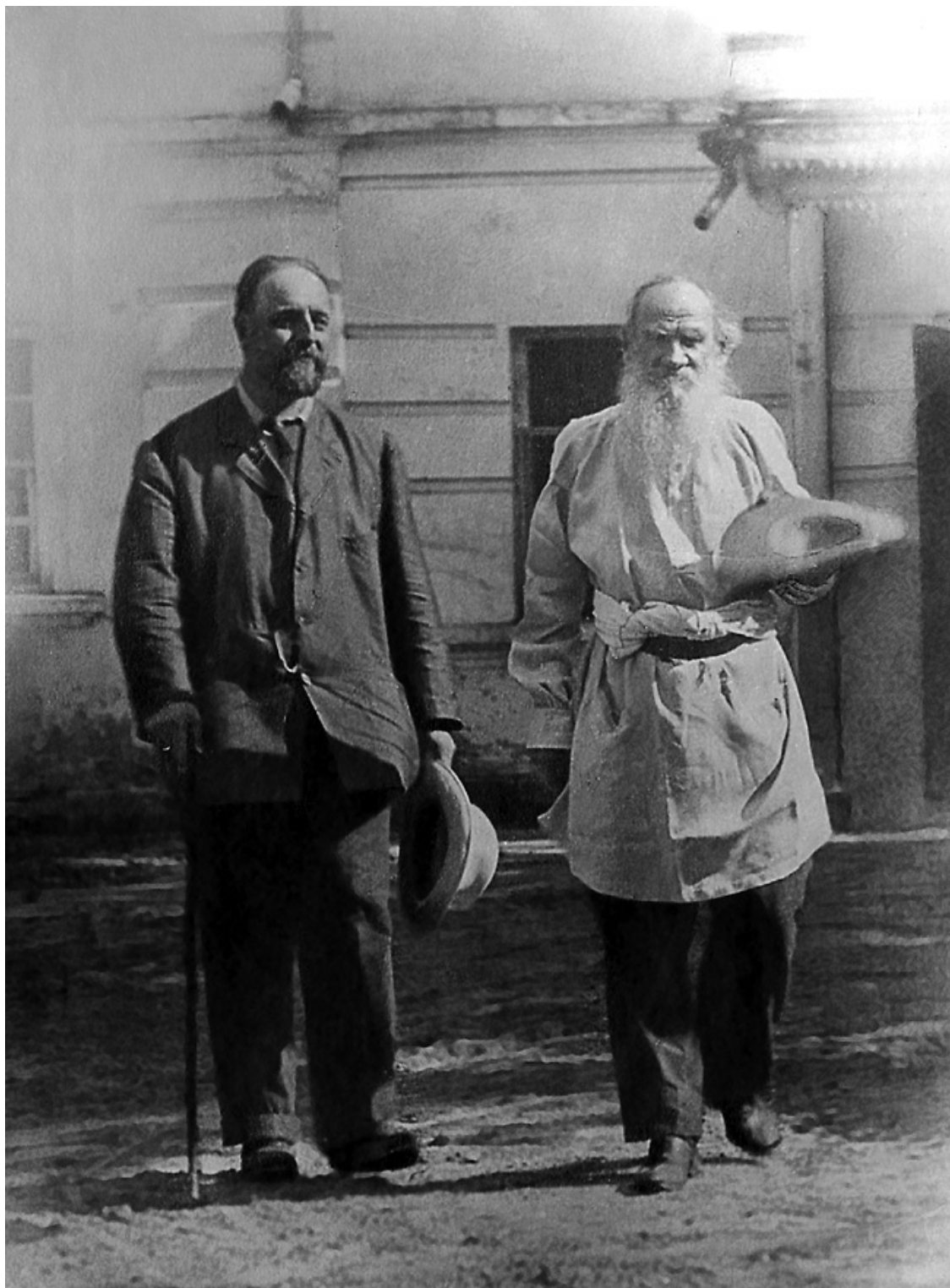
К вечеру мне стало настолько дурно, что от спазм в сердце, головной боли и невыносимого какого-то отчаяния я вся тряслась, зубы стучали, рыдания и спазмы душили горло. **Я думала, что я умираю.** В жизни моей не помню более тяжелого состояния души. Я испугалась и, как бы спасаясь от чего-то, естественно, **бросилась за помощью к любимому человеку** и вторично ему телеграфировала уже сама: «*Умоляю* приехать завтра, 23-го». Утром 23-го вместо того, чтоб приехать с поездом, выходящим в 11 часов утра, и помочь мне, была прислана телеграмма: «*Удобнее* приехать 24-го утром, если необходимо, приедем ночным».

В слове *удобнее* я почувствовала стиль жестокосердного, холодного деспота Черткова. Состояние моего отчаяния, нервности и болей в сердце и голове дошло до последних пределов. [...]

Вечером, 23-го, Лев Ник. – со своим хвостом – вернулся недовольный и неласковый. Насколько я считаю Черткова нашим *разлучником*, настолько Лев Ник. и Чертков считают *разлучницей* меня.

Произошло тяжелое объяснение, я высказала все, что у меня было на душе. **Сгорбленный, жалкий сидел Лев Ник. на табуретке и почти все время молчал. И что мог бы он мне сказать?** Минутами мне было ужасно жаль его. **Если я не отравилась эти дни, то только потому, что я трусиха.** Причин много, и надеюсь, что Господь меня приберет и без греховного самоубийства.

Во время нашего тяжелого объяснения вдруг **из Льва Ник. выскочил зверь: злоба засверкала в глазах, он начал говорить что-то резкое, я ненавидела его в эту минуту и сказала ему: “А! Вот когда ты настоящий!”** – и он сразу притих. [...]

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков идут купаться на реку Воронка.

Ясная Поляна. 1905. Фотография С. А. Толстой

Сегодня я прочла данный мне Льв. Ник. его дневник, – и опять меня обдало холодом и расстроило известие, что Лев Ник. *все* дневники свои от 1900 года отдал Черткову, якобы делать выписки [...], везде с умыслом он выставляет меня, как и теперь, мучительницей, с которой надо как-то *бороться* и самому *держаться*, а себя – великодушным, великим, любящим, религиозным...

А мне надо подняться духом, понять, что перед смертью и вечностью так не важны интриги Черткова и мелкая работа Л. Н. унижить и убить меня.

Да, если есть Бог, ты видишь, Господи, мою ненавидящую ложь душу и мою не умственную, а сердечную любовь к добру и многим людям!

Вечер. Опять было объяснение, и опять мучительные страдания. Нет, так невозможно, надо покончить с собой. Я спросила: “С чем во мне Лев Ник. хочет бороться?” Он говорит: “С тем, что у нас во всем с тобой разногласие: и в земельном, и в религиозном вопросе”. Я говорю: “Земли не мои, и я считаю их семейными, родовыми”. – “Ты можешь *свою* землю отдать”. Я спрашиваю: “А почему тебя не раздражает земельная собственность и миллионное состояние Черткова?” – “Ах! Ах, я буду молчать, оставь меня...”. **Сначала крик, потом злобное молчание.** [...]

Я, кажется, обдумала, что мне надо делать. На днях, до отъезда Льва Ник. к Черткову, он негодовал на нашу жизнь, и когда я спросила: “Что же делать?” – он негодующим голосом кричал: “Уехать, бросить все, не жить в Ясной Поляне, не видать нищих, черкеса, лакеев за столом, просителей, посетителей, – все это для меня ужасно!”

Я спросила: “Куда же теперь нам, старикам, уехать?” – “Куда хочешь: в Париж, в Ялту, в Одоев... Я, разумеется, поеду с тобой”.

Слушала я, слушала всю эту гневную речь, взяла 30 рублей и ушла; хотела ехать в Одоев и там поселиться. Была страшная жара, добежала до шоссе, задохнулась от волнения и усталости, легла возле ржи в канаву на травке. Слышу, едет кучер в кабриолете. Села, обессиленная вернулась домой. У Льва Никол. на короткое время сделались перебои в сердце. Что тут делать? Куда деваться? Что решать? **Это был первый надрез в наших отношениях (далеко не первый – В. Р.).** [...]

И вот сегодня вечером, обходя раз десять аллеи в саду, я решила без ссор, без разговоров **нанять угол в чьей-нибудь избе и поселиться в ней, бросив все дела, всю жизнь, стать бедной старушкой в избе, где дети, и их любить. Надо попробовать.**

Когда я стала говорить, что на перемену более простой жизни с Льв. Ник. я не только готова, но смотрю на нее, как на радостную идиллию, только прошу указать, *где* именно он хотел бы жить, он сначала мне ответил: “На юге, в Крыму или на Кавказе...” Я говорю: “Хорошо, поедем, только скорей...” На это он мне начал говорить, что прежде всего нужна *доброта*.

[...] *Доброта!* А когда в 20 лет, может быть, в первый раз он мог показать *свою* доброту, которую я давно не чувствую, когда я *умоляла* его приехать, он с Чертковым сочинял телеграмму, что *удобнее* не приезжать. [...] Неужели я не умру от тех страданий, которые я переживаю...

Сегодня Лев Ник. упрекал меня в розни с ним *во всем*. В чем? В земельном вопросе, в религиозном, да во всем... И это неправда. Земельный вопрос по Генри Джорджу я просто не понимаю; отдать же землю, помимо моих детей, считаю высшей несправедливостью. Религиозный вопрос не может быть разный. Мы оба верим в Бога, в добро, в покорность воле божьей. Мы оба ненавидим войну и смертную казнь. Мы оба любим и живем в деревне. Мы оба не любим роскоши... Одно – я не люблю Черткова, а люблю Льва Ник-а. **А он не любит меня и любит своего идола»⁶.**

⁶ Толстая С. А. Дневники. В 2 т. М.: Худож. литература, 1978. Т. 2. М., 1978. С. 119–124.

Из дневника Варвары Михайловны Феокрытовой-Полевой

24 июня

«Удобнее от меня отделаться...» «Удобнее!» – подхватила она (С. А. Толстая. – В. Р.) слово из телеграммы.

Она опять подошла к столу и стала писать Льву Николаевичу: «Хорошо ли изучил дома для сумасшедших женщин, куда вы с Чертковым хотите меня засадить? Не дамся... убили...»

– Нет, вы посмотрите, – кричала она, – какой он лжец: в то время, как мне пишет ложно-любовные письма, он занимается своим гнусным влюбленным романом со своим красивым идолом!

[...] Она показала и дала мне прочесть статью о последних минутах самоубийцы, которую она хотела поместить в газеты.

– Пускай Лев Николаевич прочтет, как я мучилась, я ему покажу, пусть узнает себя в ней и своего идола. Как бы мне назвать его: «Чертов?.. Сатанов?.. Демонов?.. Да... Демонов, это хорошо! Я ему покажу, когда он приедет сюда, как мне будет удобно... Мне бы только Льва Николаевича вырвать из его лап, я только теперь этого добиваюсь, а то я Льва Николаевича приберу к своим рукам. Я не выпущу его больше из глаз. Он гулять, – и я за ним, он верхом, – и я в кабриолете за ним, он к Черткову, – и я за ним. Чертков ко Льву Николаевичу в кабинет, – и я за ним... минуты не оставлю...»⁷.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

27 июня

Вчера говорила о переезде куда-то. Ночь не спал. Очень устал. Ходил гулять и думал все о том же. Есть обязанность перед Богом и людьми, которую должен исполнить в эти последние дни или часы жизни, и потому надо быть твердым. Fais ce que doit, advienne que pourra. («Делай, что должен, будь, что будет». – В. Р.) [...]

⁷ Из записок В. М. Феокрытовой-Полевой «Последний год жизни Л. Н. Толстого» // Уход Льва Толстого. М., 2011. С. 331, 332. (Далее ссылки на это издание приводятся с указанием аббревиатуры названия книги УЛТ и страницы).

А. Л. Толстая и В. М. Феокритова-Полевая (слева). 1910 г. (?). Тула (?)

7) Сумасшествие всегда следствие неразумной и потому безнравственной жизни. Кажется, верно, но надо проверить, обдумать.

8) Сумасшедшие всегда лучше, чем здоровые, достигают своих целей. Происходит это от того, что для них нет никаких нравственных преград: ни стыда, ни правдивости, ни совести, ни даже страха.

28 июня

Мало спал. С утра прекрасное настроение Сони. Просила не ехать (в Никольское-Вяземское на день рождения сына Сергея Львовича. – *В. Р.*). [...] **Хорошее письмо Черткова.** Но она все-таки возбуждена против него. [...] Приехали к Сереже. Неприятный рассказ газетчицы. Приятные разговоры с рабочими. **У Сережи бездна народаи скучно, тяжело.** Ходил к дьячку и говорил с бабами. Как мы можем жить среди этой ужасной, напряженной нужды?

Из Яснополянских записок

Душана Петровича Маковицкого

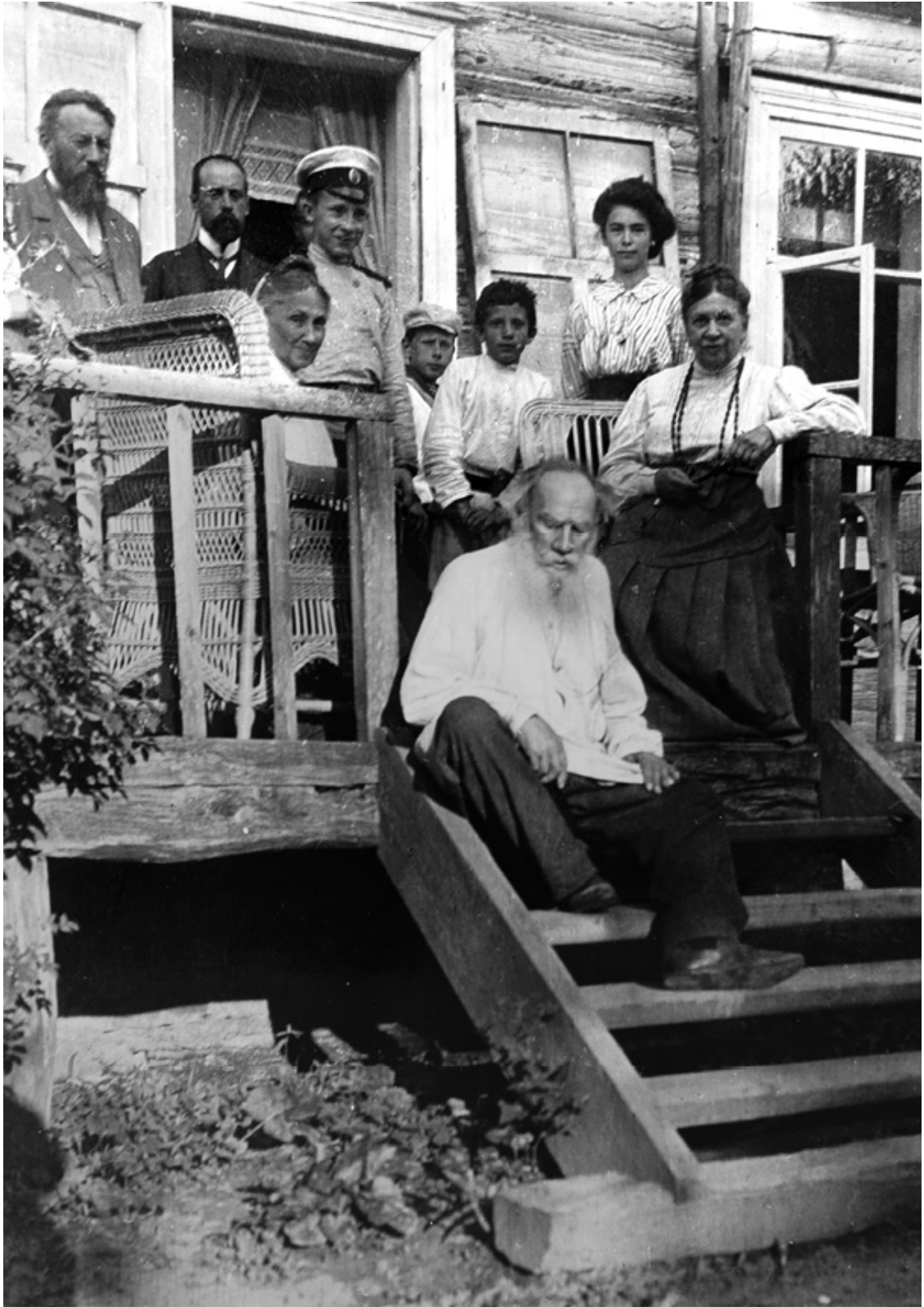
29 июня

«Лев Николаевич утром ходил в дер. Никольское, прошел ее всю, останавливаясь и разговаривая. Днем все пошли в лес. В 4.30 выехали на станцию: Лев Николаевич, Софья Андреевна и я на бричке в дышле парой. Проезжая мимо домиков дер. Никольской, Лев Николаевич сказал что-то сочувственное про никольских крестьян и спросил меня: “Помните? Край родной, край долготерпенья”. И слезы выступили у него на глазах, дальше не мог говорить»⁸.

[Толстой вспомнил первую строфу стихотворения Тютчева:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа....
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!». – *В. Р.*]

⁸ *Маковицкий Д. П.* У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки». В 5 кн. М.: Наука, 1979–1981. (Лит. наследство. Т. 90). Кн. 4. С. 290.

Л. Н. Толстой в гостях у сына Сергея Львовича в имении Никольское-Вяземское Тульской губ. 28 июня 1910 г.

Фотография М. Н. Толстой (жены сына).

Слева направо: Н. Н. Ге (сын), Ф. И. Горяин, В. В. Нагорнова с сыном С. Н. Нагорновым, Сережа Толстой (внук Л. Н. Толстого), Д. Н. Орлов, Т. С. Берс, С. А. и Л. Н. Толстые

Письмо Владимира Григорьевича Черткова

Софье Андреевне Толстой

28 июня. Телятинки. 1910 г.

«Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна, спешу от лица моей матери и моего сердечно поблагодарить Вас за внимание, оказанное Вами ей присылкою за ней Ваших лошадей. Она доехала сюда очень удобно и была тронута Вашей любезностью. Я очень надеюсь, что Вы с ней познакомитесь, потому что она хорошая и достойная женщина, и я уверен, что Вы ее оцените. У нее нет тех недостатков, которые есть у меня, и **добрые отношения между Вами и ею послужат, я в том уверен, новым душевным звеном между Вами и мною, помимо главного звена – Льва Николаевича**, сердечно нас сблизившего. По этому поводу чувствую потребность Вам сказать, что я слышал, что последнее время Вы выражаете ко мне неприязненное чувство. Я не могу поверить, чтобы это Ваше чувство ко мне было бы чем-либо иным, как временным раздражением, вызванным какими-нибудь недоразумениями, которые при личном свидании очень скоро улетучились бы, как постороннее, наносное наваждение. В лице Льва Николаевича слишком многое – и притом самого лучшее, что у нас обоих есть в жизни – нас с Вами связывает и связывает глубоко и неразрывно. Мы можем иногда временно сердиться друг на друга, но мы никак не можем стать врагами. Напротив того, Вы были глубоко правы, дорогая Софья Андреевна, **когда в день юбилея Льва Николаевича так задушевно сказали мне, что я лучший друг Вашей семьи**. Никакие наговоры против меня за моей спиной моих врагов не могут изменить этого радостного для меня факта, хотя и могут временно возбудить Вас против меня. Я уверен, что при первой личной с Вами беседе легко устранился то, что как будто стало между нами. А в свое время надеюсь, **что Бог предоставит мне случай уже не на словах, а на деле доказать мою истинную дружбу к Вам и ко всей Вашей семье**. Мы давно не виделись, и у Вас, очевидно, сложились обо мне представления, которые рассыпятся при первом возобновлении наших личных сношений. Я так в этом уверен, что решаюсь теперь усердно просить Вас позволить мне поцеловать Вашу руку и засвидетельствовать мою ничем не нарушимую, истинную преданность. В. Чертков»⁹.

Из письма Софьи Андреевны Толстой В. Г. Черткову

1 июля

«Владимир Григорьевич,

вы спрашивали Льва Николаевича, почему я так внезапно к вам изменила свое отношение, считая вас еще недавно самым близким человеком нашей семьи. Действительно, я так и относилась к вам и ценила, что вы так старательно распространяли мысли Льва Ник<олаевича> и берегли его писанья. Но в писаньи дороги *мысли*, а ценность *рукописей* имеет уже другое значение.

Возникло мое дурное чувство к вам, во-первых, уже потому, что, когда я заболела, Лев Николаевич на мой отчаянный вызов: “Умоляю приехать”, – вместо того, чтобы приехать,

⁹ Т. 58. С. 434–435.

как это было раньше и всю жизнь, холодно ответил, что “удобнее приехать на другой день”. Конечно, я предписала это вашему влиянию и в слове “удобнее” узнала ваш стиль.

Когда я со слезами упрекала Льву Николаевичу, что ему Эрденко (скрипач, гость В. Г. Черткова. – В. Р.) и жизнь у Чертковых дороже больной жены, он мне предложил прочесть в его дневнике, как он любовно ко мне относился за глаза. В дневнике была только одна фраза: “хочу бороться с С. любовью и...” чем-то еще, не помню.

Бороться? Бороться с чем? Ведь не злодейка же я, любя его 48 лет нашей супружеской жизни. Мне было больно, и Лев Николаевич сказал, что верно он писал обо мне в другом дневнике [...]

– Дневники у Черткова? – спросила я уже с волнением.

– Не знаю, вероятно, у него, я ему позволял брать мои дневники для того, чтобы делать выписки, и он их мне всегда возвращал. [...]

С. А. Толстая за работой на площадке перед домом.
Ясная Поляна. 1901. Фотография С. А. Толстой

Л. Н. Толстой в Телятинках у В. Г. Черткова. 5 июля 1910 г.
Фотография Т. Тапселя. Слева от Толстого – В. Г. Чертков

То, что вы даже от Льва Ник<олаевича> скрыли, куда девали дневники его. [...] Теперь вы их совсем похитили. Может быть, я ошибаюсь, и вы и теперь их вернете, и я верну вам свое уважение и расположение и сама успокоюсь. Теперь же мне даже тяжело вас видеть после того, как я так ошиблась в вас. Кроме всего того, я сама пишу свои “Записки” и воспоминания, и мне дневники Льва Ник<олаевича> служили дорогим материалом; теперь я этого лишена, и мне это очень больно. Если вам хоть сколько-нибудь дороги отношения со мной и спокойствие Льва Николаевича [...] – отдайте мне дневники Льва Николаевича.

[...] Вот и все. Будем видеться, и если вы исполните мою просьбу, то мы будем друзьями более чем когда-либо. Если же нет, то Льву Николаевичу будет больно видеть наши отношения, – переломить же мое сердце в другую сторону я не в состоянии. Слишком поразило меня это исчезновение дневников. Простите и утешьте, если можете. Ответ ваш выслушаю, когда буду поздоровее, а теперь я очень слаба от болезни и всего пережитого мной»¹⁰.

¹⁰ УЛТ. С. 371, 372.

Из письма Владимира Григорьевича Черткова С. А. Толстой

1 июля

Телятинки (поселок, находящийся недалеко

от Ясной Поляны. – В. Р.)

«Многоуважаемая Софья Андреевна!

Благодарю Вас за Ваше письмо. Благодарю потому, что надеюсь, что оно послужит первым шагом к устранению того недоразумения, которое возникло между нами. Но ответить на Ваше письмо мне необходимо внимательно и обстоятельно, чего я сегодня сделать не успел. [...]

Пока скажу только, что я решительно не вижу никакого основания для того, чтобы добрые отношения между нами не продолжались, и что с своей стороны я всегда готов и твердо намерен сделать все от меня зависящее все <не> только для поддержания прежних наших добрых отношений, но и для большего и большего нашего взаимного понимания, как и подобает лицам, каждый по-своему, столь близко связанным с дорогим Львом Николаевичем.

Л. Н. Толстой в гостях у А. Б. Гольденвейзера в Телятинках, гостившего в доме Александры Львовны Толстой. 1905. Фотография В. Г. Черткова. Слева направо: Л. Н. Толстой, Н. А. и Н. Б. Гольденвейзеры, А.А. и А. Б. Гольденвейзер Почтительно преданный Вам В. Чертков»¹¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

7 июля

Е. б. ж. Жив, но дурной день. Дурной тем, что все не бодр, не работаю. Даже корректуру не поправил. Поехал верхом к Черткову. Вернувшись домой, застал Софью Андреевну в раздражении, никак не мог успокоить. Вечером читал. Поздно приехал Гольденвейзер (А. Б. Гольденвейзер – пианист, друг Л. Н. Толстого. – *В. Р.*) и Чертков. **Соня с ним** (с Чертковым. –

¹¹ УЛТ. С. 372.

В. Р.) объяснялась и не успокоилась. Но вечером поздно очень хорошо с ней поговорил. Ночь почти не спал.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

10 июля

«Лев Николаевич, разумеется, *не посмел* в дневнике своем написать, как он поздно вечером вошел ко мне, плакал, обнимал меня и радовался нашему объяснению и нашей близости, а везде пишет: “Держусь”. Что значит “держусь”? Большой любви, желания блага, бережности нельзя дать, чем я отдаю ему. Но дневники отдаются Черткову, он их будет издавать, он всему миру постарается повестить, что, как он говорил, от такой жены, как я, надо застрелиться или бежать в Америку.

Уехал сегодня Л. Н. верхом с Чертковым в лес. [...]

Приехав, Чертков хватился, что потерял часы. Он нарочно подъехал к балкону и сказал Льву Ник-у, где думает, что потерял часы. И Л. Н., жалкий, покорный, обещал после обеда *пойти искать* часы господина Черткова в овраге.

С. А. Толстая за работой. Ясная Поляна. 1901.

Фотография С. А. Толстой

К обеду приехали приятные гости. [...] Я думала, что Льву Ник. будет совестно потащить всех нас, почтенных людей, в овраг и на кручь искать часы господина Черткова. Но он так его боится, что не остановился даже перед положением быть смешным – ridicule – **исканья часов Черткову целым обществом в восемь человек.** [...]

На другое утро Лев Ник. встал рано, пошел на деревню, **созвал ребят и с ними нашел часы в овраге.**

Вечером [...] высказала Льву Ник. свое чувство неудовольствия и отчасти стыда за то, что повел вместо прогулки все общество в овраг за чертковскими часами; он, конечно, рассердился, произошло опять столкновение, и опять я увидела ту же жестокость, то же отчуждение, то же выгораживание Черткова. Совсем больная и так, я почувствовала снова этот приступ отчаяния; я легла на балконе на голые доски [...] Ночь холодная, и мне хорошо было думать, что где я нашла его любовь, там я найду и смерть. Но, видно, я ее еще не заслужила.

Вышел Лев Николаевич, услышав, что я шевелюсь, и начал с места на меня кричать, что я ему мешаю спать, что я уходила бы. Я и ушла в сад и два часа лежала на сырой земле в тонком платье. Я очень озябла, но очень желала и желаю умереть.

[...] Если б кто из иностранцев видел, в какое состояние привели жену Льва Толстого, лежащую в два и три часа ночи на сырой земле, окоченевшую, доведенную до последней степени отчаяния, – как бы удивились добрые люди! Я это думала, и мне не хотелось расставаться с этой сырой землей, травой, росой, небом, на котором беспрестанно появлялась луна и снова пряталась. Не хотелось и уходить, пока мой муж не придет и не возьмет меня домой, потому что он же меня выгнал. **И он пришел только потому, что Лева-сын кричал на него, требуя, чтоб Л. Н. пришел ко мне,** и они меня севой привели домой. Три часа ночи, ни он, ни я, мы не спим. **Ни до чего мы не договорились, ни капли любви и жалости я в нем не вызвала.**

Ну и что ж! Что делать! Что делать! Жить без любви и нежности Льва Николаевича я не могу. А дать мне ее он не может. 4-й час ночи...

[...] Когда совсем рассвело, мы еще сидели у меня в спальне друг против друга и не знали, что сказать. [...] Наконец я взяла Льва Ник-а за руку и просила его лечь, и мы пошли в его спальню. Я вернулась к себе, но меня опять потянуло к нему, и я пошла в его комнату. [...] **Опять мы оба плакали, и я наконец увидела и почувствовала его любовь.**

Я молила Бога, чтоб он помог нам дожить мирно и по-прежнему счастливо последние годы нашей жизни»¹².

Из дневника Льва Николаевича Толстого

11 июля

Жив еле-еле. Ужасная ночь. До 4 часов. И ужаснее всего был Лев Львович (сын Л. Н. Толстого. – В. Р.). Он меня ругал, как мальчишку, и приказывал идти в сад за Софьей Андреевной. Утром приехал Сергей. Ничего не работал – кроме книжечки. Праздность. Ходил, ездил. Не могу спокойно видеть Льва. Еще плох я. **Соня, бедная, успокоилась. Жестокая и тяжелая болезнь. Помогите, Господи, с любовью нести. Пока несу кое-как.** [...] Теперь 11 часов. Ложусь.

Из комментариев Николая Сергеевича Родионова

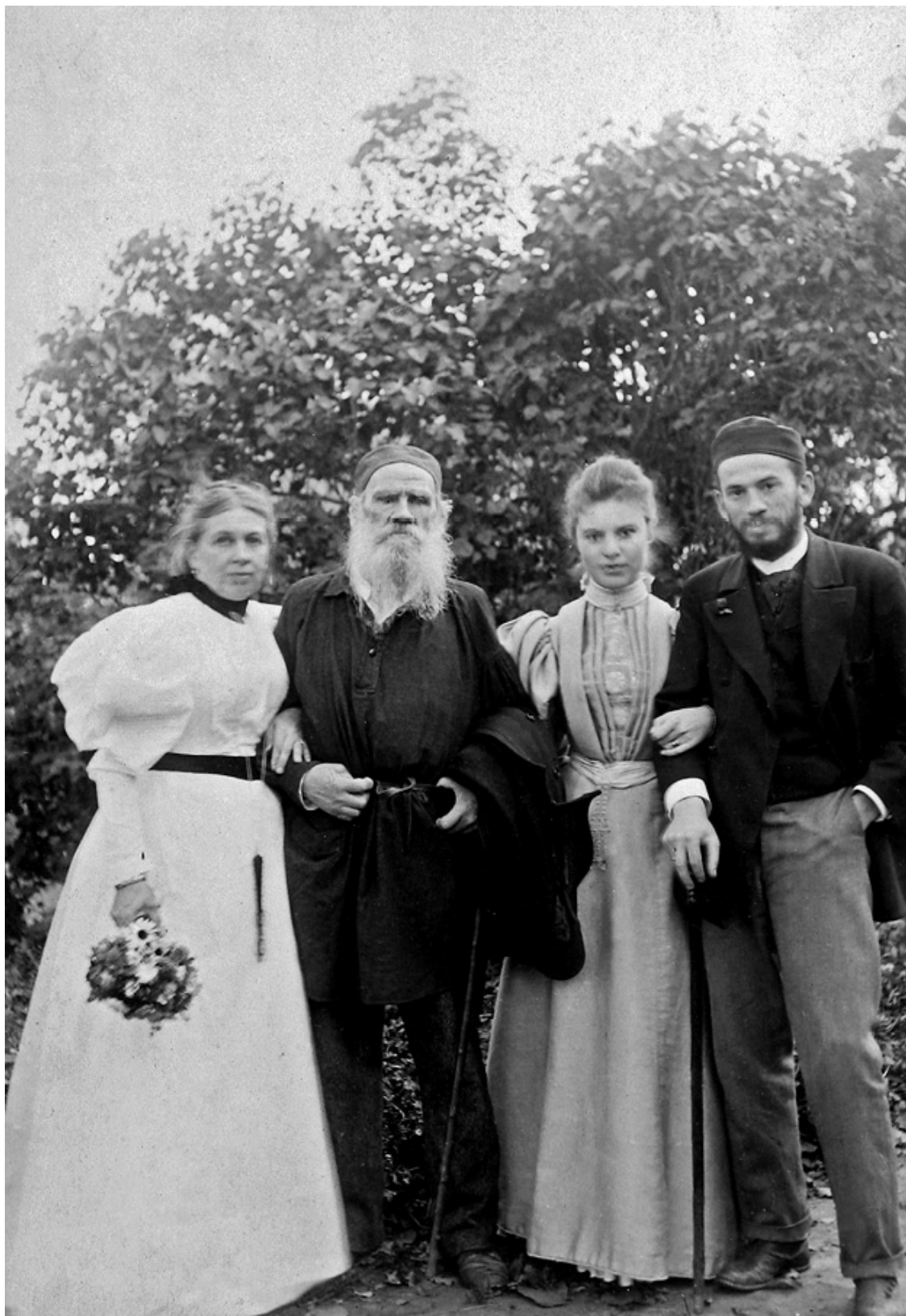
11 июля

«В ночь с 10 на 11 июля истерическое состояние С. А. Толстой на почве невозвращения ей дневников Толстого от Черткова. Резкое столкновение с отцом Л. Л. Толстого, ставшего на сторону матери. Утром приезд С. Л. Толстого».

«Семейный совет детей Толстого: Сергея Львовича, Льва Львовича и Александры Львовны, как оградить отца от мучительного для него поведения матери»¹³.

¹² Т. 2. С. 137–139.

¹³ Т. 58. С. 256.

Тридцать четвертая годовщина свадьбы. 23 сентября 1896 г.
С. А. и Л. Н. Толстые, сын Лев Львович Толстой
и его жена Дора Федоровна.
Ясная Поляна. Фотография С. А. Толстой

Письмо Льва Николаевича Толстого С. А. Толстой

14 июля

«1) Теперешний дневник никому не отдам, буду держать у себя.

2) Старые дневники возьму у Черткова и буду хранить сам, вероятно, в банке.

3) Если тебя тревожит мысль о том, что моими дневниками, теми местами, в которых я пишу под впечатлением минуты о наших разногласиях и столкновениях, что этими местами могут воспользоваться недоброжелательные тебе будущие биографы, то, не говоря о том, что такие выражения временных чувств, как в моих, так и в твоих дневниках никак не могут дать верного понятия о наших настоящих отношениях, – если ты боишься этого, то я рад случаю выразить в дневнике или просто как бы в этом письме мое отношение к тебе и мою оценку твоей жизни.

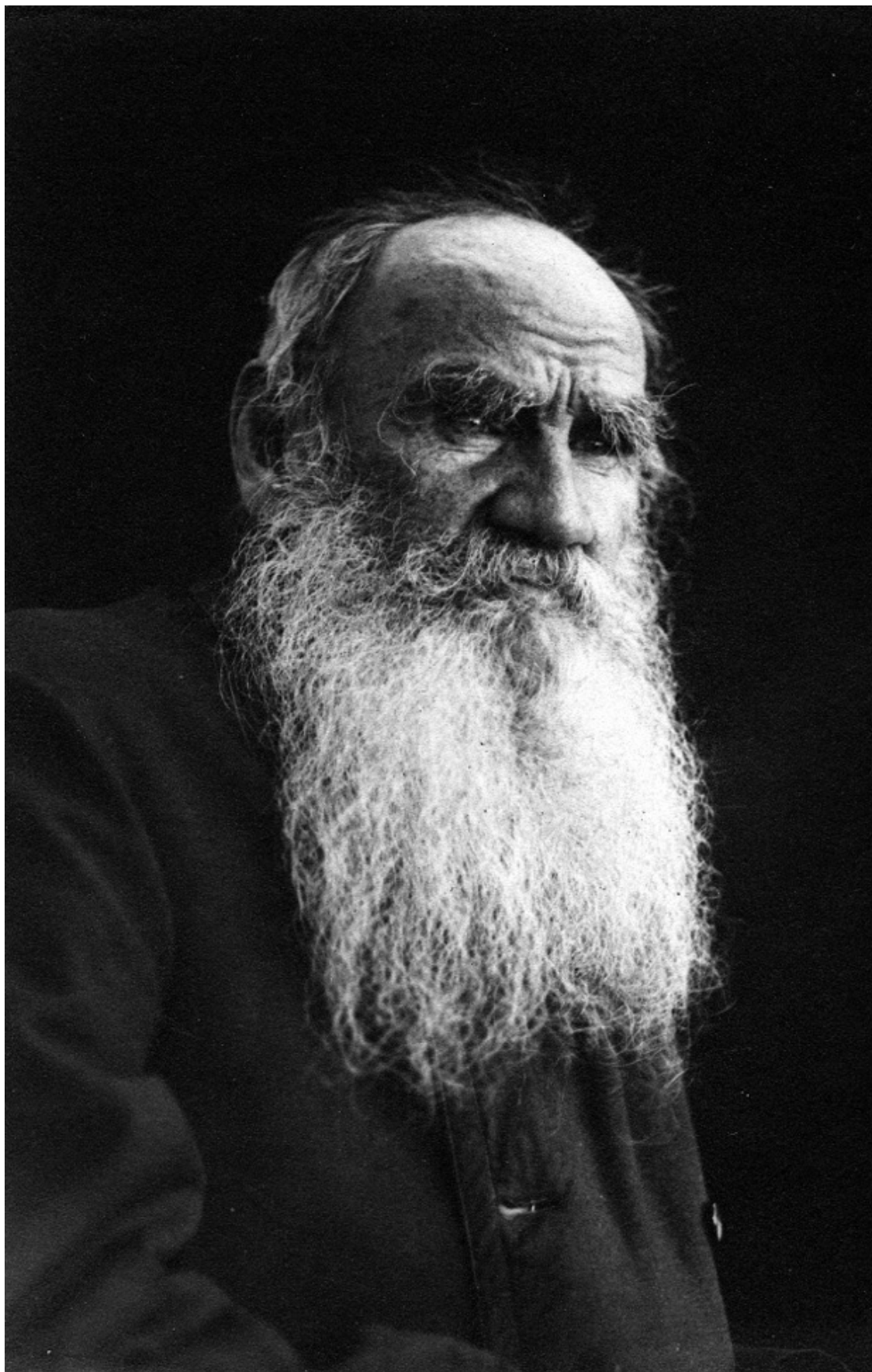
Мое отношение к тебе и моя оценка тебя такие: как я смолоду любил тебя, так я, не переставая, несмотря на разные причины охлаждения, любил и люблю тебя. **Причины охлаждения эти были** (не говорю о прекращении брачных отношений – такое прекращение могло только устранить обманчивые выражения ненастоящей любви), – причины эти были, во-первых, все бóльшее и бóльшее (ударения поставлены Толстым. – В. Р.) **удаление мое от интересов мирской жизни и мое отвращение к ним, тогда как ты не хотела и не могла расстаться**, не имея в душе тех основ, которые привели меня к моим убеждениям, что очень естественно, и в чем я не упрекаю тебя. **Это во-первых.** Во-вторых (прости меня, если то, что я скажу, будет неприятно тебе, но то, что теперь между нами происходит, так важно, что надо не бояться высказывать и выслушивать всю правду), **во-вторых, характер твой в последние годы все больше и больше становился раздражительным, деспотичным и несдержанным.** Проявления этих черт характера не могли не охлаждать – не самое чувство, а выражение его. Это во-вторых. **В-третьих. Главная причина была роковая, та, в которой одинаково не виноваты ни я, ни ты, – это наше совершенно противоположное понимание смысла и цели жизни. Все в наших пониманиях жизни было прямо противоположно:** и образ жизни, и отношение к людям, и средства к жизни – собственность, которую я считал грехом, а ты – необходимым условием жизни. Я в образе жизни, чтобы не расставаться с тобой, подчинялся тяжелым для меня условиям жизни, ты же принимала это за уступки твоим взглядам, и недоразумение между нами росло все больше и больше. Были и еще другие причины охлаждения, виною которых были мы оба, но я не стану говорить про них, потому что они не идут к делу. Дело в том, что я, несмотря на все бывшие недоразумения, не переставал любить и ценить тебя.

Оценка же моя твоей жизни со мной такая: я, развратный, глубоко порочный в половом отношении человек, уже не первой молодости, женился на тебе, чистой, хорошей, умной 18-летней девушке, и, несмотря на это мое грязное, порочное прошедшее, ты почти 50 лет жила со мной, любя меня, трудовой, тяжелой жизнью, рожая, кормя, воспитывая, ухаживая за детьми и за мною, не поддаваясь тем искушениям, которые могли так легко захватить всякую женщину в твоём положении, сильную, здоровую, красивую. Но ты прожила так, что я ни в чем не имею упрекнуть тебя. За то же, что ты не пошла за мной в моем исключительном духовном движении, я не могу упрекать тебя и не упрекаю, потому что **духовная жизнь каждого человека есть тайна этого человека с Богом**, и требовать от него другим людям ничего нельзя. **И если я требовал от тебя, то я ошибался и виноват в этом.**

Так вот верное описание моего отношения к тебе и моя оценка тебя. А то, что может попасться в дневниках (я знаю только, ничего резкого и такого, что бы было противно тому, что сейчас пишу, там не найдется).

Так это 3) о том, что может и не должно тревожить тебя о дневниках.

4) Это то, что если в данную минуту тебе тяжелы мои отношения с Чертковым, то я готов не видаться с ним, хотя скажу, что это мне не столько для меня неприятно, сколько для него, зная, как это будет тяжело для него. Но если ты хочешь, я сделаю.

Л. Н. Толстой. 1907. Ясная Поляна. Фотография В. Г. Черткова

Теперь 5) то, что если ты не примешь этих моих условий доброй, мирной жизни, то я беру назад свое обещание не уезжать от тебя. Я уеду. Уеду, наверное, не к Черткову. Даже поставлю неременным условием то, чтобы он не приезжал жить около меня, но уеду непременно, потому что дальше так жить, как мы живем теперь, невозможно.

Я бы мог продолжать жить так, если бы я мог спокойно переносить твои страдания, но я не могу. Вчера ты ушла взволнованная, страдающая. Я хотел спать лечь, но стал не то что думать, а чувствовать тебя, и не спал и слушал до часу, до двух – и опять просыпался и слушал и во сне или почти во сне видел тебя. Подумай спокойно, милый друг, послушай своего сердца, почувствуй, и ты решишь все, как должно. Про себя же скажу, что я с своей стороны решил все так, что иначе *не могу, не могу* (курсив Толстого. – В. Р.). Перестань, голубушка, мучить не других, а себя, себя, потому что ты страдаешь в сто раз больше всех. Вот и все.

Лев Толстой. 14 июля, утро. 1910 г.»¹⁴.

Из комментариев Николая Сергеевича Родионова

14 июля

«Попытка Толстого прочесть это письмо Софье Андреевне, ее бурный протест».

«Получение А. Л. Толстой, по поручению отца, от В. Г. Черткова семи тетрадей дневников за десять лет, начиная с 1900 года и передача их Т. Л. Сухотиной».

«С утра волнение Софьи Андреевны и симуляция ее отравления опиумом. Ее требование выдачи дневников или ключа от сейфа в банке, куда они будут положены. Предупреждение Львом Толстым Софьи Андреевны через В. М. Феокритову, что **она делает сама все для того, чтобы он осуществил свое намерение уйти**»¹⁵.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

Ночь 13 на 14 июля

«Если трусость моя пройдет и я наконец решусь на самоубийство, то, как покажется всем в прошлом, моя просьба легко исполнима. [...]

Будут объяснять мою смерть всем на свете, только не настоящей причиной: и истерией, и нервностью, и дурным характером, – и никто *не посмеет*, глядя на мой, убитый моим мужем труп, сказать, что я могла бы быть *спасена только* таким простым способом – *возвращением в письменный стол моего мужа четырех или пяти клеенчатых тетрадок*.

И где христианство? Где любовь? Где их непротивление? Ложь, обман, злоба и жестокость.

Эти два упорных человека – мой муж и Чертков взяли крепко за руки и давят, умерщвляют меня. И я их боюсь; уж их железные руки сдавили мое сердце, и я сейчас хотела бы вырваться из их тисков и бежать куда-нибудь. Но я **чего-то еще** боюсь...

Говорят каком-то праве каждого человека. [...] И причем *праве*, когда дело идет о жизни, об общем умиротворении, о хороших со всеми отношениях, о любви и радости, о здоровье и спокойствии всех, – и, наконец, об излюбленном Л. Н. *непротивлении*. Где оно?

Завтра [...] я буду свободна, и если не Бог, то еще какая-нибудь сила поможет мне **уйти не только из дома, но из жизни...**

¹⁴ Т. 84. С. 398–400.

¹⁵ Т. 58. С. 257.

Я даю способ *спасти* меня – вернуть дневники. Не хотят – пусть променяются: дневники останутся *по праву* у Черткова, а *право жизни и смерти* останется за мной.

Мысль о самоубийстве стала крепнуть. Слава Богу! Страдания мои должны скоро прекратиться»¹⁶.

14 июля

«Не спала всю ночь и **на волоске была от самоубийства.** Как бы крайне ни были мои выражения о страданиях моих – все будет мало. Вошел Лев Никол., и я ему сказала в страшном волнении, что на весах, с **одной стороны, возвращение дневников, с другой – моя жизнь, пусть выбирает. И он выбрал, спасибо ему, и вернул дневники от Черткова.** [...]

Дневники запечатала моя дочь Таня, и завтра их повезут Таня с мужем в Тулу, в банк. Расписку напишут на имя Льва Н-а и его наследников, и расписку привезут Л. Н. Только бы меня опять не обманули. [...]]»¹⁷.

15 июля

«Всю ночь не спала [...] Недаром я волнуюсь! Ведь **обещал** же он мне при Черткове, **что отдаст дневники мне, и обманул, положив их в банк.** Как же успокоиться и выздороветь, когда **живешь под угрозами“ уйду и уйду”?**»

Как жутко голова болит – затылок. Уж не нервный ли удар? Вот хорошо бы – только совсем бы насмерть. А больно душе быть убитой своим мужем. Сегодня утром, не спав всю ночь, я просила Льва Ник. – а отдать мне расписку от дневников, которые завтра свезут в банк. [...]

Он страшно рассердился, сказал мне: «Нет, это ни за что, ни за что», – и сейчас же бежать. Со мной опять сделался тяжелый припадок нервный, хотела выпить опий, опять струсила, **гнусно обманула Льва Ник-а,** что выпила, сейчас же сознаясь в обмане, – плакала, рыдала, но сделала усилие и овладела собой. Как стыдно, больно, но... нет, больше ничего не скажу; **я больна и измучена.** [...]

Дорого мне досталось отнятие дневников у Черткова; но если б сначала – опять было бы то же самое; и за то, чтоб они никогда не были у Черткова, я готова отдать весь остаток моей жизни и **не жалею той потраченной силы и здоровья, которые ушли на выручку дневников;** и теперь эта потеря здоровья и сил пали на ответственность и совесть моего мужа и Черткова, так упорно державшего эти дневники.

¹⁶ Т. 2. С. 142, 143.

¹⁷ Т. 2. С. 144, 145.

С. А. Толстая на балконе дома в Ясной Поляне.
Август 1903 г. Фотография С. А. Толстой

С. А. Толстая. 1889. Москва.

Фотография М. А. Шиндлера и А. И. Мея
под фирмою «Шерер, Набгольц и Ко»

Положены они будут на имя Льва Н-а, с правом их взять только ему. Какое недоброе по отношению к жене и неделикатное, недоверчивое отношение! Бог с ним!

[...] Я так устала от всех осложнений, хитростей, скрываний, жестокости, от признаваемого моим мужем его *охлаждения* ко мне! **За что же я-то буду все горячиться и безумно любить его? Повернись и мое сердце и охладей к** тому, который все делает для этого, признаваясь в своем охлаждении. Если надо жить и не убиваться – надо искать утешения и радости. Скажу и я: “Так жить – невозможно! Холод сердца – мне, горячность чувств – Черткову”»¹⁸.

16 июля

«Узнав, что я пишу дневник ежедневно, все окружающие принялись чертить вокруг меня свои дневники. **Всем нужно меня обличать, обвинять и готовить злобный материал против меня за то, что я осмелилась заступиться за свои супружеские права** и пожелать больше доверия и любви от мужа и отнятия дневников у Черткова.

Бог с ними, со всеми; **мне нужен мой муж, пока его *охлаждение* еще не заморозило меня, мне нужна справедливость и чистота совести, а не людской суд**»¹⁹.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Из дневника В. М. Феокритовой-Полевой

17 июля

«Проводили Татьяну Львовну домой. Все ее очень жалели и любили, и всем как-то жутко стало оставаться опять одним, без такой хорошей поддержки, как Татьяна Львовна.

Когда мы с Сашей утром вышли пить кофе, то были очень обрадованы, увидев Елизавету Валерьяновну Оболенскую (племянница Толстого, дочь его сестры Марии Николаевны Толстой. – В. Р.) и Веру Сергеевну Толстую (племянница Толстого, дочь его брата Сергея Николаевича Толстого; была близка Толстому по взглядам. – В. Р.), которые только что приехали.

– Слава Богу, что вы приехали! – вырвалось у нас обеих.

Оказывается, Елизавета Валерьяновна видела Михаила Сергеевича Сухотина (муж дочери Толстого Татьяны Львовны. – В. Р.), который многое ей рассказал о Софье Андреевне, и это побудило ее погостить у нас, чтобы хоть сколько-нибудь отвлечь внимание Софьи Андреевны ото Льва Николаевича и тем дать ему какую-нибудь возможность отдохнуть от нее. Начались рассказы, обсуждения, советы, но никто не мог придумать облегчения Льву Николаевичу, потому что власть Софьи Андреевны распространялась так далеко, что при каждом, нам кажущемся, выходе из этого тяжелого положения мы натывались на препятствия с ее стороны, Софьи Андреевны. Единственно, что хотел Лев Николаевич и все его поддержали в этом – это позвать специалиста по нервным болезням, чтобы объяснить нам, с кем мы имеем дело? Если она душевнобольная, то ей многое можно простить, но если это только жестокость и желание добиться своих целей – это непростительно.

Так и сделали: не говоря об этом Софье Андреевне, вызвали из Москвы Никитина (Дмитрий Васильевич – домашний врач. – В. Р.), старого знакомого и прекрасного человека и доктора, и Россолимо (Григорий Иванович – психиатр, профессор Московского университета. – В. Р.). Все с волнением ждали их приезда.

Елизавета Валерьяновна и Вера Сергеевна нашли Льва Николаевича сильно изменившимся, похудевшим и постаревшим на несколько лет, а особенно их огорчало его страдальческое, слабое выражение глаз; и они без слез не могли говорить про него.

Сегодня Лев Львович опять нашел нужным пойти ко Льву Николаевичу и сказать ему много неприятного и грубого. Между прочим, он сказал ему, что когда Лев Николаевич не согласует свои поступки со своими писаниями, он его ненавидит. Лев Николаевич рассказывал

¹⁸ Т. 2. С. 146, 147.

¹⁹ Т. 2. С. 147.

это Саше и говорил ей, что с трудом переносит Льва Львовича. А он все живет у нас, самонадеянный, дерзкий, полный сознания своего величия.

После завтрака Лев Николаевич решил поехать к Черткову, предварительно сказав об этом Софье Андреевне. Она милостиво его отпустила, но просила сидеть недолго. Лев Николаевич уехал, а Софья Андреевна опять стала бранить Черткова и волноваться и ежеминутно спрашивать, который час»²⁰.

[ПОСЕЩЕНИЕ ТОЛСТЫМ ЧЕРТКОВА 17 ИЮЛЯ 1910 Г. БЫЛО ПОСЛЕДНИМ: БОЛЬШЕ ТОЛСТОЙ У ЧЕРТКОВА НЕ БЫЛ НИ РАЗУ. – В. Р.]

«Софья Андреевна успокоилась, пошла делать свои корректуры и все говорила о необыкновенном количестве дел, которые она одна, и только одна, может и должна исполнять. В чем состоял этот огромный труд, этот воз, по ее словам, который она везла не по силам, мы никто не знаем. Она жила, как живут многие и многие богатые барыни. Вставала в 11 или в 12 часов, пила кофе, шла гулять, собирала цветы, гнала всех, кто к ней приходил что-нибудь спрашивать или за деньгами. Потом обедала, что-нибудь шила себе, иногда поправляла корректуры для своего же издания, писала свой дневник, отвечала на письма – вот и все, что мы видели, и потому не понимали, о каком непосильном труде она так много говорит и за что она себя так жалеет.

За обедом Лев Николаевич много говорил о Паскале, которого он читал теперь, восхищался им и удивлялся, как он раньше не видел всей прелести и глубины этой книги»²¹.

19 июля

«19 утром Лев Николаевич встал довольно слабым, но пошел гулять, а потом сел заниматься у нас в комнате.

Получилась телеграмма от Никитина, что он приезжает с профессором Россолимо сегодня скорым. Софья Андреевна еще спала. Саша отдала телеграмму отцу, и как только Софья Андреевна проснулась, Лев Николаевич пошел с телеграммой к ней. Она очень взволновалась, удивилась, зачем их вызвали теперь, когда она чувствует, что она почти здорова, и даже как будто сконфузилась и все говорила:

– Приехали лечить здоровую! Если бы меня не мучили дневниками и отдали бы их мне, то ничего бы и не было, и все были спокойны, а теперь только даром деньги платить им.

К завтраку она вышла со слабыми глазами и, видимо, стараясь показаться физически больной, и все говорила о докторах. Никто ей не сочувствовал в этом, и все думали, что лучше, что доктора приедут. Только Душан Петрович сказал об их приезде:

– О, это безразлично, разве только у Софьи Андреевны будет выход из ее положения теперь.

Когда Саша рассказала это Льву Николаевичу, он очень смеялся и говорил:

– Ах, какая умница! Совершенно верно, что безразлично.

И Душан Петрович был прав. Доктора ничего не изменили и дела не поправили; да и как можно было здесь помочь, когда дело было не в болезни физической или душевной, а в эгоистических требованиях и в достижении своих целей какими бы то ни было путями!

Доктора приехали, и Саша успела кое-что им рассказать и таким образом познакомить их с личностью и характером “болезни” матери.

Рассказывать много и не нужно было. Софья Андреевна сама со свойственной ей несдержанностью и злобой посвятила их во все последние события и рассказала им и про дневники, и про ненависть к Черткову, и про обман и ложь, которыми она будто бы окружена. Из всего

²⁰ Редакция Н. Н. Гусева. ОР ГМТ (Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого). С. 81–83.

²¹ Там же. С. 85.

этого доктора могли заключить только, что если нервы у нее и расстроены, то это вследствие упорного домогательства своей цели. Россолимо был так растерян, что даже не мог скрыть своего удивления и откровенно сказал:

– Я поражен той низкой степенью развития, на которой стоит Софья Андреевна; когда я ехал сюда, я не мог себе представить, чтобы супруга такого великого человека была так мало развита; была бы так нелогична и имела бы такой узкий взгляд, и это проживши почти 50 лет в таком обществе! Она прямо страдает слабоумием и паранойей с детства, и теперь ничего сделать нельзя, а теперь еще и истерией, а потом эта ненависть к Черткову, эти дневники... Ничего нельзя сделать. Нужно бы уступать, но ее требования будут все большие и больше...

– Что же уступать? Папа все уступил, что можно, что не противоречит с его совестью, а больше он не может, и так слишком много сделал и уступил, – сказала Саша.

– Да, положение тяжелое, я понимаю, что Лев Николаевич не может уступать, да я и не знаю, лучше ли будет от этого, – сказал Россолимо, совершенно растерявшись и не зная, что тут делать. – Только Лев Николаевич не выдержит, вам предстоит еще много, много борьбы с ней, не выдержит, – прибавил он.

За обедом Лев Николаевич старался, по-видимому, узнать с духовной стороны нового доктора, навел его на религиозные разговоры, но тот был человек науки в полном смысле слова. **Заговорили о безумии и самоубийстве**, Лев Николаевич объяснял эти частые теперь случаи самоубийства отсутствием религиозного сознания; профессор же – условиями жизни теперешней молодежи, усталостью и вялостью мозговых клеток. Лев Николаевич, усмехаясь, сказал:

– **Вы не видите главной причины.**

– Какой? – спросил доктор, – религии?

– Вот именно, религии, – ответил Лев Николаевич.

– **Мы с вами подходим к одному и тому же выводу, только с разных концов**, – сказал Россолимо, во многом согласившись со Львом Николаевичем или делая вид и не оспаривая авторитетности Льва Николаевича.

После обеда пошли гулять: доктора со Львом Николаевичем, а мы разбрелись кто куда. Софья Андреевна пошла готовиться к осмотру и опять волновалась. Говорили много, говорили все вместе и каждый порознь, но результату вышло мало, ни к чему не пришли, и у нас осталось все по-прежнему.

Единственный совет, который дали доктора – это **разъехаться Льву Николаевичу и Софье Андреевне хотя бы на время, но совет этот вызвал целую бурю со стороны Софьи Андреевны. Она всех подозревала, особенно Льва Николаевича, и говорила, что доктора подкуплены и подговорены дать этот совет, но что она ни за что не уедет»²².**

«Анализ профессором Г. И. Россолимо психического состояния С. А. Толстой:

Восприятие внешних впечатлений не нарушено, ориентировка в месте и времени сохранена вполне. Сознание совершенно ясное и остается даже таковым во время возбуждения. Внимание в общем не расстроено, но у Софьи Андреевны проглядывает стремление сделать себя, свою личность, свои интересы центром, на который были бы обращены взоры не только ее близких родных, друзей, знакомых, но и случайных лиц, с кем ей приходится сталкиваться. Память сохранена очень хорошо, и она принимает факты близкого и далекого прошлого не только в их общих очертаниях, но припоминает и мелкие детали их. Со стороны суждения и критики у Софьи Андреевны наблюдается известные расстройства. Эти расстройства выражаются в слабости критики и особенно в самокритики. Считая свои взгляды, стремления

²² Редакция Н. Н. Гусева. ОР ГМТ. С. 89–92.

справедливыми, она не обращает внимание на доводы окружающих и, в стремлении отстоять свои взгляды, нередко уклоняется от правдивой передачи виденного или слышанного. Будучи настойчива в достижении намеченной цели, она может совершать поступки опасные для ее жизни. Но нельзя отрицать, что степень опасности ею учитывается, конечная же цель – достижение желаемого. Все ее действия и поступки вытекают из определенного эмоционального состояния. В суждениях Софьи Андреевны проглядывает непоследовательность и отсутствие связи между изложениями и выводом. В моменты возбуждения она настолько слабо может подавлять проявление этого, что в состоянии выйти из рамок обычных, повседневных отношений.

Вот те выводы о психической индивидуальности графини, которые дают мне известное право заключить, что Софья Андреевна, страдая психопатической нервно-психической организацией (истерической), под влиянием тех или иных условий может представлять такие припадки, что можно говорить о кратковременном, преходящем душевном расстройстве»²³.

Письмо Льва Львовича Толстого (сына Л. Н. Толстого) В. Г. Черткову

22 июля 1910 г. Ясная Поляна

«Владимир Григорьевич,

твое появление в доме моих родителей каждый раз, с тех пор, что я здесь, как ты сам видел вчера, глубоко волнует мою мать и крайне вредно для ее слабого здоровья. **Расстраивая мать, ты этим самым расстраиваешь отца**, у которого вчера болела печень, так что он плохо спал ночь. На нас, детей, волнение родителей действует также очень чувствительно. Говорю это, чтобы ты видел, до какой степени эти волнения сильны и не здоровы. Не для того, чтобы оберечь собственный покой.

Было бы естественно, чтобы **ты прекратил хотя бы временно свои посещения, несмотря на приглашения родителей** – и ограничил свои отношения с отцом письменно. Но, может быть, ни ты, ни отец, ни мать ради отца не желает этого, и посещения твои будут продолжаться. Тогда я очень прошу тебя сделать все возможное для установления с матерью простых и открытых добрых отношений. Скажи ей, что ты готов все сделать, чтобы успокоить ее, чтобы твое появление у них не было ей тяжелым, что ты жалеешь, что осуждал ее, что признаешь, что она больна и слаба, вообще что-нибудь такое человеческое, доброе. Тогда все могло бы устроиться и отношения всех вас и нас стали бы нормальными. Не говори никому, ни отцу, ни друзьям, об этом письме. Не отвечай мне на него много, не сердись на меня и верь, что я лично не желаю ничего, кроме покоя родителей и доброго к тебе отношения. Нельзя осуждать слабую и больную женщину и требовать от нее самообладания, в котором она бессильна. Надо щадить ее последние дни. Такое мое впечатление. Ей я внушаю всячески, чтобы она великодушно с добротой и любовно подходила к тебе. Вот все. Лев.

²³ Редакция Н. Н. Гусева. ОР ГМТ. С. 249–250. В. М. Феокритовой-Полевой отмечено, что копия сделана рукой Т. А. Кузминской и хранится в ее архиве в ОР ГМТ.

Лев Львович Толстой, сын писателя. 1903–1904 гг. Египет.
Любительская фотография

Рад был бы переговорить с тобой, но до конца, без волнения. **А то мы называли друг друга дураками, и этим ограничились. Это грустно. Не правда ли?»²⁴.**

Из письма Льва Николаевича Толстого В. Г. Черткову

26 июля 1910 г. Ясная Поляна

«Думаю, что мне не нужно говорить вам, как мне больно и за вас, и за себя прекращение нашего личного общения, но оно необходимо. Думаю, что тоже не нужно говорить вам, что требует этого от меня то, во имя чего мы оба с вами живем. Утешаюсь – и, думаю, не напрасно – мыслью, что прекращение это только временное, что болезненное состояние это пройдет. Будем пока переписываться [...]»²⁵.

²⁴ УЛТ. С. 402, 403.

²⁵ Т. 89. С. 96.

Из письма Владимира Григорьевича Черткова Л. Н. Толстому

22 июля

«А что касается разлуки с вами, то я сознаю такое глубокое, ничем не нарушимое духовное единение с вами, что с личной разлукой я радостно мирился бы, если бы знал, что она действительно нужна для Бога и сколько-нибудь содействует вашему покою.

Л. Н. Толстой играет в шахматы с В. Г. Чертковым.

Мещерское. 1910.

Фотография В. Г. Черткова

Так что мне не приходится переносить ничего подобного тому, что приходится переносить вам. [...]

26 июля

«Получил сегодня ваше письмо о том, что вы решили со мной не видеться. Начало этого моего письма может служить ответом на это ваше решение. **Но вы говорите также, что вы не будете скрывать своих и моих писем, если пожелают их видеть**». Что касается ваших писем ко мне, то могу только сказать, что мне кажется, что это ошибка с вашей стороны предоставлять Софье Андреевне вторгаться в ваше письменное общение со мной. Но это мне только так *кажется* (здесь и далее, в других текстах, курсив В. Г. Черткова. – *В. Р.*). Судить об этом и решать, как вам поступать с вашими письмами ко мне, можете только вы одни. **Но относительно моих писем к вам мне уже не кажется, а я всем своим существом сознаю, что я не могу согласиться на то, чтобы вы их показывали ей.** Желание ее читать наши письма

есть желание *нехорошее*; и я, с своей стороны, поступил бы нехорошо перед *своей* совестью, если бы согласился на это [...]»²⁶.

Из письма Владимира Григорьевича Черткова Л. Н. Толстому

27 июля 1910 г.

«[...] **Цель же состояла и состоит в том, чтобы, удалив от вас меня, а если возможно и Сашу, путем неотступного совместного давления выпытать от вас или узнать из ваших дневников и бумаг, написали ли вы какое-нибудь завещание**, лишаящее ваших семейных вашего литературного наследства; если не написали, то путем неотступного наблюдения над вами до вашей смерти помешать вам это сделать; а если написали, то не отпускать вас никуда, пока не успеют пригласить черносотенных врачей, которые признали бы вас впадшим в старческое слабоумие для того, чтобы лишить значения ваше завещание. [...]

Предупредить же этот грех и вообще прервать то дурное дело, которое готовится и которым сейчас напряженно заняты ваши семейные в Ясной, возможно вам только одним и при том очень простым путем: это безотлагательно уехать из Ясной в Кочеты [...]»²⁷.

В тульское отделение Государственного банка

1910 г. 16 июля. Я. П

«Посылаю в Тульское Отделение Государственного Банка на хранение ящик с своими рукописями и прошу выдать их обратно только лично мне или зятю моему Михаилу Сергеевичу *Сухотину*, а по смерти моей – моим наследникам.

Лев Толстой.

16-го июля 1910 года. Ясная Поляна»²⁸.

22 июля

[ТОЛСТОЙ ПОДПИСЫВАЕТ В ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ФОРМЕ СВОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В ЛЕСУ, БЛИЗ ДЕРЕВНИ ГРУМОНТ].

«ЗАВЕЩАНИЕ

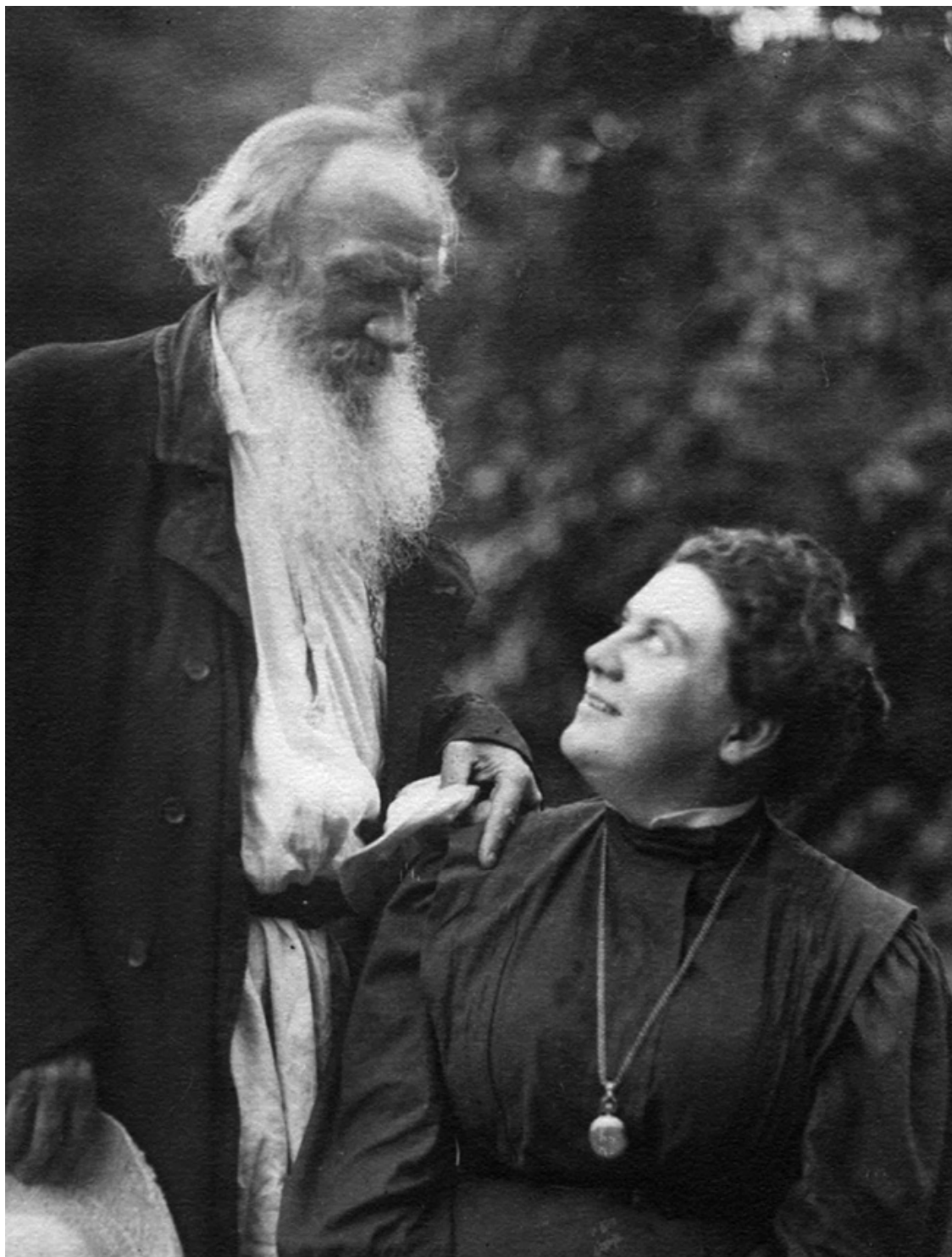
1910 г. 22 июля. Лес близ деревни Грумонт

Тысяча девятьсот десятого года, июля (22) дватцать второго дня, я, нижеподписавшийся, находясь в здравом уме и твердой памяти, на случай моей смерти делаю следующее распоряжение: все мои литературные произведения, когда-либо написанные по сие время и какие будут написаны мною до моей смерти, как уже изданные, так и неизданные, как художественные, так и всякие другие, оконченные и неоконченные, драматические и во всякой иной форме, переводы, переделки, дневники, частные письма, черновые наброски, отдельные мысли и заметки, словом все без исключения мною написанное по день моей смерти, где бы таковое ни находилось и у кого бы ни хранилось, как в рукописях, так равно и напечатанное и притом как право литературной собственности на все без исключения мои произведения, так и самые рукописи и все оставшиеся после меня бумаги **завещаю в полную собственность дочери**

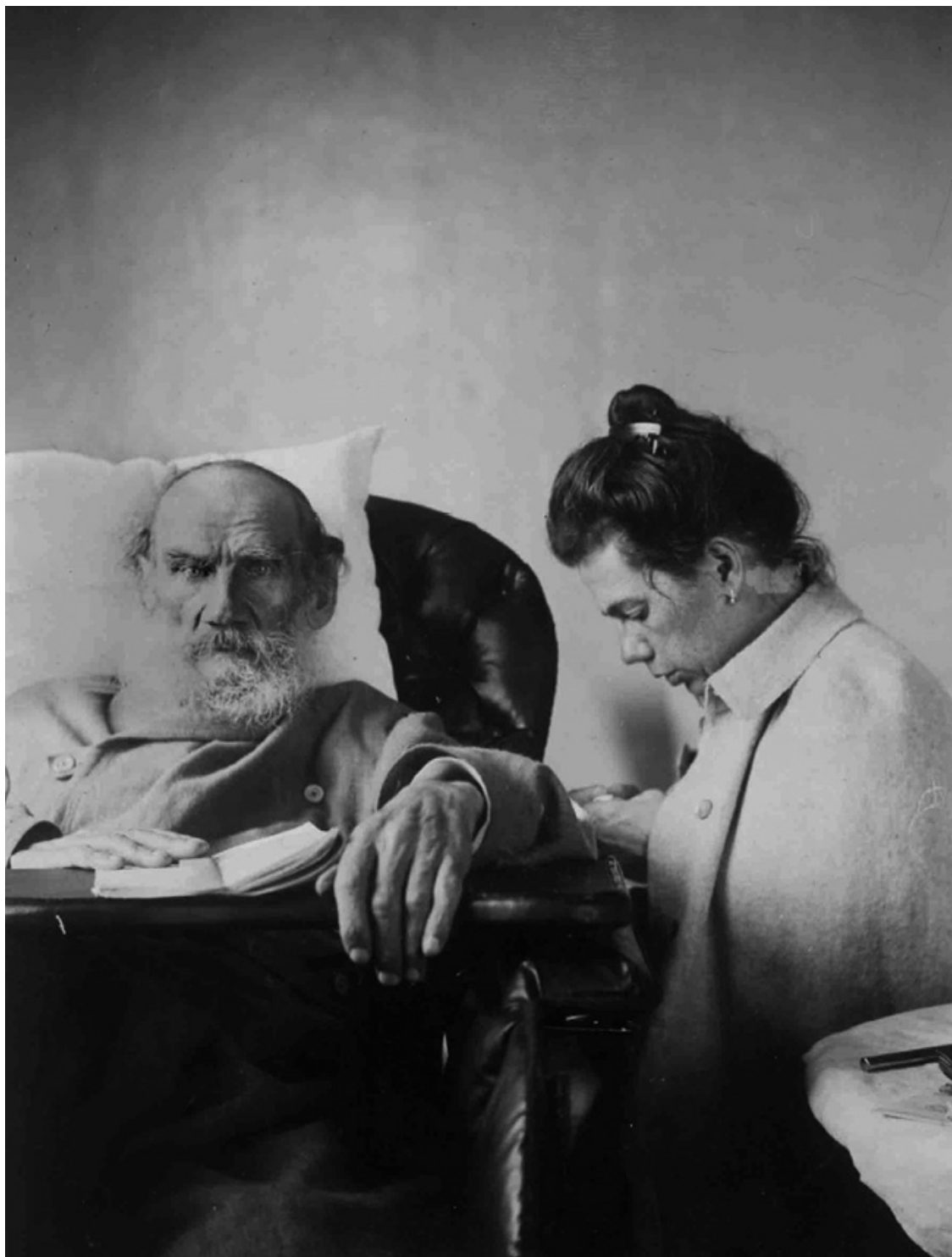
²⁶ УЛГ. С. 406, 407.

²⁷ УЛГ. С. 409.

²⁸ Т. 82. С. 226.

Л. Н. Толстой с дочерью Александрой Львовной. Ясная Поляна. 1908. Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. Толстой с дочерью Татьяной Львовной Сухотиной.
Гаспра (Крым). 1902. Фотография С. А. Толстой
Лев Николаевич Толстой.

Сим свидетельствую, что настоящее завещание действительно составлено, собственноручно написано и подписано графом Львом Николаевичем Толстым, находящимся в здравом уме и твердой памяти.

Свободный художник **Александр Борисович Гольденвейзер**. В том же свидетельствую, мещанин **Алексей Петрович Сергеенко**. В том же свидетельствую, сын подполковника **Анатолий Дионисиевич Радынский**.

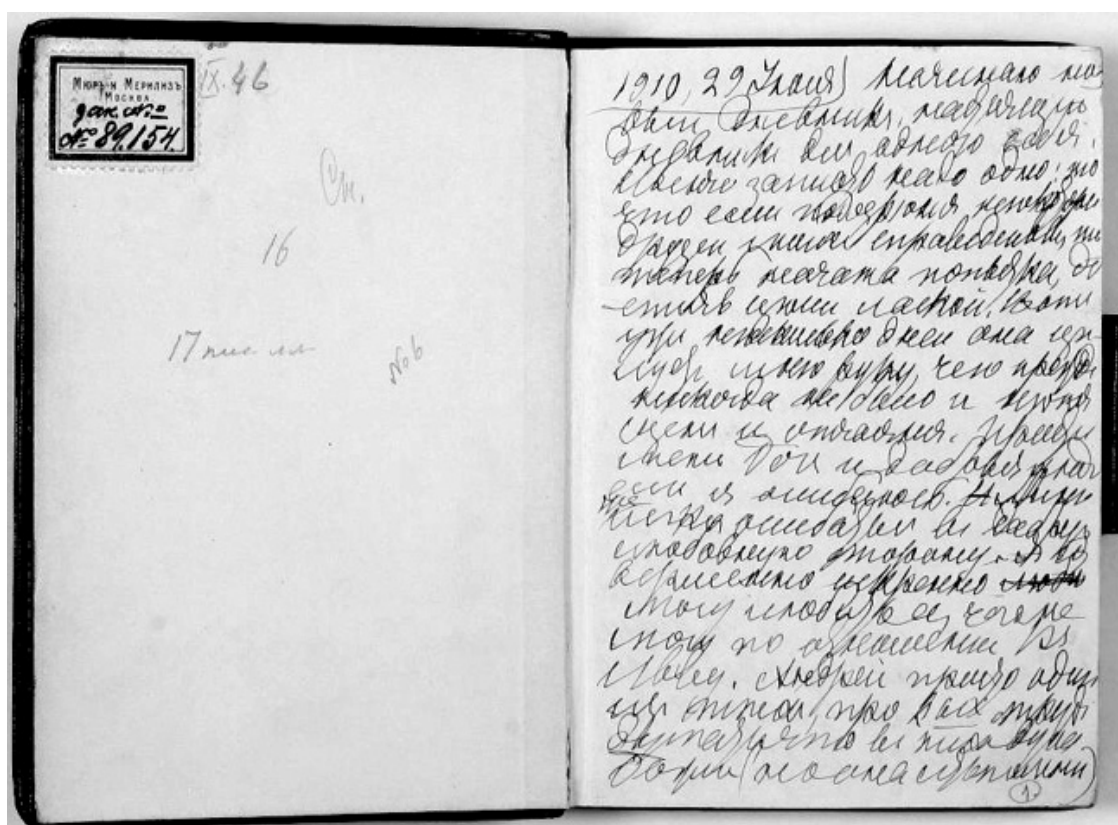
16 ноября 1910 г. Тульский окружной суд в публичном судебном заседании утвердил к исполнению это завещание Толстого»²⁹.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого 1910 г

29 июля

Начинаю новый дневник, настоящий дневник для одного себя. Нынче записать надо одно: то, что если подозрения некоторых друзей моих справедливы, то теперь начата попытка достичь цели лаской. Вот уже несколько дней она целует мне руку, чего прежде никогда не было, и нет сцен и отчаяния. Прости меня, Бог и добрые люди, если я ошибаюсь. Мне же легко ошибаться в добрую, любовную сторону. Я совершенно искренно могу любить ее, чего не могу по отношению к Льву. Андрей просто один из тех, про которых трудно думать, что в них душа Божия (но она есть, помни). Буду – стараться не раздражаться и стоять на своем, главное, молчанием.

Дневник для одного себя Л. Н. Толстого.
Первая страница 29 июля 1910 г. Автограф

²⁹ Т. 82. С. 227.

Нельзя же лишить миллионы людей, может быть, нужного им для души. Повторяю: «может быть». Но даже если есть только самая малая вероятность, что написанное мною нужно душам людей, то нельзя лишить их этой духовной пищи для того, чтобы Андрей мог пить и развратничать и Лев мазать и... Ну да Бог с ними. Делай свое и не осуждай... Утро.

День, как и прежние дни: нездоровится, но на душе меньше недоброго. Жду, что будет, а это-то и дурно.

Софья Андреевна совсем спокойна.

30 июля

Чертков вовлек меня в борьбу, и борьба эта очень и тяжела, и противна мне. Буду стараться любя (страшно сказать, так я далек от этого) вести ее.

В теперешнем положении моем едва ли не главное нужное – это *не делание, не говорение*. Сегодня живо понял, что мне нужно только не портить своего положения и живо помнить, **что мне ничего, ничего не нужно** (курсив Л. Н. Толстого. – В. Р.).

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

К ЗАВЕЩАНИЮ

1910 г. 31 июля. Я. П

«К “формальному” завещанию, имеющему юридическую силу, Лев Николаевич прибег не ради утверждения за кем бы то ни было собственности на его писания, а, наоборот, для того, чтобы предупредить возможность обращения их после его смерти в чью-либо частную собственность.

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков в яснополянском кабинете писателя. 1909

Для того, чтобы предохранить тех, кому он поручил распорядиться его писаниями согласно его указаниям, от возможности отнятия у них этих писаний на основании законов о наследстве, Льву Николаевичу представлялся только один путь: написать обставленное всеми требуемыми законом формальностями завещание на имя таких лиц, в которых он уверен, что они в точности исполнят его указания о том, как поступить с его писаниями. Единственная, следовательно, цель написанного им “формального” завещания заключается в том, чтобы воспрепятствовать предъявлению со стороны кого-либо из его семейных их юридических прав на эти писания в том случае, если эти семейные, пренебрегая волей Льва Николаевича относительно его писаний, пожелали бы обратить их в свою личную собственность.

Воля же Льва Николаевича относительно своих писаний такова:

Он желает, чтобы:

1) **Все его сочинения**, литературные произведения и писания всякого рода, как уже где-либо напечатанные, так и еще не изданные, **не составляли после его смертиничьей частной собственности**, а могли бы быть издаваемы и перепечатываемы всеми, кто этого захочет.

2) Чтобы **все рукописи и бумаги** (в том числе: дневники, черновики, письма и проч. и проч.), которые останутся после него, **были переданы В. Г. Черткову** с тем, чтобы последний, после смерти Льва Николаевича, занялся пересмотром их и изданием того, что он в них найдет желательным для опубликования, причем в материальном отношении Лев Николаевич просит В. Г. Черткова вести дело на тех же основаниях, на каких он издавал писания Льва Николаевича при жизни последнего.

3) Чтобы В. Г. Чертков выбрал такое лицо или лица, которым передал бы это уполномочие на случай его, Черткова, смерти с тем, чтобы и эта лицо или эти лица поступили также на случай своей смерти, и так далее до минования в этом надобности.

4) Чтобы те лица, кому Лев Николаевич завещал “формальную” собственность на все его писания, завещали эту собственность дальнейшим лицам, избранным по соглашению с В. Г. Чертковым или теми, кому перейдет вышеупомянутое уполномочие Черткова, и так далее до минования в этом надобности».

«Совершенно согласен с содержанием этого заявления, составленного по моей просьбе и в точности выражающее мое желание

Лев Толстой. 31 июля 1910 г.»³⁰.

Письмо

**Андрея Львовича Толстого (сына Л. Н. Толстого)
Т. Л. Сухотиной (дочери Л. Н. Толстого)**

29 июля 1910 г. – дата получения. Ясная Поляна

«Милый друг Таня! Получил твое письмо и с начала до конца с тобой не согласен, разве только могу согласиться в том, что в настоящее время мамá действительно нервно возбуждена. **Относительно ненависти к Черткову**, то ты достаточно хорошо знаешь **мое отношение к этому подлецу**, и скрывать свое отношение к нему я не буду ни перед отцом, ни перед матерью, ни перед ним самим. Относительно же свойственности ненависти к людям, могу тебе ответить, что **ненависть свойственна людям так же, как и доброта, любовь**. Люди не могли бы быть добры к одним, если бы не ненавидели других. **Отец первый обожает Черткова и этим ненавидит сыновей**. Где его пресловутая, проповедуемая им доброта и отношение к людям? Ведь никто, как он, сделал, что **большинство сыновей его, стали его ненавидеть и почти презирать**.

Относительно того, чтобы (ей) мамá потакать во всем, конечно, я этого делать не буду, но все-таки всегда скажу, что **она права в своем теперешнем отношении к Черткову**, и вижу в этом, как тебе ни покажется странно, пользу для отца.

³⁰ Т. 82. С. 227, 228.

Андрей Львович Толстой, сын писателя. 1905 (?).

Любительская фотография

Если б отец был бы добр, а не зол, то половины этих историй бы не было. Лева, Миша и я не дураки и не идиоты, ставши открыто на сторону мамá, и если бы ты отбросила пристрастие к Л. Н., то тоже поняла бы, кто виноват. **Я не считаю, что мамá права, валяясь на земле и грозя отравиться опиумом, а надо подумать и узнать, что вызвало это, и тогда, может быть, и ты будешь другого мнения.**

Относительно же поездки в Кочеты я тоже не согласен, оттого, что это вызовет только новую историю, ибо мамá не хочет отпускать отца одного или сама хочет ехать. Вот тебе мое мнение, прости, что оно противоположное твоему. Твой брат Ан. Т.»³¹.

Письмо Татьяны Львовны Сухотиной А. Л. Толстому

31 июля 1910 г. Кочеты

«Не отвечала тотчас по получении твоего письма, так как боялась написать лишнее.

Теперь же, вполне успокоившись и совершенно трезво **обсудив твои письмо и поведение, скажу, что они будут в истории человечества служить примером бесстыдства, грубости и жестокости.**

Это неслыханно: окружить 82-хлетнего старика атмосферой ненависти, злобы, лжи, шпионства и даже препятствовать тому, чтобы он уехал отдохнуть от всего этого. Чего еще нужно от него? Он в имущественном отношении дал нам гораздо больше того, что сам получил. Все, что он имел, он отдал семье. И теперь ты не стесняешься обращаться к нему – ненавидимому тобой – еще с разговорами о его завещании.

Неужели ты не понимаешь, насколько такое поведение не вяжется с простым понятием о приличии и порядочности. О нравственной стороне вопроса я умалчиваю.

Далеко ты зашел. Т. Сухотина»³².

³¹ УЛТ. С. 411, 412.

³² Там же. С. 418.

Т. Л. Толстая. Тула. Конец 1880-х – нач. 1890-х гг.
Фотография И. Ф. Курбатова

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

31 июля

«Перечитывая письма Л. Н. к разным лицам, меня поражала его неискренность. [...] **Еще меня поразило в письмах частое упоминание, что “тяжело жить, как живу, среди роскоши и поневоле...”**. А кому, как не Льву Николаевичу, нужна эта роскошь? Доктор – для здоровья и ухода; две машины пишущие и две переписчицы – для писаний Льва Никол.; Булгаков – для корреспонденции; Илья Васильевич – лакей для ухода за стариком слабым. Хороший повар – для слабого желудка Льва Н-а.

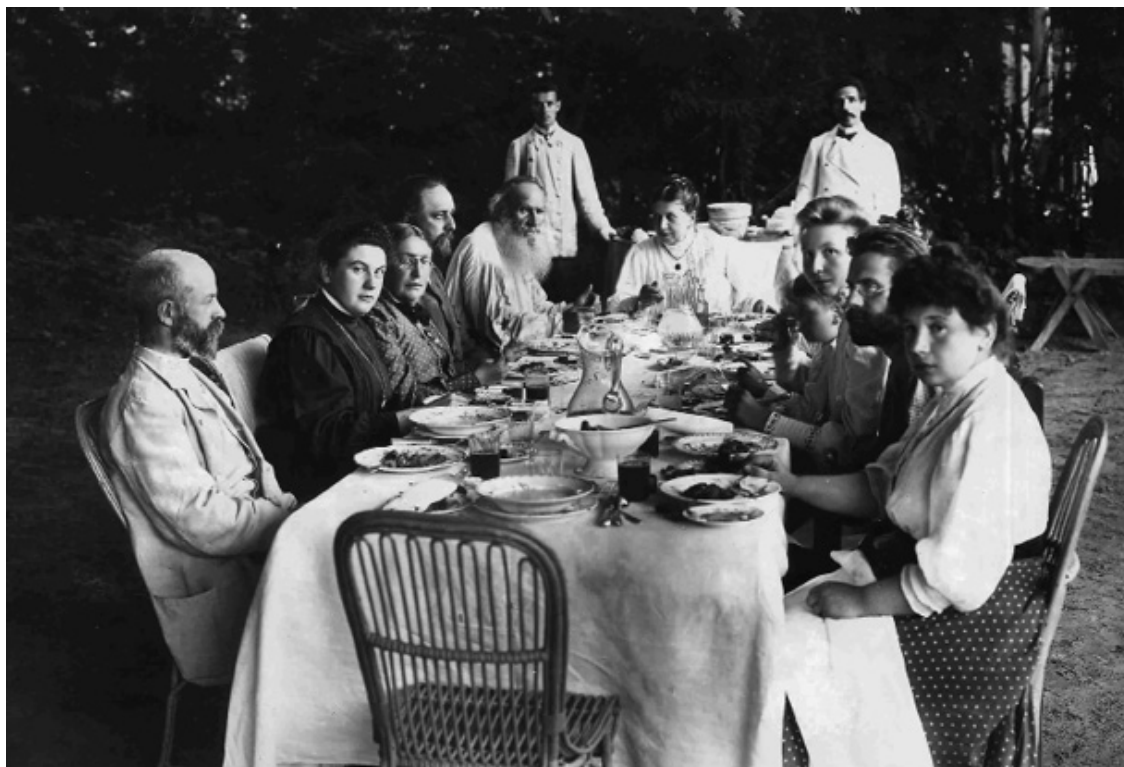
Вся же тяжесть добывания средств, хозяйства, печатанье книг – все лежит на мне, чтоб всю жизнь давать Льву Ник. спокойствие, удобство и досуг для его работ. Если б кто потрундился вникнуть в *мою* жизнь, то всякий добросовестный человек увидал бы, что мне-то лично ничего не нужно. Я ем один раз в день; я никуда не езжу; мне служит одна девочка 18 лет; одеваюсь теперь даже бедно. Где это давление роскоши, производимое будто бы мной? Как жестоко несправедливы могут быть люди! Пусть святая истина, высказываемая в этой книге, не пропадет и уяснит людям то, что затемнено теперь»³³.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

2 августа

Е. б. ж. Очень, очень понял свою ошибку. **Надо было собрать всех наследников и объявить свое намерение, а не тайно. Я написал это Черткову. Он очень огорчился.** Ездил в Колпну. Софья Андреевна выехала проверять, подкарауливать, копается в моих бумагах. Сейчас допрашивала, кто передает письма от Черткова: «Вами ведется тайная любовная переписка». Я сказал, что не хочу говорить, и ушел, но мягко. Несчастная, как мне не жалеть ее. **Написал Гале** («домашнее» имя Анны Константиновны, жены В. Г. Черткова. – *В. Р.*) **письмо.**

³³ Т. 2. С. 163, 164.

Л. Н. Толстой в кругу родных и гостей. Ясная Поляна. 1908.

Фотография К. К. Буллы. Слева направо: Д. П. Маковицкий, А. Л. Толстая, Е. В. Оболенская, В. Г. Чертков, Л. Н. Толстой, И. О. Шураев (слуга), С. А. Толстая, И. В. Сидорков (слуга), Ваня (Михайлович) Толстой, гувернантка детей М. Л. Толстого, Н. Н. Гусев, В. М. Феофанова

Крестьяне-просители под «деревом бедных» в Ясной Поляне. 1902. Фотография П. А. Сергеенко

Из письма Льва Николаевича Толстого В. Г. Черткову

2 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Вчера говорил с Пошей (П. И. Бирюков, друг и первый биограф Л. Н. Толстого. – В. Р.), и он очень верно сказал мне, что я виноват тем, что сделал завещание тайно. Надо было или сделать это явно, объявив тем, до кого это касалось, или все оставить, как было, – *ничего не делать* (курсив Л. Н. Толстого. – В. Р.). И он совершенно прав, я поступил дурно и теперь плачусь за это. Дурно то, что сделал тайно, предполагая дурное в наследниках, и сделал, главное, несомненно дурно тем, что воспользовался учреждением отрицаемого мной правительства, составив по форме завещание. Теперь я ясно вижу, что во всем, что совершается теперь, виноват только я сам. Надо было оставить все, как было, и ничего не делать [...]»³⁴.

Из письма Льва Николаевича Толстого

А. К. Чертковой

1910 г. 2 августа. Я. П

«Милая Анна Константиновна,

пишу вам, а не Диме (“домашнее” имя В. Г. Черткова. – В. Р.) потому, что ему надо слишком много сказать, а я не сумею сейчас. Надеюсь, что наш верный друг Гольденвейзер передаст ему мои чувства и мысли. А кроме того, вам мне легче говорить о том горе, которое я делаю ему и в котором каюсь, но которое до времени не могу исправить, облегчить. Пусть то, что я написал ему, не смущает и не огорчает его. В теперешних тяжелых условиях я больше, чем когда-нибудь, чувствую мудрость и благодетельность *неделания* (курсив Л. Н. Толстого. – В. Р.) и ничего не предпринимаю и не предприму не только на деле, но и на словах. Говорю и слушаю как можно меньше и чувствую, как это хорошо.

Простите меня, милые друзья, что я делаю вам больно. [...] Она, несомненно, больная, и можно страдать от нее, но мне-то уже нельзя – или я не могу – не жалеть ее.

³⁴ Т. 89. С. 199.

Л. Н. Толстой в кругу семьи в день своего 75-летия. 28 августа 1903 г. Фотография Ф. Т. Протасевича.

Слева направо стоят: Илья, Лев, Александра, Сергей;
сидят: Михаил, Татьяна, С. А. и Л. Н. Толстые, Мария и Андрей

Целую вас обоих, милые друзья, и прошу не давать вашей любви ко мне уменьшаться. Она мне очень дорога – нужна»³⁵.

³⁵ Т. 89. С. 200, 201.

Из письма

Владимира Григорьевича Черткова

Л. Н. Толстому

3 августа 1910 г. Телятинки

«[...] На вопрос Павла Ивановича (Бирюков. – В. Р.) о том, почему вы не пожелали теперь же огласить вашего посмертного распоряжения, **вы ответили ему, что не признавали в себе сил вынести неизбежных последствий этого**, на что он с большей логикой, чем душевной чуткостью, ответил, что в таком случае лучше было бы этого вовсе не делать. И вы тотчас же с ним согласились, по-видимому, полагая вместе с П<авлом> И<вановиче>м, что ничто иное, как малодушие, побудило вас поступить так, как вы поступили. Но дело в том, что, хотя более чем вероятно, что вы и не выдержали бы последствий преждевременного оглашения вашей посмертной воли, тем не менее, действительная **причина того приема**, который вы в этом случае избрали, лежала вовсе **не в этом эгоистическом опасении, а как раз наоборот, в соображениях совершенно противоположного характера, в вашей любви к людям, в вашем желании поступить “по-Божьи”**, а именно так, чтобы, по возможности, не вводить в лишний соблазн враждебных к вам членов вашей семьи, не подвергать лишним усложнениям и страданиям самых близких и преданных душе вашей друзей ваших, чтобы, по возможности, предотвратить ненависть, раздоры и борьбу, чтобы, наконец, исполнить сознаваемый вами долг ваш перед Богом и людьми, **не допуская обращения в личную собственность вашей семьи того, что должно принадлежать Богу и человечеству [...]**»³⁶.

Из «Яснополянских записок»

Душана Петровича Маковицкого

2 августа

«Варвара Михайловна называет кроткое, нежное, внимательное отношение Л. Н. к Софье Андреевне “подлизыванием” и спрашивает: почему он уступает ей и почему причиняет страдание Черткову и больной Александре Львовне? Я себе это объясняю так: “Софья Андреевна, во-первых, действительно ревнует, а не только притворяется ревнивой; во-вторых, она, в сущности, расчетливая мать – хочет потомство обеспечить материально и потому выслеживает, есть ли завещание. Л. Н. чувствует (жалея ее), что здесь только лаской и, в известной степени, уступчивостью может удерживать ее от ужасных припадков иступления. Поэтому и не счита-

³⁶ УЛТ. С. 422.

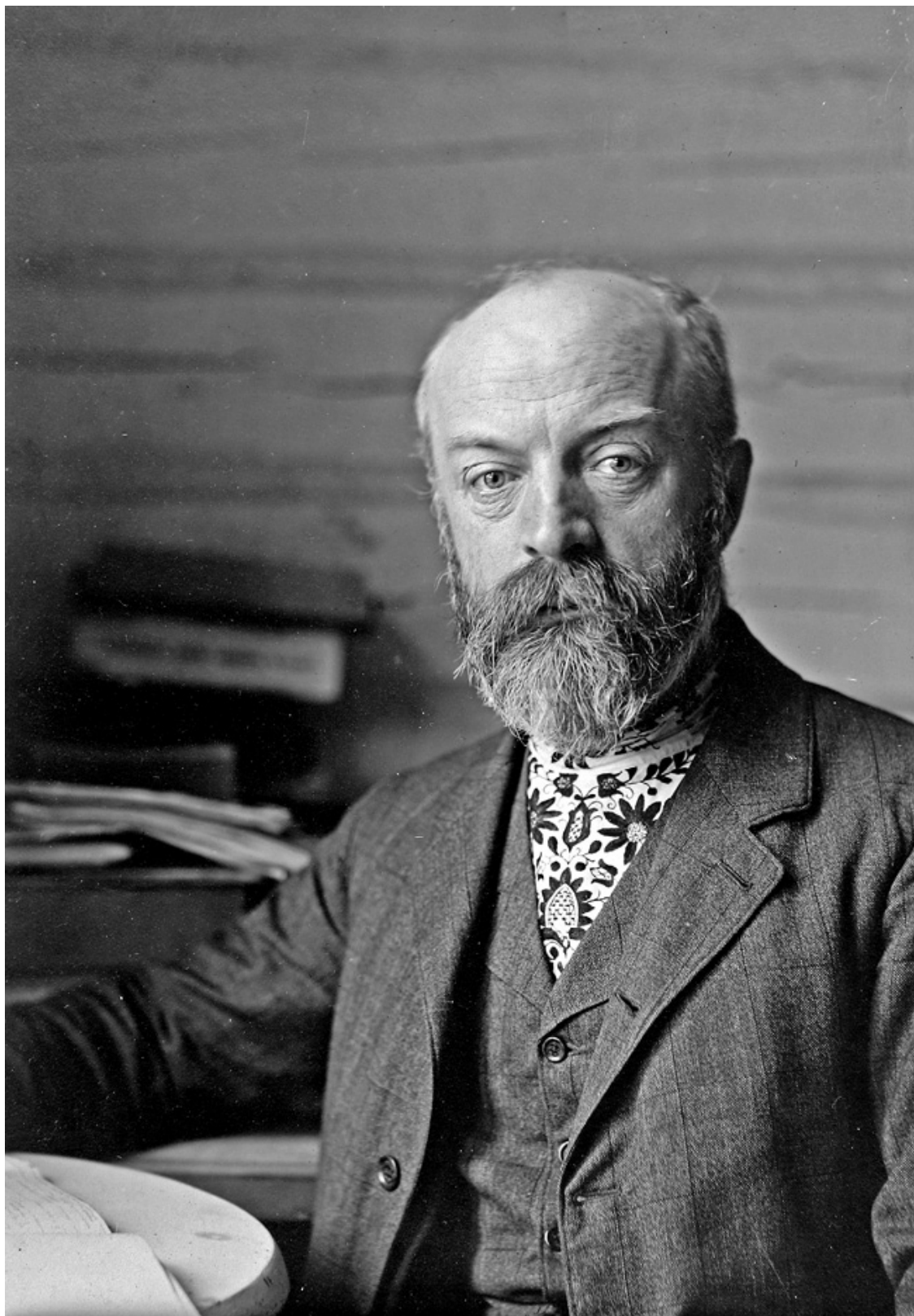
ется с тем, как его отношение (к Софье Андреевне) будет воздействовать на дочь и на Черткува...»³⁷

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

3 августа

«Хотела объяснить Льву Ник-у источник моей ревности к Черткуву и принесла ему страничку его молодого дневника, 1851 года, в котором он пишет, как он никогда не влюблялся в женщин, а много раз влюблялся в мужчин. Я думала, что он, как П. И. Бирюков, как доктор Маковицкий (Душан Петрович – доктор, единомышленник Л. Н. Толстого, который сопровождал его во время ухода. – В. Р.), поймет мою ревность и успокоит меня, а вместо того он весь побледнел и пришел в такую ярость, каким я его давно, давно не видала. “Уходи, убирайся! – кричал он. – Я говорил, что уеду от тебя, и уеду...” Он начал бегать по комнатам, я шла за ним в ужасе и недоумении. Потом, не пустив меня, он заперся на ключ со всех сторон. Я так и остолбенела. Где любовь? Где непротивление? Где христианство? И где, наконец, справедливость и понимание? Неужели старость так ожесточает сердце человека? Что я сделала? За что? Когда вспомню злое лицо, этот крик – просто холодом обдает.

³⁷ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 310.

Д. П. Маковицкий, единомышленник и врач Л. Н. Толстого.

Телятинки. 1911. Фотография Е. Н. Фелтена

Потом я ушла в ванну, а Лев Никол., как ни в чем на бывало, вышел в залу и пил с аппетитом чай и слушал, как Душан Петрович, переводя с славянского, читал о Петре Хельчицком.

Когда все разошлись, **Лев Ник.** пришел ко мне в спальню и сказал, что **пришел еще раз проститься.** Я так и вздрогнула от радости, когда он вошел; но когда я пошла за ним и начала говорить о том, что как бы дружной дожить последнее время нашей жизни, и еще о чем-то, он начал меня отстранять и говорил, что **если я не уйду, он будет жалеть, что зашел ко мне. Не поймешь его!**»³⁸.

Письмо

Софьи Андреевны Толстой

Е. И. Чертковой (матери В. Г. Черткова)

3 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Многоуважаемая Елисавета Ивановна,
вполне разделяю ваше материнское негодование и огорчение. Но то, что я перестрадала за это время, не может сравниться ни с какой человеческой скорбью.

Распространять гнусные обвинения против вашего сына я нигде не могла, так как никого не вижу, почти не выхожу из своей комнаты и все время болею. Не знаю, кому охота заниматься сплетнями и придавать произвольный смысл моим словам.

То, что я сказала вам при свидании, то повторяю: ваш сын настолько деспотично распространил свое влияние на моего ослабевшего от лет старого мужа, что постепенно, особенно с последнего пребывания Льва Николаевича у Владимира Григорьевича, отдалял его от меня и восстанавливал меня.

³⁸ Т. 2. С. 166, 167.

В. Г. Чертков с матерью Е. И. Черткой и сыном Владимиром (Димой). Англия. 1900. Фотография фирмы «Y West and Son»

Вы говорите о моих низменных интересах. Все, кто меня знает, отлично понимают мое личное, бескорыстное отношение ко всякой собственности. Было время, когда Лев Николаевич отдавал мне *все*, включая и права авторские. И я со слезами отказалась от всего.

Но многим, в том числе и всей семье Льва Николаевича, непонятно и обидно, что не одни мысли Льва Николаевича дороги Черткову, но и *рукописи*, которые он коллекционирует, как и фотографии, и выманивает у Льва Николаевича, пользуясь его пристрастием к себе. И это нельзя назвать порядочностью и бескорыстием со стороны Владимира Григорьевича. Для рукописей существуют музеи, где они безопасны и вместе с тем доступны людям.

Принимать же и желать видеть человека, который на весь мой дом провозглашал, что “он не понимает женщины, которая всю жизнь занимается убийством своего мужа”, – я не в состоянии. Это мнение Владимира Григорьевича не может расположить меня вновь к нему никогда. Он стал между нами после нашей 48-летней супружеской жизни; и я – решительно не в силах выносить его присутствие, хотя и старалась.

Да, я безумно ревную Льва Николаевича и не уступлю его, хотя бы это стоило мне жизни, и считаю влияние Владимира Григорьевича на всю нашу жизнь вредным.

Вмешиваться в отношения мужа и жены никто не имеет права. А как меня будет судить крошечный кружок толстовцев, – мне, право, решительно все равно. За мной 48 лет безупречной жизни и преданной любви к мужу, которого без всякого постороннего вмешательства я берегла, помогала ему и жила душа в душу, одной жизнью.

Равно и в отношении каждого человека к Богу вмешательство людей не может иметь места.

Простите меня, если я вам причинила неприятность; могу одним только оправдаться – моими тяжелыми страданиями...

С почтением Софья Толстая» (ОР ГМТ).

Из дневника Льва Николаевича Толстого

3 августа

Е. б. ж. Жив, тоскливо. Но лучше работал над корректурами. Чудное место Паскаля. Не мог не умиляться до слез, читая его и сознавая свое полное единение с этим, умершим сотни лет тому назад, человеком. Каких еще чудес, когда живешь этим чудом?

Ездил в Колпну с Гольденвейзером. **Вечером тяжелая сцена**, я сильно взволновался. Ничего не сделал, но чувствовал такой прилив к сердцу, что **не только жутко, но больно стало.**

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

5 августа

Немного светлее думал. Совестно, стыдно, комично и грустно мое воздержание от общения с Чертковым. Вчера утром была очень жалка, без злобы. Я всегда так рад этому – **мне так легко жалеть и любить ее, когда она страдает, а не заставляет страдать других.**

6 августа

Сейчас встретил [...] Софью Андреевну. Она идет скоро, страшно взволнованная. Мне очень жалко стало ее. Сказал дома, чтобы за ней посмотрели тайно, куда она пошла. Саша же рассказала, что она ходит не без цели, а подкарауливая меня. **Стало менее жалко.** Тут есть недоброта, и я еще не могу быть равнодушен – в смысле любви к недоброму. Думаю уехать, оставив письмо, и боюсь, хотя думаю, что ей было бы лучше. Сейчас прочел письма, взялся за «Безумие» и отложил. Нет охоты писать, ни силы. Теперь 1-й час. **Тяжело вечное прятание** (речь идет о завещании. – В. Р.) **и страх за нее.**

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

5 августа

«Провела ужасную ночь; переживала опять в воспоминаниях все, чем страдала это время. Как оскорбительно, что муж мой даже не вступился за меня, когда Чертков мне нагрубил. Как он его боится! Как весь был подчинен ему! Позор и жалость! [...]

Во многом я виновата, конечно. Но мое раскаяние тоже так велико, что добрый муж простил бы меня, в чем я виновата [в моем болезненном, истеричном состоянии. – Прим. С. А. Толстой.], и к концу – к смерти приблизил бы меня, хотя бы за то, что я с такой горячей, страстной любовью вернулась к нему сердцем, и за то, что никогда не изменила ему.

Как я была бы счастлива, если б он меня приласкал и приблизил. Но этого уж никогда не будет, даже если и удалить Черткова от него!

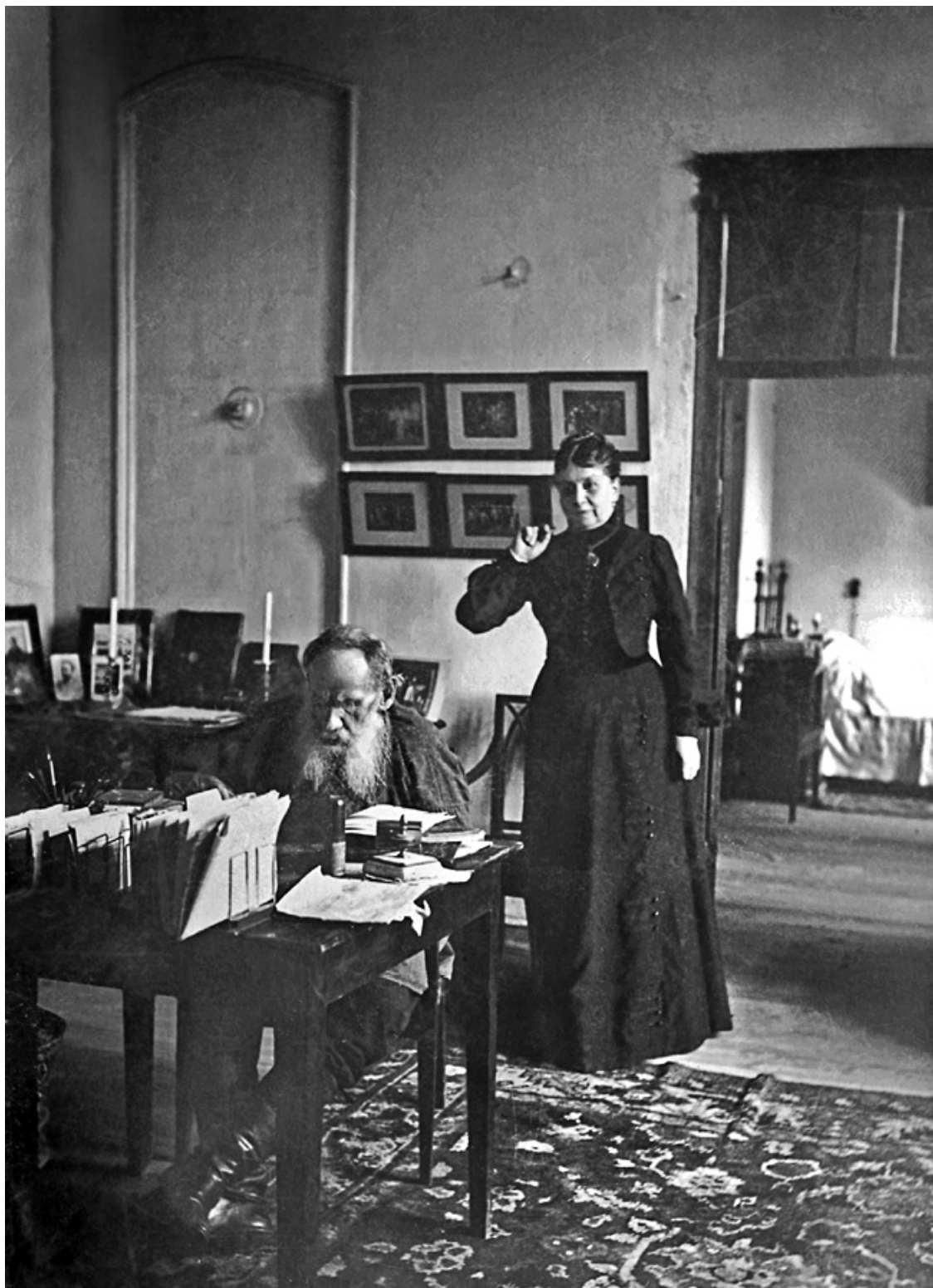
Лев Ник. сегодня опять холоден и чужд. Грустно!»³⁹.

6 августа

«Как и все это последнее время – нет сна. Утром просыпаешься с каким-то ужасом: что даст сегодняшний день? Так было и нынче. Заглянула в 10-м часу в комнату Льва Николаевича, его еще нет, он на своей обычной утренней прогулке. Наскоро оделась, побежала в елочки, куда он ходит по утрам, бегу, думаю: “Ну, как он там с Чертковым?” Идет милый, спокойный, старенький, – и один. Но Чертков мог уже уехать. Встречаю детей, спрашиваю: “Видели, детки, старого графа?” – “Видели, на лавочке сидел”. – “Один?” – “Один”. Я начала себя обуздывать и успокаивать. Дети милые со мной, видят, что я не нахожу грибов, – где уж там! – дали мне пять подберезников и с сожалением сказали: “Да ты не видишь ничего, ты слепая”. Пришел в елочки Лева, случайно или ко мне – не знаю. Потом верхом встретил меня возле купальни»⁴⁰.

³⁹ Т. 2. С. 168.

⁴⁰ Т. 2. С. 169.

Л. Н. и С. А. Толстые в яснополянском кабинете писателя. 1902. Фотография фирмы «Шерер, Набгольц и КО»

Из письма Льва Николаевича Толстого В. Г. Черткову

7 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Не знаю, успею ли после написать вам. А сижу в саду (не могу нынче ничего работать), думаю о вас и вот пишу вам. Сказать мне вам чего-нибудь такого, чего вы не знаете, нет ничего. Одно скажу, что мне в последнее время как-то совестно, смешно и вместе неприятно избегать вас, но не могу, не умею ничего сделать другого. Мне жалко ее, и она, несомненно, жалче меня, так что мне было бы дурно, жалея себя, увеличить ее страдания. Мне же, хотя я и устал, мне в сущности хорошо, так хорошо, что, тоже в последнее время, внешний успех моей деятельности, прежде очень занимавший меня, совсем не интересует меня. **Все ближе и ближе подходит раскрытие, наверное, благой, предугадываемой тайны, и приближение это не может не привлекать, не радовать меня.** [...]»⁴¹.

Из письма Анны Константиновны Чертковой Л. Н. Толстому

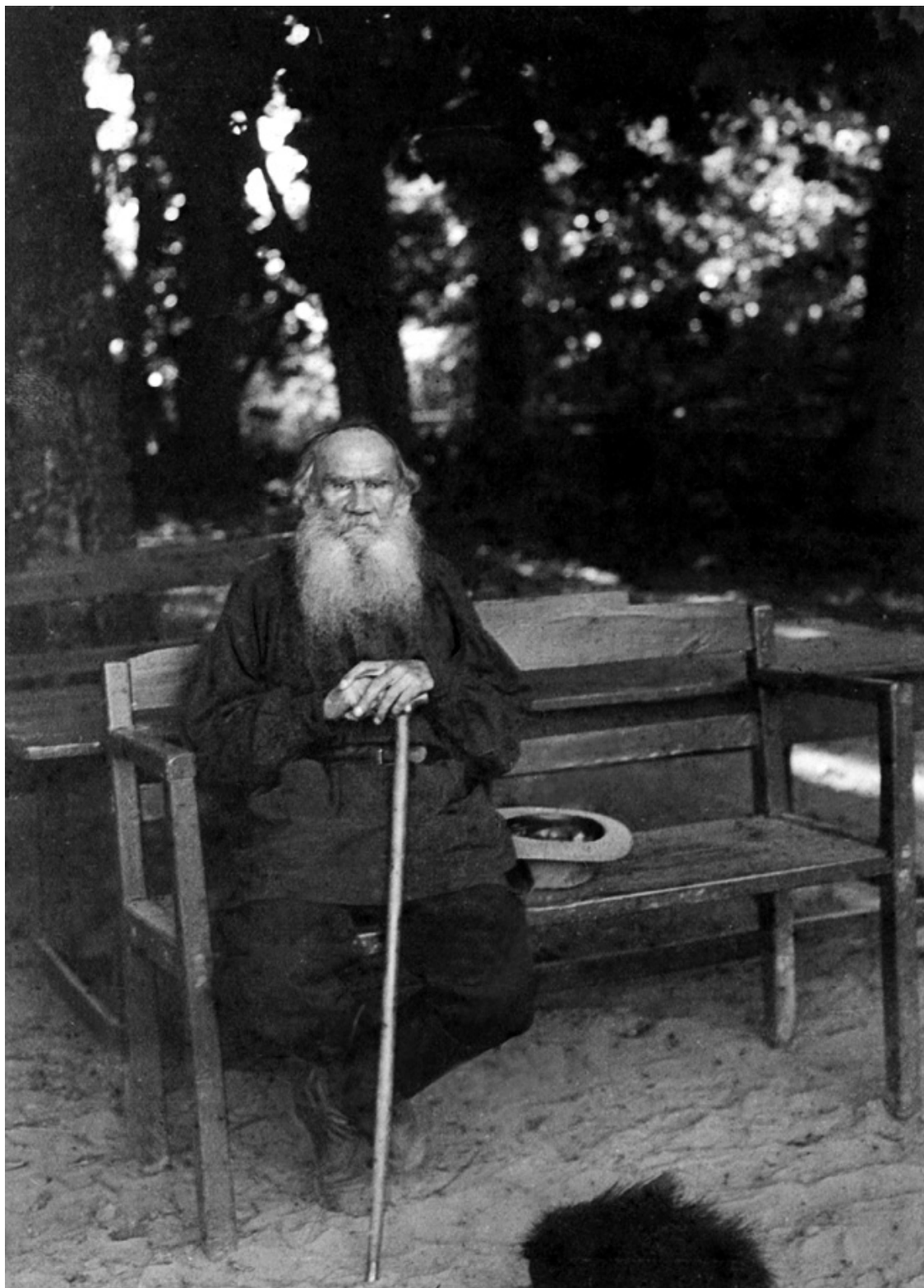
9 августа 1910 г. Телятинки

«Дорогой Лев Николаевич [...] **Моя любовь и доверие к вам, к вашей мудрой любви – так дороги мне, что мне страшно потерять хоть каплю из сердца моего,** и потому я молю Бога, чтобы дал мне понять ваш образ действий и стараюсь, мучительно стараюсь понять, входя всем сердцем в ваше положение – и если еще не вполне уяснила себе всего, то не теряю надежды на это, а пока стараюсь восстановить в сердце своем доверие к вам и смирение перед обстоятельствами – спокойно и терпеливо ждать – как ждет Дима (муж Чертков. – В. Р.), наш добрый, дорогой батя, всегда надеясь на все лучшее, на то, что Бог с нами и за нас, в деле, где совесть чиста.

Я знаю, как ему горько не видеть вас и все же он удивительно переносит это тяжелое испытание. Ваша Галя»⁴².

⁴¹ Т. 89. С. 201, 202.

⁴² УЛТ. С. 426, 427.

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 16 августа 1905 г.
Фотография Д. А. Олсуфьева

А. К. Чертова. Художник М. В. Нестеров. 1890.

В письмах и дневниках Л. Н. Толстого – Галя

В. Г. Чертков с женой А. К. Чертковой (Галя)

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

8 августа

«... Не спала опять ночь, все думала, что надо предложить Льву Никол-у опять видаться с Чертковым, и рано утром, когда он встал, я это ему и сказала. Он махнул рукой, сказал, что переговорит после, и ушел гулять. Ушла и я в 9-м часу, бродила по всей Ясной, по садам и лесам, упала прямо плашмя на грудь и живот, рассыпала грибы и, нарвав дубовых веток и травы, легла на них в изнеможении на лавке из березовых палочек и до тех пор плакала, пока задремала с какими-то фантастическими видениями во сне. Ветки были мокрые от дождя, и я вся промокла, но лежала в этой тишине, с соснами перед глазами, более часа. **Всего я отсутствовала более 4-х часов из дома, без пищи, конечно.**

Когда я вернулась, Лев Ник. меня позвал к себе и сказал (я так счастлива была уже тем, что услышала его голос, обращенный ко мне): “Ты предлагаешь видаться с Чертковым, но я этого не хочу. **Одно, чего я более всего желаю, – это прожить последнее время моей жизни как можно спокойнее.** Если ты будешь тревожна, то и я не могу быть спокоен. **Лучше всего мне бы уехать на недельку к Тане и нам расстаться, чтоб успокоиться**”»⁴³.

12 августа

«**Вечером Таня** (дочь. – В. Р.) **начала целый ряд тяжелых на меня обвинений, из которых почти все несправедливые, и я в них так и узнала подозрительность и ложь Саши, которая всячески старается меня оклеветать, со всеми поссорить и разлучить с отцом ее. Вот где**

⁴³ Т. 2. С. 171.

настоящий крест. Иметь такую дочь хуже всяких Чертковых: ее не удалишь, а замуж никто не возьмет с ее ужасным характером. Я часто обхожу двором, чтобы с ней не встречаться, того и гляди или опять **плюнет мне в лицо, или зло накинется на меня с ее отборно грубыми и лживыми речами.** Сколько горя в старости! **За что?»**⁴⁴.

⁴⁴ Т. 2. С. 174, 175.

А. Л. Толстая. 10 декабря 1905 г. Тула.
Фотография В. И. Вакуленко

Письмо Льва Николаевича Толстого В. Г. Черткову

12 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Пишу на листочках, потому что пишу в лесу, на прогулке. И с вчерашнего вечера и с нынешнего утра **думаю о вашем вчерашнем письме** (большое письмо В. Г. Черткова от 11 августа 1910 г. о необходимости таинства завещания Толстого. – *В. Р.*). Два главные чувства вызвало во мне это ваше письмо: отвращение к тем проявлениям грубой корысти и бесчувственности, которые я или не видел, или видел и забыл; и огорчение» и раскаяние в том, что я сделал вам больно своим письмом, в котором выражал сожаление о сделанном. Вывод же, какой я сделал из письма, тот, что Павел Иванович (Бирюков. – *В. Р.*) был неправ, и также был неправ и я, согласившись с ним, и что я вполне одобряю вашу деятельность, но своей деятельностью все-таки недоволен: чувствую, что можно было поступить лучше, хотя я и не знаю как. **Теперь же я не раскаиваюсь в том, что сделал, т. е. в том, что написал то завещание, которое написано, и могу быть только благодарен вам за то участие, которое вы приняли в этом деле.**

Нынче скажу обо всем Тане, и это будет мне очень приятно.
Лев Толстой»⁴⁵.

Из письма Льва Николаевича Толстого В. Г. Черткову

14 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Владимир Григорьевич,

прочел ваше длинное письмо (от 13–14 августа 1910 г. – *В. Р.*) и во всем согласен с вами, кроме того, что вы думаете и говорите о том стеснении своей свободы, в которое я будто бы себя поставил своим обещанием. Согласен, что обещания никому, а особенно человеку в таком положении, в каком она теперь, не следует давать, **но связывает меня теперь никак не обещание** (я и не считаю себя обязанным перед ней и своей совестью исполнить его), а **связывает меня просто жалость, сострадание, как я это испытал особенно сильно нынче и о чем писал вам.**

Положение ее очень тяжелое. Никто не может этого видеть и никто так сочувствовать ему. [...]»⁴⁶.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

14 августа

«Тревога усилилась, с утра опять дрожанье сердца, прилив к голове. Мысль о разлуке с Льв. Ник. мне невыносима. **Колебалась весь день, остаться в Ясной или ехать с Льв. Н. к Тане в Кочеты, и решила последнее.** Наскоро уложились»⁴⁷.

⁴⁵ Т. 89. С. 203, 204.

⁴⁶ Т. 89. С. 206.

⁴⁷ Т. 2. С. 175.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

14 августа 1910 г

Все хуже и хуже. Не спала ночь. Выскочила с утра: «С кем ты говоришь?» Потом рассказывала ужасное: половое раздражение. Страшно сказать. [*Вымарано три слова.*]

Ужасно, но, слава Богу, жалка, могу жалеть. Буду терпеть. Помоги, Бог. **Всех измучила и больше всего себя.** Едет с нами. Варю как будто выгоняет. Саша огорчена. Ложусь.

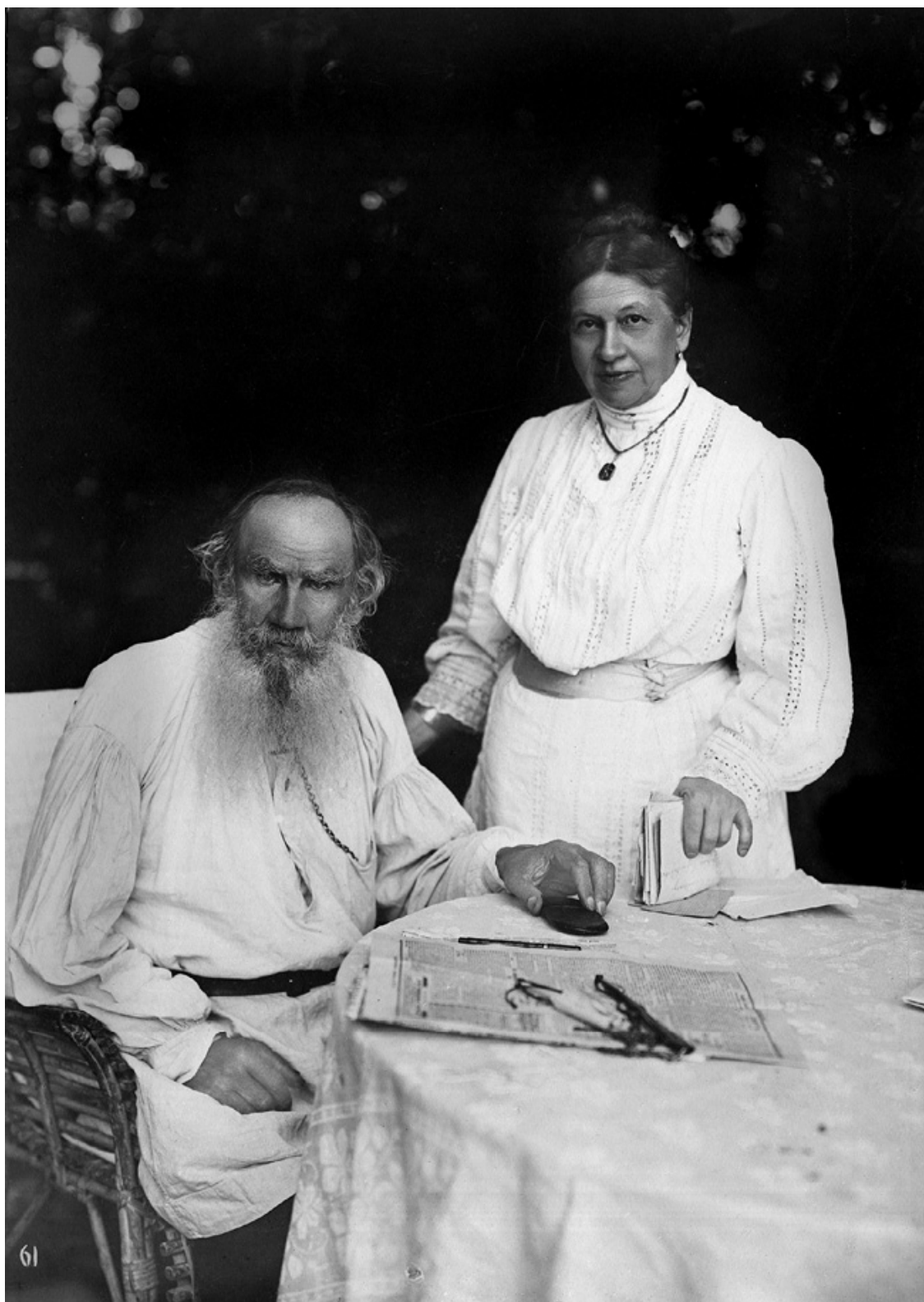
КОЧЕТЫ. В ГОСТЯХ У ДОЧЕРИ

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

15 августа 1910 г. Кочеты

Дорогой в Кочеты думал о том, **как, если только опять начнутся эти тревоги и требования, я уеду с Сашей.** Так и сказал. Так думал дорогой. Теперь не думаю этого. Приехали спокойно, но вечером я брал у Саши тетрадь, она увидела: «Что такое?» – Дневник. Саша списывает.

Л. Н. и С. А. Толстые. Ясная Поляна. 1908.
Фотография К. К. Буллы

Дом в Кочетах, в имении М. С. Сухотина, мужа Татьяны Львовны. 1910. Фотография Е. П. Сухотиной

Л. Н. Толстой в Кочетах с семьей дочери Татьяны. 1910
16 августа

Нынче утром опять не спала. Принесла мне записку о том, что Саша выписывает из дневника для Черткова мои обвинения ее. Перед обедом я старался успокоить, сказав правду, что выписывает Саша только отдельные мысли, а не мои впечатления жизни. Хочет успокоиться и очень жалка. Теперь 4-й час, что-то будет. **Я не могу работать.** Кажется, что и не надо. На душе недурно.

17 августа

Нынче хороший день. Соня совсем хороша. Хороший и тем, что мне тоскливо. И тоска выражается молитвой и сознанием.

Из письма Татьяны Львовны Сухотиной В. Г. Черткову

16 августа 1910 г. Кочеты

«Дорогой друг, дела наши ни хороши, ни плохи, но лучше гораздо яснополянских. Мать тиха, скромна, с Сашей очень ласкова, к отцу ни в вагоне, ни здесь не пристаёт и даже избегает. Было одно огорчение и расстройство, когда она подсторожила вечером, что папá пришел к Саше за своим дневником. И сегодня написала ему об этом записку. Но потом послушалась моей просьбы не говорить об этом и сказала, что овладеет собой. [...]

В вагоне она говорила, что **ей очень тяжело иметь врага, что никогда у нее врагов не было**, на что я сказала ей, что это очень легко изменить, и что ей стоит только протянуть Вам руку. Но потом ей представилось, как ей будет трудно выносить Ваше присутствие, и **она сказала, что если бы вы приняли ее условие ездить раз в неделю – то она бы на это охотно согласилась.** [...]

Думаю, что если бы Вы ей написали о том, что устранены препятствия к Вашему житию в Телятинках, и сказали бы ей, что Вам было бы приятно, если бы она вернула Вам свое доброе отношение, может быть, могли бы прибавить, что жалеете, если какие-нибудь Ваши слова ее оскорбили, то она рада была бы возможности помириться с Вами»⁴⁸.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

17 августа

«Так как у меня теперь много дела по изданию и я желала бы знать, сколько мы тут проживем, я спросила об этом Льва Н-а, **а он мне грубо сказал:** “Я не солдат, чтоб мне назначать срок отпуска”. Вот и живи с таким человеком! Боюсь, что он, с свойственным ему коварством, зная, что мне *необходимо* вернуться, будет жить здесь месяцы.

Но тогда и я ни за что не уеду, брошу все, пропадай все! Кто кого одолеет? И подумать, что возникла эта злая борьба между людьми, которые когда-то так сильно любили друг друга! Или это старость? Или влияние посторонних? Иногда смотрю я на него, и мне кажется, что **он мертвый**, что все живое, доброе, пронизательное, сочувствующее, правдивое и любовное погребло и **убито рукою сухого сектанта без сердца – Черткова**»⁴⁹.

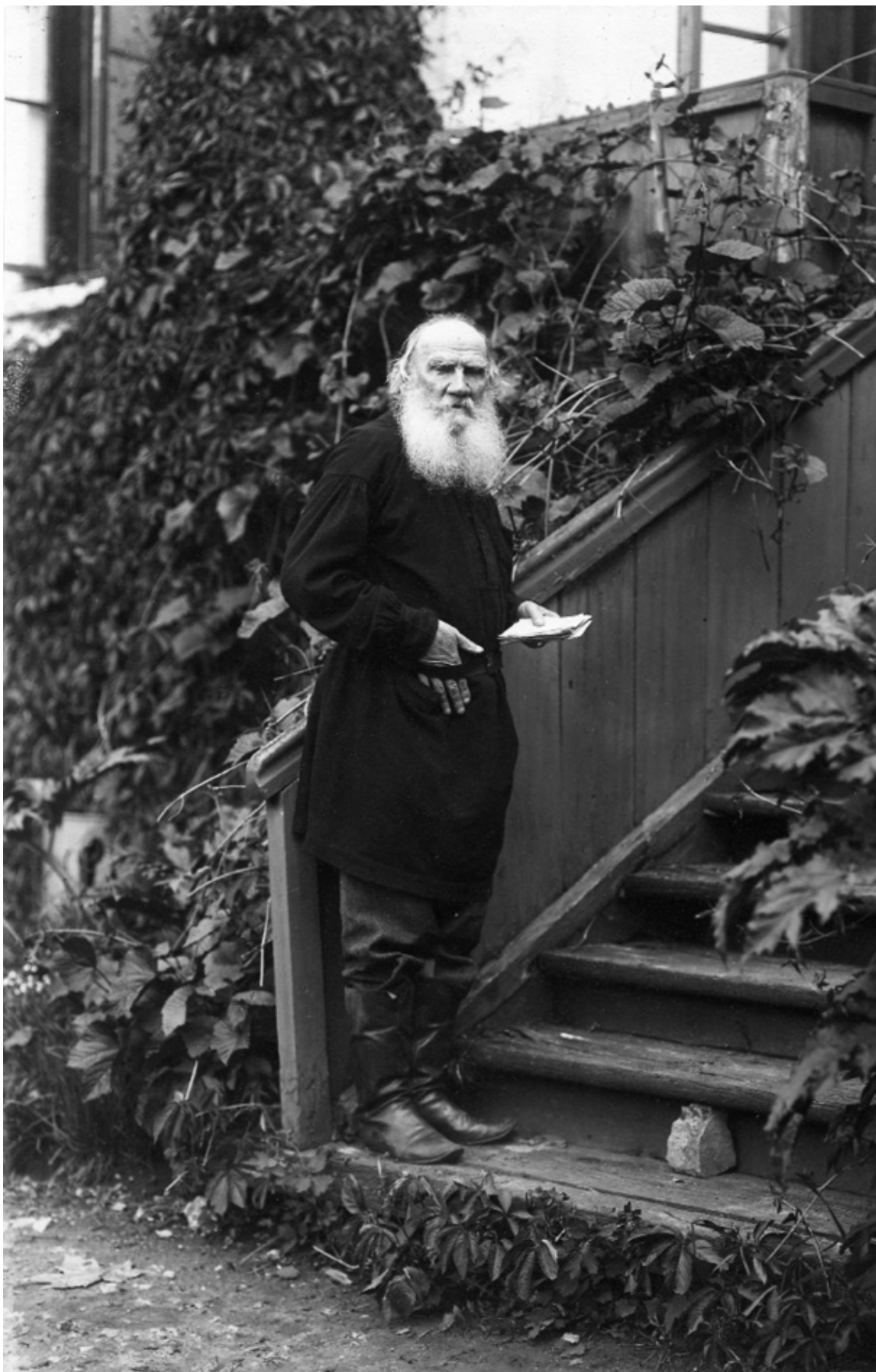
18 августа

⁴⁸ УЛТ. С. 451.

⁴⁹ Т. 2. С. 180.

«Ужасное известие прочла в газетах. Черткова правительство оставляет жить в Телятинках! И сразу Лев Николаевич повеселел, помолодел; походка стала легкая, быстрая, а у меня с мучительной болью изныло все сердце; билось оно в минуту 140 ударов, болит грудь, голова.

Рукою Бога, по его воле мне послан этот *крест*, и Чертков с Львом Николаевичем избраны орудиями моей смерти. Может быть, когда я буду лежать мертвая, у Л. Н. откроются глаза на моего врага и убийцу, и он тогда возненавидит его и раскается в своем греховном пристрастии к этому человеку.

Л. Н. Толстой в Кочетах. 19 мая 1910 г.
Фотография В. Г. Черткова

И со мной теперь *как* вдруг изменились отношения. Явилась ласковость, внимание: авось, мол, теперь она примирится с Чертковым, и все будет по-старому. **Но этого никогда не будет, и Черткова я принимать не буду.** Слишком глубока и болезненна та рана, которая открылась у меня и терзает мое сердце. И слишком невозможно мне простить грубости Черткова мне и его внушения Льву Николаевичу, что я его *всю жизнь убиваю*⁵⁰.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

18 августа

Софья Андреевна, узнав о разрешении Черткову жить в Телятинках, пришла в болезненное состояние. «Я его убью». Я просил не говорить и молчал. И это, кажется, подействовало хорошо. Что-то будет. Помоги мне, Бог, быть с Тобой и делать то, что Ты хочешь. А что будет, не мое дело. Часто, нет, не часто, но иногда бываю в таком душевном состоянии, и тогда как хорошо!

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

19 августа

«Когда я спросила Льва Н-а, что до тех пор уедем ли мы отсюда? он поспешно стал говорить, что ничего не знает, не решает вперед. И я уже предвижу новые мученья; он, вероятно, что-нибудь затевает и, конечно, отлично знает, что, но привычка и любовь к неопределенности и к тому, чтоб этим меня мучить всю жизнь, так велика, что он без этого уж не может.

Ходила с Таней за грибами, их такая пропасть, потом играла все время с детьми, делала бумажные куколки. Не могу заниматься делом, сердце просто *физически* болит, и такие приливы к голове! Наполовину я убита Л. Н. и Чертковым, сообща, и еще два, три припадка сердечных, как вчера, – и мне конец. Или же сделается нервный удар. И хорошо бы! **А мучить меня будут, наверное, бить же себя и не хочу, чтоб не уступить Льва Ник-а Черткову.**

⁵⁰ Т. 2. С. 180.

С. А. Толстая. Ясная Поляна. 1903. Автопортрет

Как вышло странно, и даже смешно. Чертков сказал, что я убиваю своего мужа, вышло же совершенно обратное: Л. Н. и Ч. уже наполовину убили меня. Все поражаются, до чего я похудела и переменялась – без болезни, только от сердечных страданий!

Уехал Лев Н. верхом с Душаном Петровичем; места незнакомые, и я тревожилась. **Вечером** рассказала гр. Д. А. Олсуфьеву всю печальную историю с **Чертковым** (С. А. Толстая часто с членами семьи, друзьями дома, гостями, не стесняясь, обсуждала проблемы взаимоотношений мужа и В. Г. Черткова; естественно, это не могло не оскорблять Л. Н. Толстого. – В. Р.), и он посоветовал мне подождать писать Столыпину об удалении Черткова.

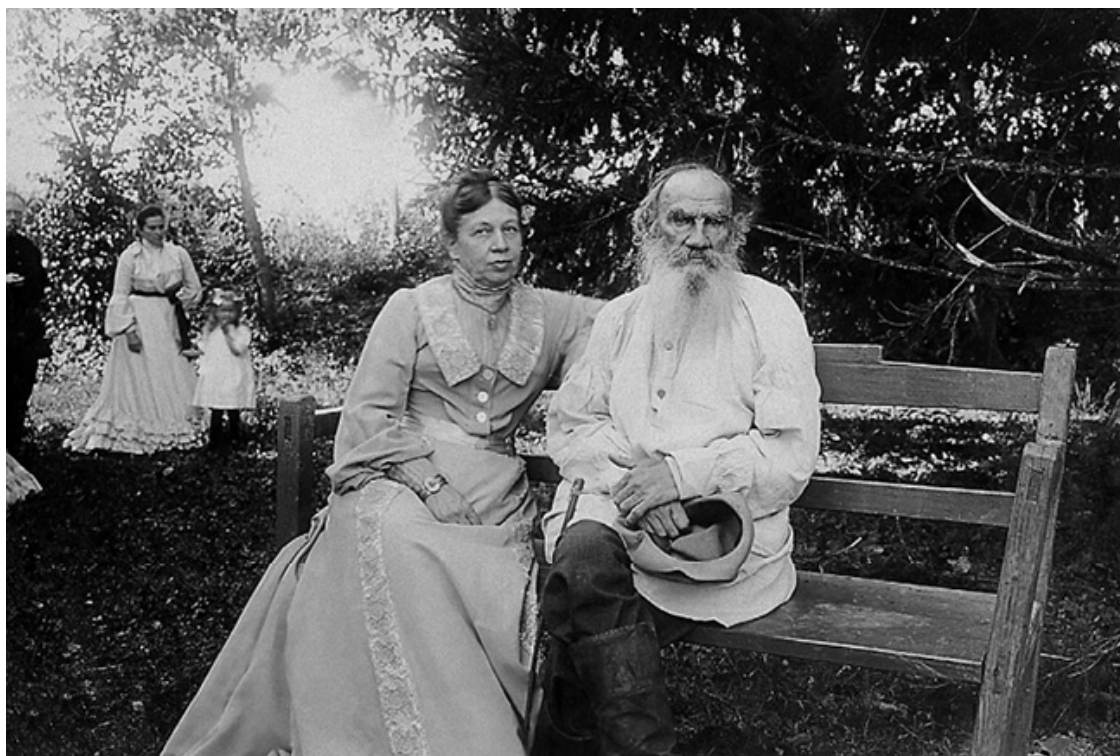
Теперь именно это нельзя сделать, так как его только что вернули. **Если же Чертков будет заниматься какой-нибудь пропагандой и наталкивать на это Льва Ник. или Лев Ник. возобновит с ним свои пристрастные отношения, то лучше мне самой, лично, переговорить тогда со Столыпиным.** Все это в будущем, а пока надо жить сегодняшним днем.

Часа три подряд Лев Ник. играл с большим увлечением в карты в винт. Как грустно видеть все его слабости именно в тот возраст (82 г.), когда духовное должно над всем преобладать! Хочется на все его слабости закрыть глаза, а сердцем отвернуться и искать на стороне света, которого уже не нахожу в нашей семейной тьме»⁵¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

19 августа

Опять все то же. Слабость. Отсутствие энергии к работе. [...] Говорил с Софьей Андреевной и **напрасно согласился не делать портреты** (речь о запрете Черткову фотографировать Л. Н. Толстого. – В. Р.). **Не надо уступки.** И теперь писать не хочется. Ложусь, 12-й час.

Л. Н. и С. А. Толстые. Ясная Поляна. 28 августа 1903 г.
Фотография С. А. Толстой и И. Л. Толстого

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

20 августа

⁵¹ Т. 2. С. 181, 182.

Хорошо говорил с сторожем. Нехорошо, что рассказал о своем положении. Ездил верхом, и вид этого царства господского так мучает меня, что подумываю о том, чтобы убежать, скрыться.

Нынче думал, вспоминая свою женитьбу, что это было что-то роковое. Я никогда даже не был влюблен. А не мог не жениться.

Из письма Татьяны Львовны Сухотиной

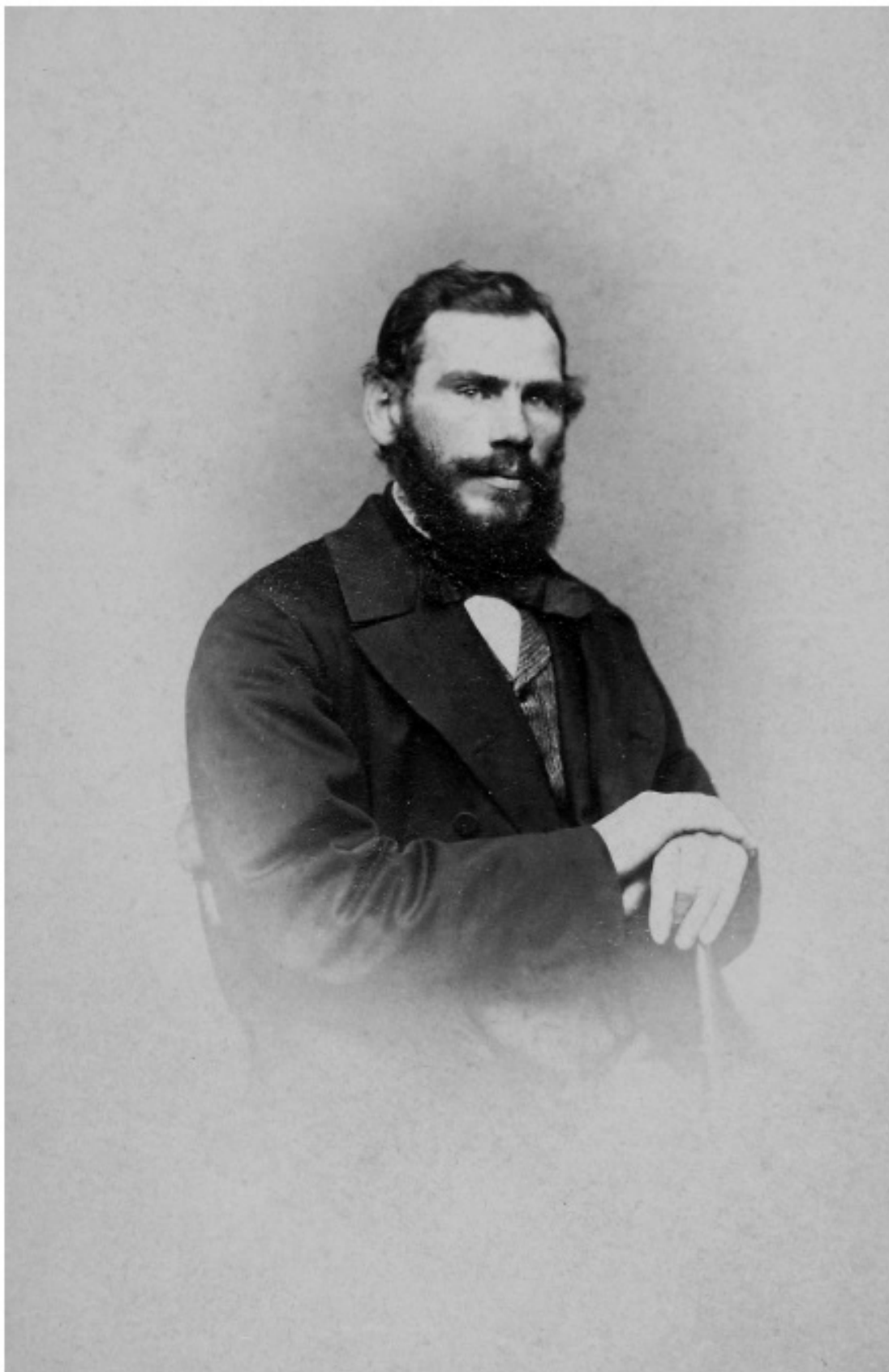
В. Г. Черткову

21 августа 1910 г. Кочеты

«Получила сейчас Ваше письмо, дорогой друг, и сейчас же имею случай Вам ответить, поэтому не откладываю. Спасибо за него, как за всякое выражение доброго чувства, которое дает радость и заражает.

Если бы Вы сейчас видели мать, Вы не могли бы ее не жалеть. Она сегодня вышла вся трясущаяся и красная, потому что не могла заснуть ночи от того, что вчера видела Вас, снятого на одной фотографии с отцом. Она сказала сегодня, что она дошла до того, *что она сознает, что это сумасшествие*, и надеется побороть его, но что она еще не может с собой сладить. Я советовала ей повидать Вас теперь, когда она одна будет в Ясной, но она говорит, что не в силах еще этого сделать. Потом я сказала ей, что если она будет стоять на этой точке зрения, то мы все ей поможем, но тут уже пошло безумие: “Зачем эта физическая близость... У меня глаза открылись...” и т. п. Какой тут корыстный расчет? Одно безумие и страдание. [...]»⁵².

⁵² УЛТ. С. 455.

Л. Н. Толстой – жених. 1862. Москва. Фотография М. Б. Тулинова

С. А. Берс – невеста. 1862. Москва. Фотография М. Б. Тулинова

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

22 августа – день рождения С. А. Толстой

«День моего рождения, мне 66 лет, и все та же энергия, обостренная впечатлительность, страстность и – люди говорят – молодость. Но эти последние два месяца сильно меня состарили и, Бог даст, приблизили к концу. Встала утомленная бессонницей, пошла ходить по парку. Прелестно везде: старые аллеи всяких деревьев, полевые вновь зацветшие цветы; рыжики и другие грибы, тишина, одиночество, – одна с Богом. Все время ходила и молилась. Молилась о смирении, о том, чтоб перестать с помощью Бога так страдать душевно. **Молилась и о том, чтоб Бог вернул мне перед нашей смертью любовь мужа. Я верю, что я вымолю эту любовь, столько слез и веры я кладу в свои молитвы.**

Миленькие дети и Леля пришли утром меня поздравить. Лев Ник. во время моей прогулки два раза заходил спросить обо мне. Надо же, для приличия хотя бы, поздравить жену с рождением. Так и смотрю ему в глаза, чтоб поймать хоть минутное проявление его прежней, доверчивой любви ко мне. Когда я ее верну, то, возможно, что и с Чертковым примирюсь. Хотя трудно! Опять все пойдет то же, сначала.

Ездил Лев Ник. далеко верхом к скопцу, который тут бывал уже и раньше приезжал к Черткову, когда там был Лев Николаевич. Проехал взад и вперед 20 верст и не устал. Вот

здоровье железное. Играл опять вечером в винт. Играла и я за другим столом; учили, по ее желанью, Лелю Сухотину, а я очень утомила зрение, читая весь день и весь вечер присланную мне корректуру, и игра в карты – отдых глазам.

Корректура была из “Военных рассказов”. Какая красота многих мест из севастопольских рассказов! Я очень восхищалась и наслаждалась, читая их! **Да! Это художник настоящий, гениальный – мой муж! И если б не Чертков и его влияние – науськивание на такие брошюры, как “Единое на потребу” и другие, – совсем другая была бы литература Льва Толстого за последние годы.** Чувствую себя немного менее нервной, хотя болит сердце, и каждую минуту боишься новых взрывов и припадков. Даже с детьми сегодня играла вяло и скучно.

Л. Н. и С. А. Толстые. Ясная Поляна. 9 августа 1903 г. Фотография И. Л. Толстого
Как и чем разрешится наша жизнь, я даже себе представить не могу! После рождения Льва Ник-а поеду в Ясную Поляну и, вероятно, в Москву – а потом?...»⁵³.

Из письма Льва Львовича Толстого Т. Л. Сухотиной

22 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Милая Таня, спасибо за письмо и фотографии. [...]

⁵³ Т. 2. С. 184, 185.

Здесь мне очень, очень хорошо и, хотя бы не надо это писать именно теперь, но не могу не высказать этого. Все-таки нигде я не чувствую себя более самим собой, чем здесь. К сожалению, условия жизни наших стариков последнее время так тяжелы для близких и окружающих, что невольно страдаешь и не хочется возить в такую атмосферу семью.

Целую тебя и Мишу. Лев»⁵⁴.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

24 августа

Понемногу оживаю. Софья Андреевна, бедная, не переставая страдает, и **я чувствую невозможность помочь ей**. Чувствую грех своей исключительной привязанности к дочерям.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

25 августа

«Сегодня утром была неожиданно обрадована появлением Льва Николаевича у моей двери. Я умывалась и не могла сразу подойти к нему. Поспешно набросила на мокрые плечи халат и спросила его: **“Ты что, Левочка?”** – **“Ничего; я пришел узнать, как ты спала и как твое здоровье?”** Я ответила, и он ушел. Но через несколько минут вернулся и говорит: **“Я хотел тебе сказать, что вчера ночью, часов в двенадцать, я все о тебе думал и хотел даже пойти к тебе. Я думал, что тебе одиноко одной, ночью, и что ты делаешь, – и мне жалко стало тебя...”** При этом слезы показались у него на глазах, и он заплакал. А меня охватила такая радость, такое счастье, что весь день я им жила, хотя чувствовала себя нездоровой, а приближающаяся моя поездка в Ясную и Москву не перестает меня волновать»⁵⁵.

⁵⁴ УЛТ. С. 456.

⁵⁵ Т. 2. С. 186.

Л. Н. и С. А. Толстые в парке. 17 апреля 1905 г. Ясная Поляна. Фотография И. К. Дитерихса

Из дневника Льва Николаевича Толстого

24 августа

Только при тех положениях, которые мы называем бедствиями и при которых начинается борьба души с телом, только при этих положениях, начинается возможность истинной жизни и самая жизнь, если мы боремся сознательно и побеждаем, т. е. душа побеждает тело.

Из письма Льва Николаевича Толстого В. Г. Черткову

25 августа 1910 г. Кочеты

«Нынче из письма Варвары Михайловны к Саше узнал, что вы больны, и это мне было огорчительно, особенно тем, что, наверное, содействовали этому все те неприятности, которых я невольная причина. Будем мужаться, милый друг, и не поддаваться влияниям тела. Мне все яснее и яснее становится возможность этого. И иногда достигаю этого. [...] Пишите мне, пожалуйста, почаще не содержательные письма, а просто, что придет в голову.

Как вам, я уверен, хочется знать про меня, просто, в каком я духе, чем занят, что думаю, чувствую, хоть в главном, – так и мне хочется знать про вас.

Про себя скажу, что мне здесь очень хорошо. Даже здоровье, на которое тоже имели влияние духовные тревоги, гораздо лучше. **Стараюсь держаться по отношению к Софье Андреевне как можно и мягче и тверже и, кажется, более или менее достигаю цели – ее успокоения, хотя главный пункт: отношение к вам, остается то же.** Высказывает она его не мне. Знаю, что вам это странно, но она мне часто ужасно жалка. Как подумаешь, каково ей одной по ночам, которые она проводит больше половины без сна с смутным, но больным сознанием, что она не любима и тяжела всем, кроме детей, нельзя не жалеть»⁵⁶.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

26 августа

Ездил в Труханетово. **Очень тяжела роскошь – царство господское и ужасная бедность – курных изб.**

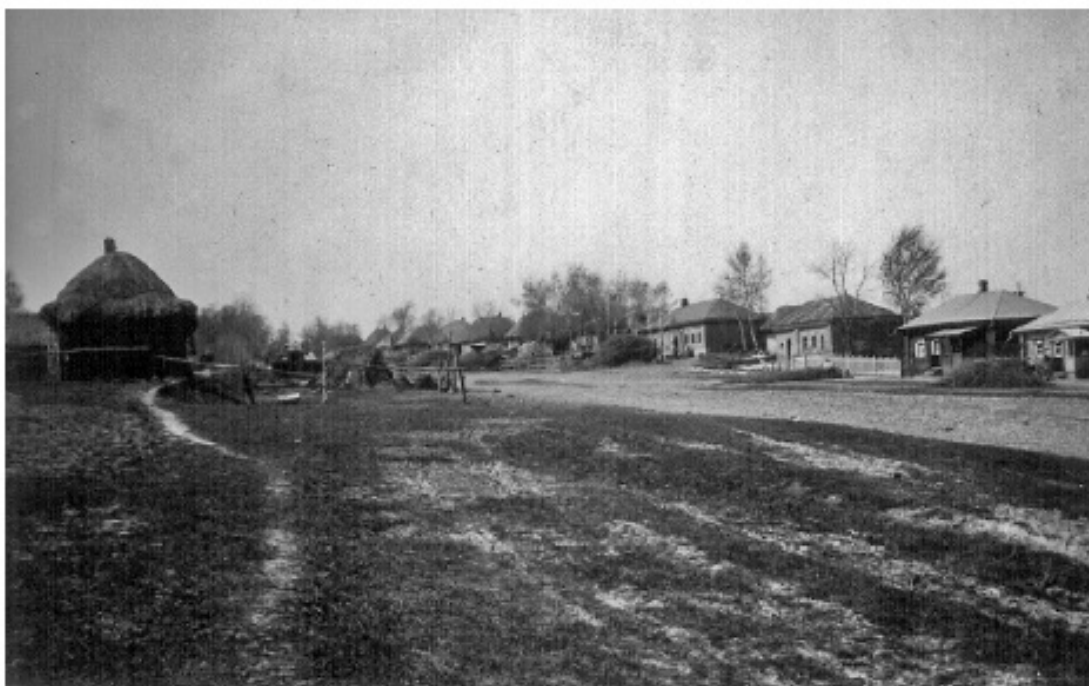
Из дневника Софьи Андреевны Толстой

26 августа

⁵⁶ Т. 89. С. 208, 209.

Л. Н. Толстой идет вдоль вспаханного поля около деревни Ясная Поляна. 1908. Фотография В. К. Черткова

Деревня Ясная Поляна. Фотография начала 1900-х гг.

Л. Н. и С. А. Толстые. В канун 80-летнего юбилея писателя. 1908. Фотография В. Г. Черткова

«Какая бы я ни была, **больше того, что я дала мужу, дать нельзя.** Я горячо, самоотверженно, честно и заботливо любила его, окружала всякой заботой, берегла его, помогала в чем могла и умела; не изменяла ни единым словом или движением хотя бы пальца; что же может женщина дать больше самой сильной любви? Я на 16 лет моложе мужа и на 10 лет всегда казалась моложе своего возраста. И все-таки всю страстность моей здоровой, энергической любви я отдавала только ему. Я понимала, что **вся святость философии моего мужа останется только в книгах, что ему нужна для его работы привычная, удобная обстановка, и он всю жизнь прожил в этой обстановке – будто бы для меня!..** Бог с ним, и помоги мне, Господи! Помоги и людям открыть и увидеть *истину*, а не фарисейство! И какие бы козни против меня ни сочинялись любовь Льва Н-а ко мне проскакивает всюду, и перед всяким возникнет вопрос: если 48 лет люди прожили вместе, любя друг друга, то было *за что* любить? (курсив С. А. Толстой. – В. Р.).

Теперь принят такой тон, что **я ненормальная, истеричная, чуть ли не сумасшедшая, и потому все, что будет исходить от меня, надо приписывать моему – нездоровью. Но люди, а главное Господь, разберут по-своему»⁵⁷.**

Из письма Льва Львовича Толстого

Л. Н. Толстому

26 августа

«Дорогой папаша, жалею, что не могу приехать к 28-му (28 августа – день рождения Л. Н. Толстого. – В. Р.). Очень бы хотел любить тебя, как всегда, и не могу не любить. Надо нам всем проще и открытей быть друг с другом. Ну что ж, что **мне, например, иногда кажется**

⁵⁷ Т. 2. С. 188.

вредным для других и себя и несправедливым многое из того, что ты говоришь, что ты кажешься непоследователен в жизни и словах, что тебе я кажусь глупым и дурным. Пусть все это будет нам иногда казаться, а мы все-таки будем дружны и любить друг друга, как нам подобает и как с моей стороны не может не быть. Если я говорил тебе о моих недобрых чувствах к тебе, то для того, чтобы их вырвать из сердца и потому, что они были временными и вследствие пережитого здесь. [...] Целую тебя. Лева»⁵⁸.

Из письма

Владимира Григорьевича Черткова

Л. Н. Толстому

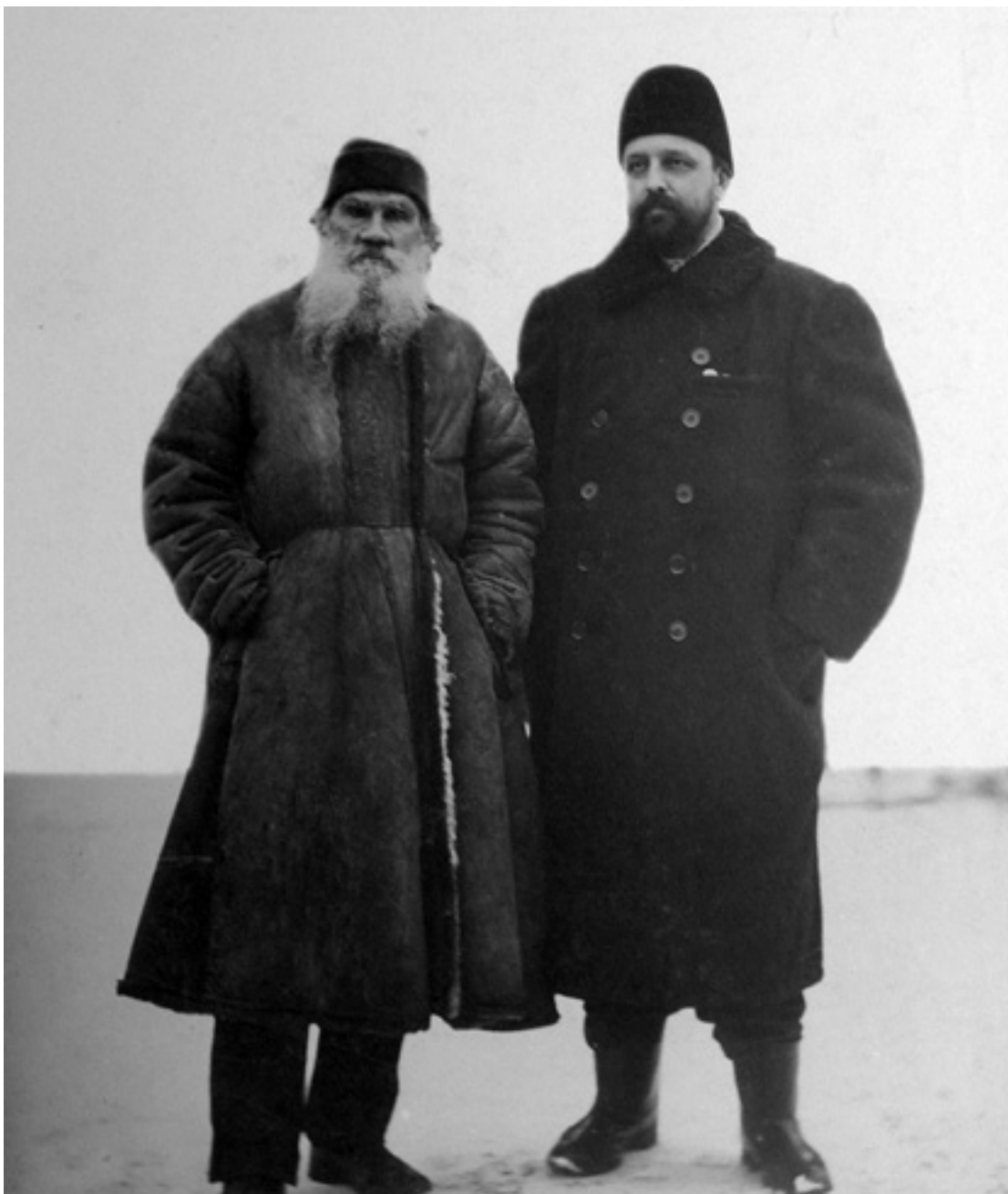
27 августа 1910 г. Ясенки Тульской губ

«Милый друг, [...] сведения о моей болезни были совсем ошибочные. Я был и емь совершенно здоров. Просто я был душевно уставши и, как всегда бывает со мной, это производит на добрых, слишком добрых ко мне окружающих людей, в особенности на женщин, впечатление, что я болен. [...] Наш скопец (приезжий гость. – В. Р.) поступил самоотверженно и мужественно; но зато какого блаженства он лишил себя, потеряв возможность испытывать радость успешной борьбы духа с телом в этой области! По этому поводу я на днях записал в свой дневник прилагаемую мысль, вероятно азбучную, но которую я вдруг почувствовал очень ярко. [...]

⁵⁸ УЛТ. С. 461.

Л. Н. Толстой с сыном Львом и внуком Лёвушкой (Три Льва). Ясная Поляна. 1899. Фотография С. А. Толстой

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков. С.-Петербург. 1897. Фотография В. И. Кривоша

Партия в шахматы с Владимиром (Димой) Чертковым, сыном В. Г. Черткова. Ясная Поляна. Июнь 1907 г. Фотография В. Г. Черткова
В. Ч.

Москва, Славянский Базар. 24 августа, 1910 г

Даже с точки зрения самой эгоистической приятности, для человека с пробудившимся разумением, **уступка** каким бы то ни было поползновениям или порывам **половой похоти**, – **нерасчетливо**. Минута острого, чисто физического наслаждения, – покупаемая ценою потери целых дней, недель, месяцев высшей духовной радости и бодрой разумной деятельности внутренней и внешней! Если бы еще нужно было продолжительно страдать и днями, неделями, месяцами напряженно бороться, чтобы преодолеть позыв похоти. Но ведь этого нет. Достаточно, при наплыве этого соблазна, кинуться во власть своего высшего, духовного сознания для того, чтобы наступавший враг оказался обезоруженным. **А потому отдаваться похоти, когда тебе доступна духовная жизнь – просто глупо.**

Телятинки, 27 августа, 1910 г

Прибавить к этому имею то, **что человеку духовного сознания отдаваться похоти не только глупо; но есть вопиющее нарушение задачи его жизни**, состоящей в том, чтобы предпочтением духовного телесному достигать все большего и большего освобождения от своей личности и все большего и большего сознания своей божественности, попутно (но не намеренно) достигая этим наивысшего блаженства, доступного человеку на земле. **Плотская похоть вещь прекрасная, очень нужная, для духовного роста; но только в том случае, если пользоваться ею, как следует, а именно бороться с нею и превозмогать ее».**⁵⁹

⁵⁹ УЛТ. С. 464, 465.

Из дневника Льва Николаевича Толстого
28 августа – день рождения Л. Н. Толстого

[...] Очень хорошо было на душе. [...] Вечером не удержался – возразил Софье Андреевне, и началось. Не выпускает и говорит. Письмо от Левы – нехорошее очень. Помогите, Господи.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

28 августа

Все тяжелее и тяжелее с Софьей Андреевной. **Не любовь, а требование любви, близкое к ненависти и переходящее в ненависть.**

Да, эгоизм – это сумасшествие. **Ее спасали дети – любовь животная, но все-таки самоотверженная. А когда кончилось это, то остался один ужасный эгоизм. А эгоизм самое ненормальное состояние – сумасшествие.**

Сейчас говорил с Сашей и Михаилом Сергеевичем (М. С. Сухотин, муж Т. Л. Толстой. – В. Р.), и Душан, и Саша не признают болезни. **И они неправы.**

Из дневника Льва Николаевича Толстого

29 августа

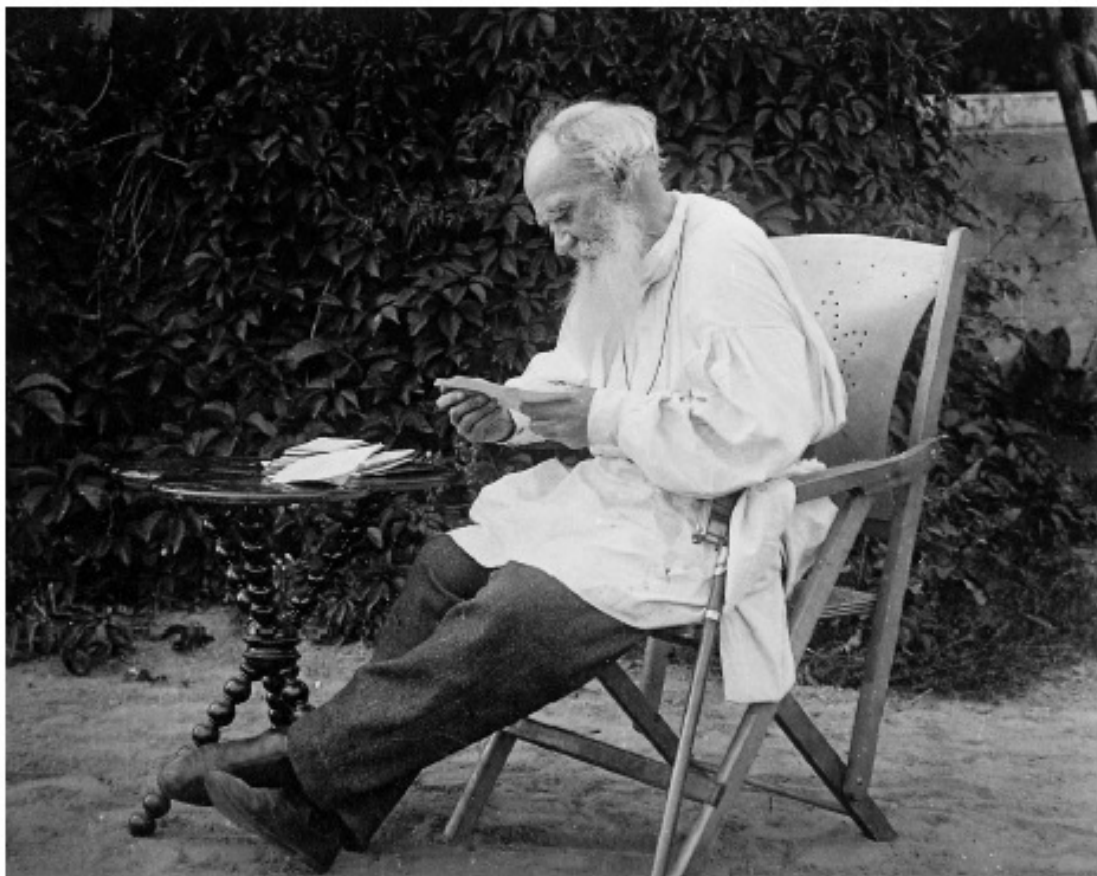
Опять пустой день. Прогулки, письма. Думать думаю и хорошо, но не могу сосредоточиться. **Софья Андреевна была очень возбуждена, ходила в сад и не возвращалась. Пришла в 1-м часу. И хотела опять объяснения. Мне было очень тяжело, но я сдержался, и она затихла. Она решила ехать нынче (из Кочетов в Ясную Поляну. – В. Р.). Спасибо Саша решила ехать с ней. Прощалась очень трогательно, у всех прося прощение. Очень, очень мне ее любовно жалко. Хорошие письма. Ложусь спать. Написал ей письмецо.**

Из записной книжки № 5 Льва Николаевича Толстого

29 августа – 2 сентября

Странная моя судьба и странная моя жизнь!

Едва ли есть какой бы ни было забитый, страдающий от роскоши богатых бедняк, который бы чувствовал и чувствует всю несправедливость, жестокость, безумие богатства среди бедности так, как я, а между тем я то и живу и не могу, не умею, не имею сил выбраться из этой ужасной мучающей меня среды. [...]

Л. Н. Толстой за чтением писем. Кочеты. 1910. Фотография В. Г. Черткова

Изба крестьянина Тугаева в селе Протасове Лукояновского уезда Нежигородской губернии. 1892. Фотография М. Дмитриева

Л. Н. Толстой в окне крестьянского дома. В селе Большие Вяземы. 1909. Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. Толстой с внучкой Таней. 1907. Фотография С. А. Толстой

Может быть, это мое положение затем, чтобы я сильнее, без примеси зависти и озлобления, а с чувством раскаяния и стыда сознавал бы это и яснее, живее высказал бы всю ложь, весь ужас этого положения. Сейчас у скотной голые оборванные, грязные дети и дома Таничка (в оригинале. – *В. Р.*) маленькая, чистенькая, с нянями, игрушками, сладостями, заботами о росте Танички. Да, только бы дал Бог силы обличить громко, сильно, так, чтобы услышали. Помоги, Бог (29 августа утро на гулянье).

Смотрю – голые дети. Вшивый, грязный старик в черной избе, богатый владелец нанимает нищих за нищенскую плату, солдат: «Так точно». Табунщик пьет и с гордостью говорит про это. У мальчиков нет книг. Учитель учит тому, что считает дурным. Продавец водки. Сенатор присуждает: 180 тысяч – в тюрьмах, миллион – в солдатах. Миллиард рублей с народа. Отчего? Отчего ложная религия? Отчего все это? От чего? Один ответ – от того, что нет веры. А нет веры потому, что те, кто живет неправдой, боятся истинной веры⁶⁰.

⁶⁰ Т. 58. С. 212, 213.

Письмо Льва Николаевича Толстого С. А. Толстой

29 августа 1910 г. Кочеты

«Ты меня глубоко тронула, дорогая Соня, твоими хорошими и искренними словами при прощанье. Как бы хорошо было, если бы ты могла победить то – не знаю, как назвать – то, что в самой тебе мучает тебя. Как хорошо бы было и тебе, и мне. Весь вечер мне грустно и уныло. Не переставая думаю о тебе. Пишу то, что чувствую, и не хочу писать ничего лишнего. Пожалуйста, пиши. Твой любящий муж. Л. Т.

Ложусь спать 12-й час»⁶¹.

[ВОЗВРАЩЕНИЕ СОФЬИ АНДРЕЕВНЫ ТОЛСТОЙ В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ. – В. Р.]

Письмо Софьи Андреевны Толстой Т. Л. Сухотиной

30 августа 1910 г. Ясная Поляна. 5 часов утра.

«Сейчас благополучно приехали домой, здесь Марья Александровна и Катерина Васильевна, и Лева. Все благополучны. Поразителен мороз и зимний, северный ветер. Берегите папá от простуды, чтоб не *ездил* (курсив С. А. Толстой. – В. Р.) никуда. Нам прислали много теплых вещей, и то мерзли руки и голова. Благодарю, милая Таня, вас за заботы и гостеприимство, всем привет. Тебя, Таничку (орфография эпохи. – В. Р.) и папá целую. Твоя мать. С. Толстая»⁶².

Из дневника Льва Николаевича Толстого

30 августа. Кочеты

Грустно без нее. Страшно за нее. Нет успокоения. Ходил по дорогам. Только хотел заниматься. Приехал Мавог. Профессор. Очень живой, но профессор и государственный, и нерелигиозный. Классический тип хорошего ученого. Письмо от Черткова. Присылает статьи английские. Ничего даже не читал. Вечером карты. Голова болит. От Саши телеграмма. Доехали хорошо. Ложусь. **А обдумывал поутру работу о безумии и безрелигиозности – хорошо!**

Из письма Софьи Андреевны Толстой Т. Л. Сухотиной

31 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Спасибо тебе, милая Таня, за твои два письма. Письмо папá в первую минуту, по-старому, обрадовало меня ужасно; но, перечитав его несколько раз, я вдруг поняла, что в нем живет все та же надежда, что я должна *победить* в себе что-то такое, что сделает, что и ему, и мне будет лучше; т. е. ему, потому что под этой победой подразумевается возобновление отношений с Чертковым. **А я, как и раньше, предоставляю ему выбор: или я, жена его,**

⁶¹ Т. 84. С. 401.

⁶² УЛТ. С. 466.

или Чертков. Места нам обоим нет и быть не может никогда, никогда. Успокоюсь же я только тогда, когда пойму, что отец твой *твердо* и *добро* утвердит мои права и мое место любящей жены при себе и не променяет меня на теперь так безумно любимого им человека [...]⁶³.

⁶³ УЛТ. С. 468.

С. А. Толстая с дочерью Татьяной. Ясная Поляна. 1897.
Фотография С. А. Толстой

Письмо Софьи Андреевны Толстой Л. Н. Толстому

31 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Сейчас проводила Леву (сына. – В. Р.), милый Левочка, и очень мне его жаль; он, конечно, не спокоен и со мной так нежно прощался. Обещал 3-го мне сюда телеграфировать о решении суда (суд был над изданной сыном Львом статьей его отца “Восстановление ада”, которую арестовали. – В. Р.).

Получила утром и твое, и Танины письма, которые меня очень обрадовали. На меня здесь навалилось столько дела и забот, что я немного ошалела, тем более, что встала так же рано, как в Кочетах, а вчера легла так же поздно.

Погода восхитительная, но какое-то **странное впечатление произвела на меня Ясная Поляна**. Все совершенно изменилось, т. е., конечно, *мой* взгляд на все изменился. Точно что-то похоронила навеки и надо по-новому начать жизнь. **И как после похорон** (хотя бы Ванички) **долго, долго болело сердце от утеряннго любимого существа, так и теперь болит та рана, которую так неожиданно послала мне судьба от утеряннго счастья и спокойствия**.

Здесь, пока, я как будто стала спокойнее в привычной обстановке и без множества устремленных на меня посторонних глаз, перед которыми совестно, так как никому не известен и не интересен источник моего горя.

Искренна я была всегда, несмотря ни на какие другие, бесчисленные мои недостатки. **Искренно любила и люблю тебя, и глубоко сожалею, что причиняю тебе страданья**, что горячо и искренно выразила тебе. Твоя С. Толстая.

С. А. Толстая. Октябрь 1904 г. С.-Петербург.

Фотография К. К. Буллы

Очень меня огорчило в письме твоём опять все то же: желанье, чтоб я себя победила, т. е. чтоб опять можно было по-прежнему общаться с любимым человеком, и не скрою, что я очень плакала. **Что делать? И тыне можешьпобедить себя, как и я»**⁶⁴.

⁶⁴ УЛТ. С. 467.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

31 [августа], 1 [сентября]

Я написал из сердца вылившееся письмо Соне.

Из письма Льва Николаевича Толстого С. А. Толстой

1 сентября 1910 г. Кочеты

«Ожидал нынче от тебя письмеца, милая Соня, но спасибо и за то коротенькое, которое ты написала Тане. Не переставая думаю о тебе и чувствую тебя, несмотря на расстояние. **Ты заботишься о моем телесном состоянии, и я благодарен тебе за это, а я озабочен твоим душевным состоянием. Каково оно? Помогай тебе Бог в той работе, которую, я знаю, ты усердно производишь над своей душой.** Хотя и занят больше духовной стороной, но хотелось бы знать и про твое телесное здоровье. Что до меня касается, то если бы не тревожные мысли о тебе, которые не покидают меня, я бы был совсем доволен. Здоровье хорошо, как обыкновенно по утрам делаю самые дорогие для меня прогулки, во время которых записываю радующие меня, на свежую голову приходящие мысли, потом читаю, пишу дома. Нынче в первый раз стал продолжать давно начатую статью о причинах той безнравственной жизни, которой живут все люди нашего времени (статья “О безумии”. – В. Р.). [...] Третьего же дня был Mavor (Джемс Мэвор – профессор политической экономии в Торонто (Канада). Был у Толстого в 1889 году, состоял с ним в переписке. – В. Р.). Он очень интересен своими рассказами о Китае и Японии, но я очень устал с ним от напряжения говорить на мало знакомом и обычном языке. Нынче ходил пешком. Сейчас вечер. Отвечаю письма и прежде всего тебе.

Как ты располагаешь своим временем, едешь ли в Москву и когда? Я не имею никаких определенных планов, но желаю сделать так, чтобы тебе было приятно. Надеюсь и верю, что мне будет так же хорошо в Ясной, как и здесь. Жду от тебя письма. Целую тебя. Лев»⁶⁵.

Из письма Софьи Андреевны Толстой Л. Н. Толстому

1 сентября 1910 г. Ясная Поляна

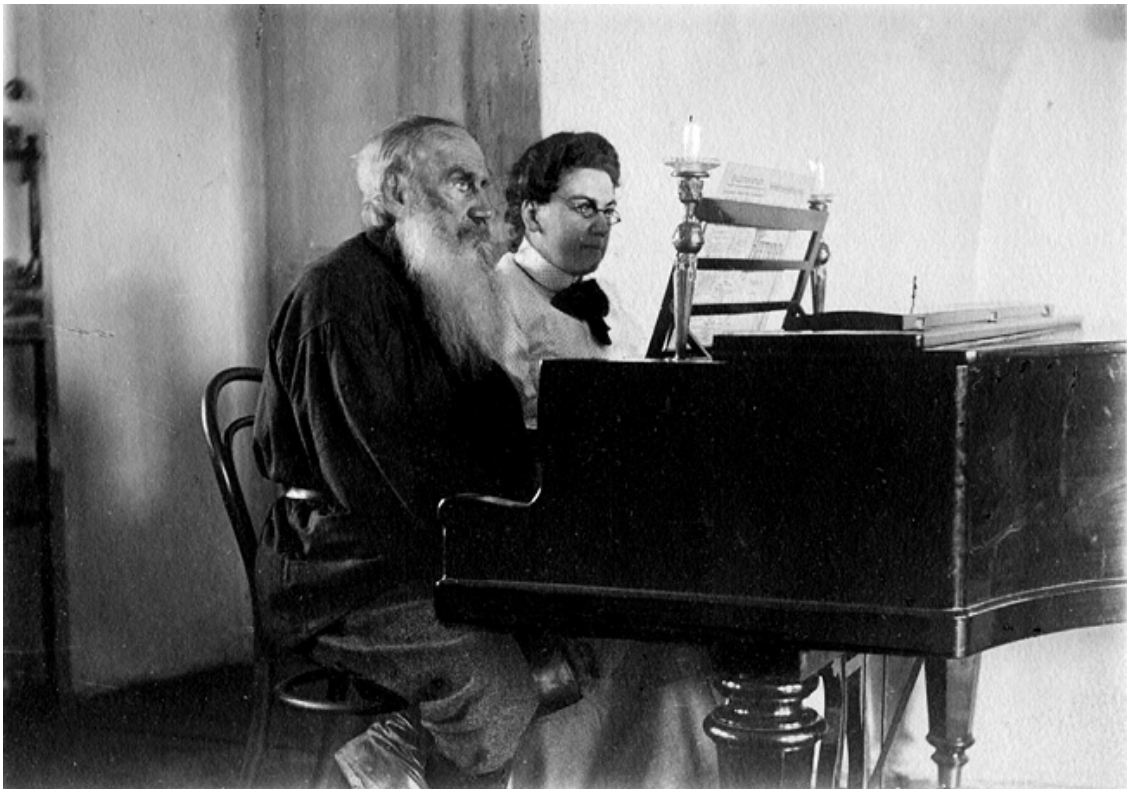
«Мне нечего писать тебе хорошего, милый Левочка; **я чувствую себя все так же больной и несчастной.** Ничего не предпринимаю, потому что ничто не ладится, и ничего не готово для моей поездки в Москву. Болит голова, болит невралгически нерв под правой лопаткой, и даже писать больно, а ночью спать не дает.

[...] Мне здесь не хочется гулять, я больше дома, за своими делами. Я испортила себе впечатления прекрасного Кочетовского парка, поливая его две недели своими слезами и наполняя своими страданиями. Я не хочу того же делать с Ясной Поляной и вносить то же в те свет-

⁶⁵ Т. 84. С. 401, 402.

лые, счастливые воспоминания моей долгой здесь жизни, когда я легкой походкой и с легким сердцем обходила счастливая и радостная все те места, которые в настоящее время при ярком, солнечном и лунном освещении так необыкновенно красивы.

С Сашей жили хорошо и дружно, но сегодня вечером она влетела в залу и, услышав мой разговор с Марьей Александровной (Шмидт. – В. Р.), с места начала на меня кричать, и своей обычной, резкой грубостью, к сожаленью, и во мне вызвала гнев. Произошел тяжелый разрыв, и я все-таки не могу согласиться испрашивать у дочери позволения, о чем мне беседовать с моими друзьями. Марья Александровна ходила ей выговаривать за ее выходку. Да ее уже не исправишь, натура не мягкая и не нежная. Но это обстоятельство только еще больше меня расстроило и сделало нездоровой.

Л. Н. Толстой с дочерью Александрой Львовной
за роялем в зале яснополянского дома. 1907.

Фотография С. А. Толстой

Как ты живешь, здоров ли? Сколько поставил ремизов и сколько партий проиграл или выиграл в шахматы? Так и слышу ваши оживленные голоса в столовой. А у нас грустно, грустно! Но когда я одна, в своей комнате, и за работой, тогда лучше.

Ну, прощай, ты просил писать, вот и пишу, *не сочиняя*, а как вышло.

Твоя несчастная, одинокая жена»⁶⁶.

⁶⁶ УЛТ. С. 470.

Из письма Александры Львовны Толстой

(дочери Л. Н. Толстого) Л. Н. Толстому

1 сентября 1910 г. Ясная Поляна

«Милый папенька. [...]

За эти сутки еще более убедилась, что мамá нормальна, т. е. так же ненормальна, как была всегда. Вчера вечером, говоря о дневниках и о том, что ты их прячешь, сказала: “Я не имею основания думать, что папá *от меня* запирает дневник, он ни разу мне прямо не сказал. 48 лет тому назад он дал мне право все читать, и я пользуюсь им до сих пор”. **Говорит спокойно, не волнуясь. По поводу твоего письма сказала, что ты написал для того, чтобы видеться с Чертковым, но что она, конечно, не успокоится.** И опять, и опять я думаю: ей, с ее точки зрения, нет надобности успокаиваться. В Москву мамá не едет, а, кажется, хочет ехать со мной в Кочеты. Это будет причиной оттянуть еще на день другой приезд к вам. [...]

Целую тебя, Саша»⁶⁷.

Из письма Александры Львовны Толстой Л. Н. Толстому

1 сентября 1910 г. Ясная Поляна

«Милый папаша, [...] нынче вспомнила сказку, мудрую сказку о рыбаке и рыбке. [...] **А наша старуха все дальше и дальше получает все, что требует, и нет конца, прости меня за выражение, ее злomu самодурству.**

Я убеждена, что **при первом серьезном отпоре она смирилась бы**, и наоборот, при дальнейшем достижении ею целей ее состояние будет все ухудшаться, пока не дойдет до ужасающих размеров. И тут-то я чувствую, что мне ужасно, ужасно тяжело.

[...] делается что-то не то, даже по-моему недоброе, нехорошее дело – **поощрение самых ужасных поступков и даже преступлений, то мне это невыносимо тяжело, и все с каждым днем тяжелее и тяжелее.**

Имею ли я право, глупая, дрянная девчонка, писать тебе все это? Пишу, потому что привыкла говорить тебе все, что думаю, а не думать так тоже не могу. [...] Твоя дочь Саша»⁶⁸.

⁶⁷ Там же. С. 469.

⁶⁸ УЛТ. С. 471.

Из дневника

Льва Николаевича Толстого

1 сентября

Очень сильное впечатление контраста достойных уважения, сильных, разумных, трудящихся людей, находящихся в полной власти людей праздных, развращенных, стоящих на самой низкой степени развития – почти животных. Устал от них. **Они все на границе безумия. Обед. Усталость, карты. [...] Хочу перестать играть во всякие игры.**

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

2 сентября

...получил очень дурное письмо от нее. **Те же подозрения, та же злоба, то же комическое, если бы оно не было так ужасно и мне мучительно, требование любви.**

Нынче в «Круге чтения» Шопенгауэра: **«Как попытка принудить к любви вызывает ненависть, так...».**

Л. Н. Толстой в гостях у дочери Т. Л. Сухотиной в имении Кочеты. 1910.

Фотография Т. Тапселя. Слева направо: Т. Л. и М. С. Сухотины, Е. П. Сухотина, Л. М. и С. М. Сухотины, П. Г. Дашкевич, Танечка Сухотина с няней, слуга Сухотиных, В. Ф. Булгаков, Д. П. Маковицкий, В. Г. Чертков

Из «Круга чтения»

2 сентября

Веру, как любовь, нельзя вызвать насильно. Поэтому вводить ее или стараться утвердить государственными мероприятиями – дело рискованное, ибо, как попытка принудить к любви вызывает ненависть, так попытка принудить к вере вызывает неверие.

Шопенгауэр

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

2 сентября

«Занималась с утра **работой над “Воскресением”** для издания. Днем **посылала за священником, который отслужил молебен с водосвятием**. Прекрасные молитвы, кроме последней, “Победы государю императору” и проч. Не у места, рядом с молитвой о грехах,

о смягчении сердец, об избавлении от бед и скорби, молить Бога о победе, т. е. убийстве людей»⁶⁹.

Из дневника Варвары Михайловны Феокритовой-Полевой

2 сентября

«Софья Андреевна вовсе не была верующая и религиозная; она не отрицала православия, но никогда и не соблюдала его, и у нее религии настоящей никогда и не было. И теперь, если она и вспомнила об одном обряде из православия, то вовсе не затем, чтобы искренно помолиться, а для того только, чтобы рассказать о Черткове священнику и повредить ему сколько возможно.

Служили молебен у нее в спальне, а потом кропили весь верх и в спальне, и в кабинете Льва Николаевича. Софья Андреевна потом призналась, что она все рассказала о Черткове, и что священник был поражен его поступками и грубостью и жалел ее»⁷⁰.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

3 и 4 сентября

Приехала Саша. Привезла дурные вести. Все то же. Софья Андреевна пишет, что придет. **Сжигает портреты, служит молебен в доме. Когда один, готовлюсь быть с ней тверд и как будто могу, а с ней ослабеваю.** Буду стараться помнить, что она больная.

Нынче 4-го была тоска, хотелось умереть и хочется.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

4 сентября

Понятие греха и совершение поступков и воздержание от поступков, не ради выгоды или славы людской, а **ради страха греха, есть необходимое условие истинно человеческой, разумной, доброй жизни.** Люди, живущие без понятия греха и без воздержания от него, живут одной животной жизнью. И так живут *все* так называемые просвещенные люди (курсив Л. Н. Толстого. – В. Р.).

⁶⁹ Т. 2. С. 195.

⁷⁰ ОР ГМТ.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

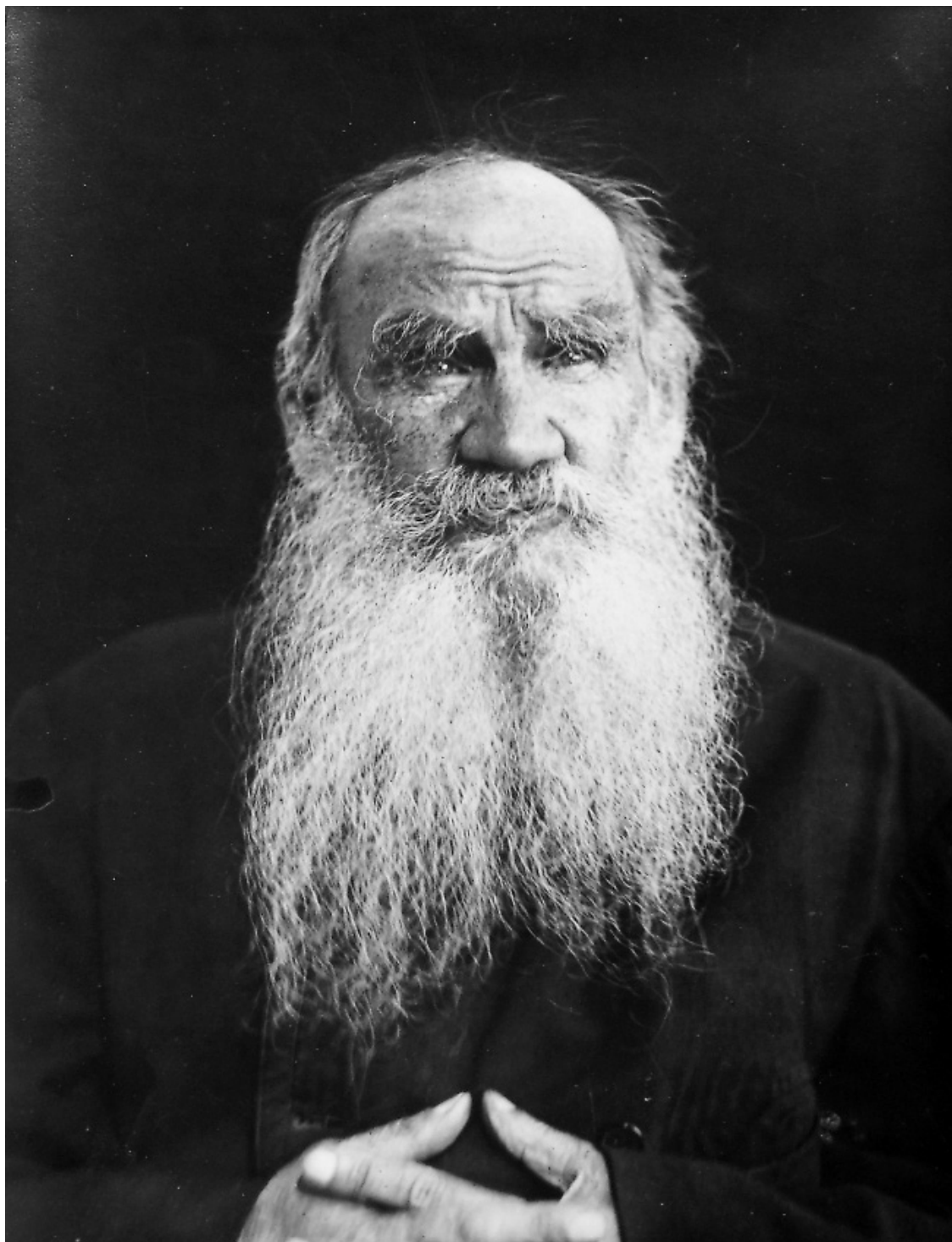
5, 6, 7, 8 сентября

Приехала Софья Андреевна (из Ясной Поляны в Кочеты. – *В. Р.*). Очень говорлива, но сначала ничего не было тяжелого, **но с вчерашнего дня началось, намеки, отыскивание предлогов осуждения. Очень тяжело.** Нынче утром прибежала, чтобы рассказать гадость про Зосю (С. А. Стахович. – *В. Р.*). Держусь и буду держаться, **сколько могу, и жалеть, и любить ее. Помоги, Бог.**

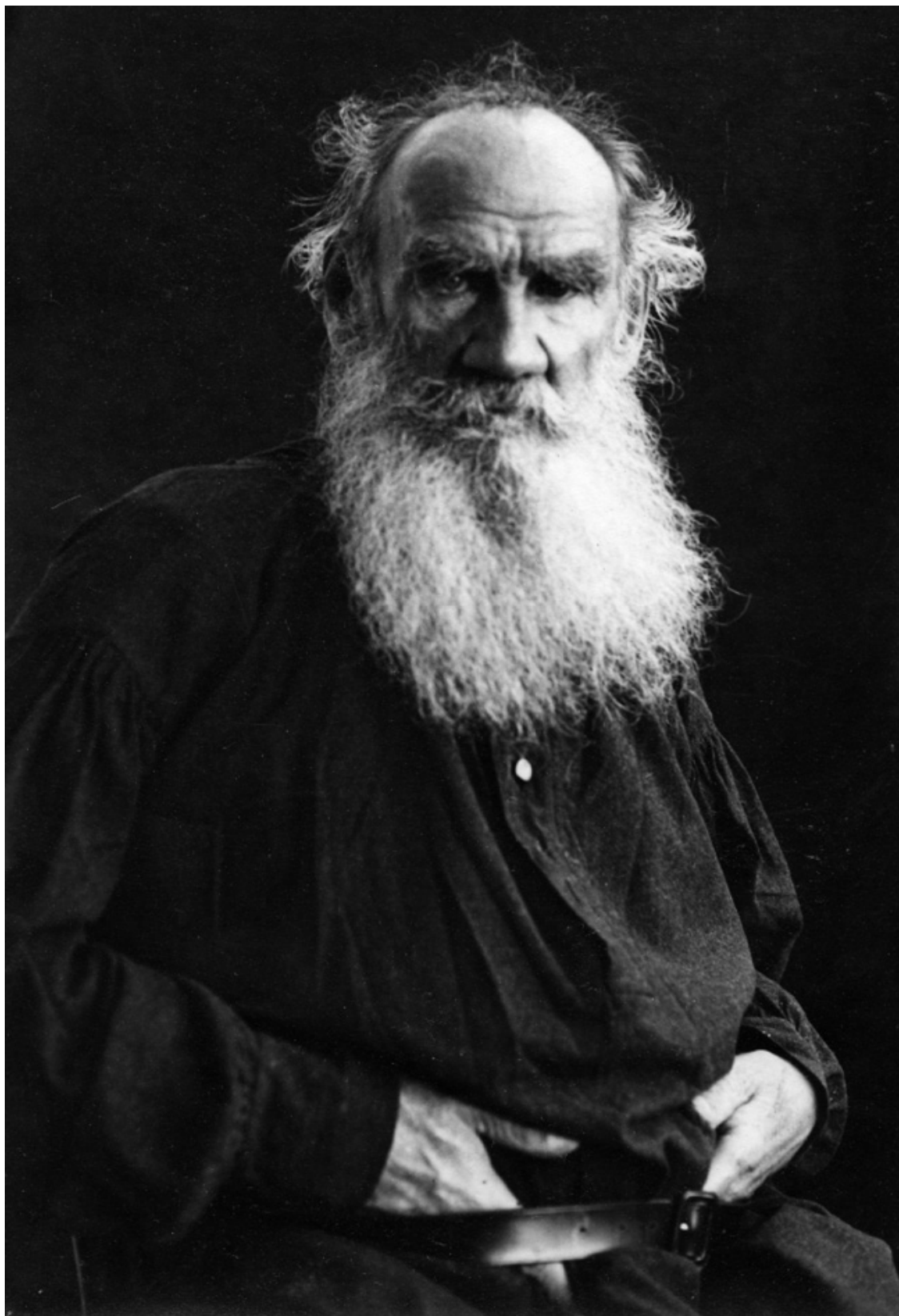
Из дневника Льва Николаевича Толстого

8 сентября

Только написал письма: одно Индусу, одно о непротивлении русскому. **Софья Андреевна становится все раздражительнее и раздражительнее.** Тяжело. Но держусь. **Не могу еще дойти до того, чтобы делать, что должно, спокойно.** Боюсь ожидаемого письма Черткова. [...]

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 1910.
Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. Толстой. 1906. Ясная Поляна.

Фотография В. Г. Чертова

Получил письмо от Чертова и Софья Андреевна его письмо. Еще перед этим был тяжелый разговор о моем отъезде (из Кочетов в Ясную Поляну. – В. Р.). **Я отстаивал свою свободу.**

Поеду, когда я (курсив Л. Н. Толстого. – В. Р.) захочу. Очень грустно, разумеется, потому, что я плох.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

8 сентября

«Приехала в Кочеты более спокойная, а теперь опять все сначала. [...] Когда я днем решила наконец спросить Льва Ник-а, *когда* он вернется домой, он страшно рассердился, начал на меня кричать, некрасиво махать руками с злыми жестами и злым голосом, **говоря о какой-то свободе**. В довершение всего злобно прибавил, что раскаивается в обещании мне не видеть Черткова. Я поняла, что *все* в этом раскаянии. **Он мстит мне за это обещание и будет еще долго и упорно мстить**. Вина моя на этот раз была только в том, что я спросила о *приблизительном* сроке возвращения Л. Н. домой.

Конечно, я не обедала, рыдала, лежала весь день, решила уехать, чтоб не навязывать себя в огорченном состоянии всей семье Сухотиных. Но я почувствовала, как **безжалостно и упорно Лев Ник. содействовал моему нервному нездоровью** и моей все более и более ускорявшейся смерти, и это приводило меня в отчаяние. Я только одного желала – **отвратить мое сердце, мою любовь от мужа, чтоб так не страдать**. Получила письмо от Черткова: **лживое, фарисейское письмо**, в котором ясна его цель примирения, для того чтоб я его опять пустила в дом»⁷¹.

Из письма Владимира Григорьевича Черткова Л. Н. Толстому

9 сентября 1910 г. Ясенки Тульской губ.

«Дай Бог также, **чтобы вы не вернулись пока в Ясную, а остались в Кочетах, пока вам возможно там жить**. Это не только лучше для вас самих, но и гораздо лучше для Софьи Андреевны, как все, что накладывает на нее малейшее стеснение.

Думал о том, что мне вполне понятно, что вам хорошо и спокойно на душе, когда вы ей уступаете; и что вам лично менее радостно на душе, когда в чем-либо ей отказываете. Но значит ли это, что чем больше уступать, тем лучше? Так можно ради собственного удовольствия, причинять ей большой вред и вместо того, чтобы помогать ей овладеть собою, толкать ее еще дальше вниз под гору. [...] хочу умолять вас Христом Богом, из любви к ней, **не возвращаться в Ясную как можно дольше, а то и никогда**»⁷².

Из дневника Льва Николаевича Толстого

9 сентября

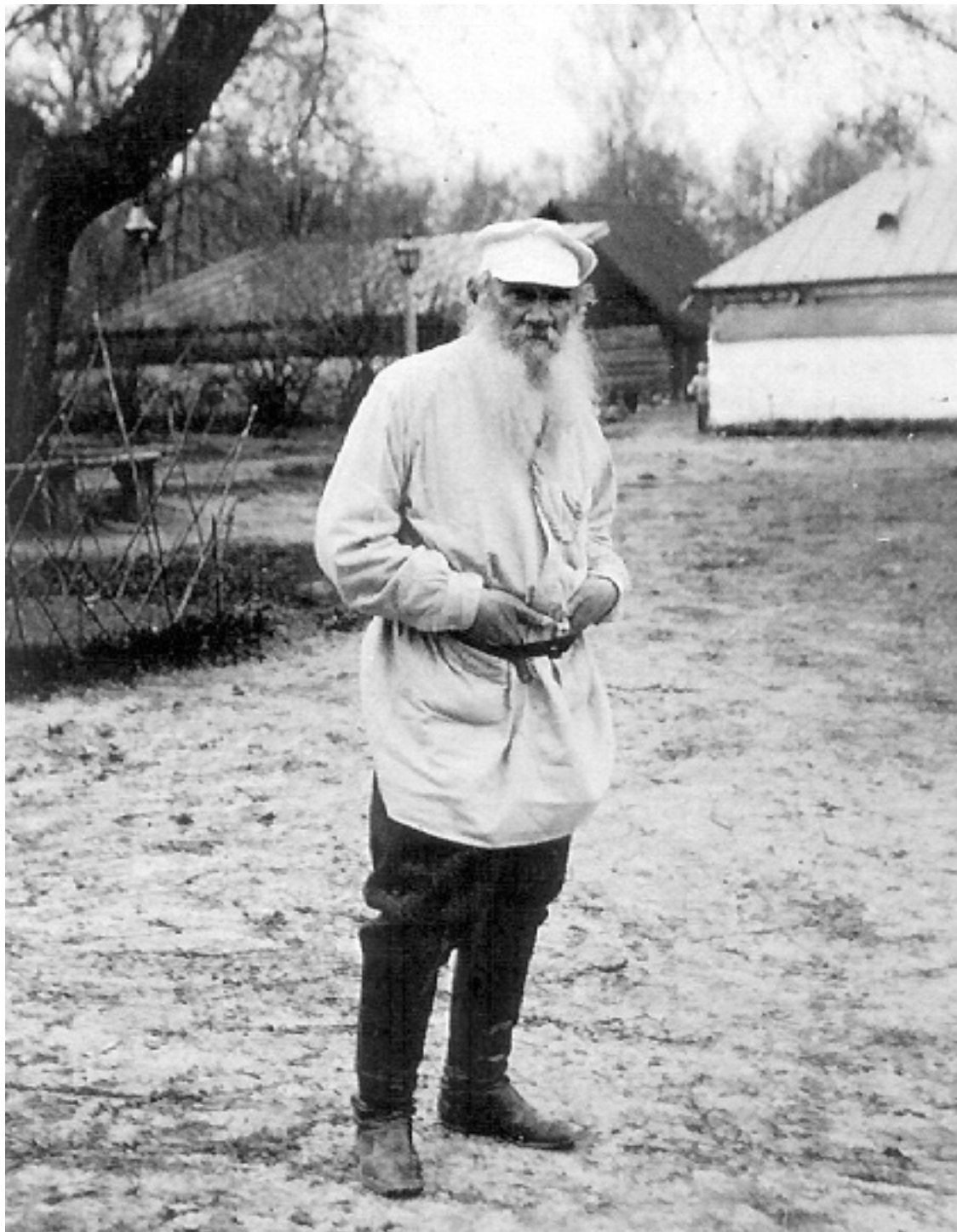
Жив, но плох. С утра началось раздражение, болезненное. Я же не совсем здоров и слаб. Говорил от всей души, но очевидно, ничего не было принято. Очень тяжело. Понемногу два раза ходил по парку. Вечером играл в карты. **Скучно, дурно, а иногда странное чувство чего-то нового**. Ложусь поздно, усталый.

10 сентября

⁷¹ Т. 2. С. 198.

⁷² ОР ГМТ.

Встал рано. Мало спал, но свежее вчерашнего. **Софья Андреевна все также раздражена. Очень тяжело.** Ездил с Душаном немного верхом. Хорошее письмо от крестьянина о вере. Отвечал. И очень хорошее от Итальянца в Риме о моем мировоззрении. Софья Андреевна второй день ничего не ест. Сейчас обедают. Иду просить ее пойти обедать. **Страшные сцены целый вечер.**

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 1908.
Фотография С. А. Баранова

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

10 сентября

Вчера 9-го **целый день была в истерике**, ничего не ела, плакала. **Была очень жалка**. Но никакие убеждения и рассуждения неприемлемы. Я кое-что высказал и, слава Богу, без дурного чувства, и она приняла, как обыкновенно, не понимая. **Я сам вчера был плох – мрачен, уныл**. Она получила письмо Черткова и отвечала ему. От Гольденвейзера письмо с выпиской В.М., ужаснувшей меня.

Нынче 10-го все то же. Ничего не ест. Я вошел. Сейчас укоры и о Саше, и что ей надо в Крым. **Утром думал, что не выдержу, и придется уехать от нее. С ней нет жизни. Одна мука**. Так ей и сказал: мое горе то, что я не могу быть равнодушен.

Из комментариев

Николая Сергеевича Родионова

«В. М. Феокритова подробно записала слова С. А. Толстой, сказанные в присутствии М. А. Шмидт и ее, относительно своих планов на писания Толстого после его смерти. Планы эти состояли в том, что если Лев Николаевич умрет, не оставив никакого нотариального завещания, то Софья Андреевна будет сейчас же издавать все. Цитируем дальше слова С. А. Толстой по записи В. М. Феокритовой от 4 сентября.

“Если бы даже он и оставил все Черткову или на общую пользу, то я неизданные сочинения все равно не отдам, ведь там годов нет. Когда было что написано – поди угадай. Мне все поверят, что они были написаны до 81 года. Да, положим, все равно, мы ведь завещания не оставим без оспаривания, ни я, ни сыновья, ведь у нас аргумент очень сильный, **мы докажем, что он был слаб умом последнее время**, что с ним часто делались обмороки, ведь это правда, и все это знают, и докажем, что в минуту слабости умственной его и заставили написать Завещание, а что он сам никогда не хотел обижать своих детей”.

По поводу этого письма с выпиской из Дневника В. М. Феокритовой. Толстой писал 21 октября А. Б. Гольденвейзеру (см. т. 82). “Напрасно вы думаете, милый Александр Борисович, что ваше сообщение было мне неприятно. Как ни тяжело знать все это и знать, что столько чужих людей знают про это, знать это мне полезно. Хотя в том, что пишет Варвара Михайловна и что вы думаете об этом, есть большое преувеличение в дурную сторону, недопущение и болезненного состояния и перемешивания добрых чувств с нехорошими”⁷³.

⁷³ Т. 58. С. 597, 598.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

11 сентября

К вечеру начались сцены беганья в сад, слезы, крики. Даже до того, что, когда я вышел за ней в сад, она закричала: **это зверь, убийца, не могу видеть его, и убежала нанимать телегу и сейчас уезжать. И так целый вечер.** Когда же я вышел из себя и сказал ей *son fait* (всю правду. – *В. Р.*), она вдруг сделалась здорова, и так и нынче 11-го. **Говорить с ней невозможно,** потому что, во-первых, для нее не обязательна ни логика, ни правда, ни правдивая передача слов, которые ей говорят или которые она говорит. **Очень становлюсь близок к тому, чтобы убежать.** Здоровье нехорошо стало.

12 сентября

Софья Андреевна после страшных сцен уехала (**отъезд С. А. Толстой из Кочетов в Ясную Поляну.** – *В. Р.*). Понемногу успокаиваюсь.

Из письма Татьяны Львовны Сухотиной С. А. Толстой

14 сентября 1910 г. Кочеты

«[...] **Бедная тетя Таня!** (Кузминская Т. А., родная сестра С. А. Толстой. – *В. Р.*)
Сколько у нее горя в жизни, сколько она тяжелого перенесла и не впала в отчаяние. Что она выносила всю жизнь от дяди Саши: тяжелый сухой характер, скупость, измены (по словам людей), дети вышли почти все неудачны, а она все не только терпит, но всегда всех покрывает. В детях внушала уважение и послушание отцу.

Т. А. Кузминская с сыном Дмитрием в Ясной Поляне. Август 1901 г. Фотография С. А. Толстой

А вы с таким мужем, как папá, ухитряетесь считать себя несчастной и стараетесь всем внушить, что нет тех низких и дурных сторон, которых бы в папá не было. И этим вы больше всего отдаляете от себя людей: ведь никто из-за ваших слов не поверит, что папá изверг, а всякий постарается во второй раз этого не услышать, потому что дурное слушать о ком бы то ни было тяжело, а о любимом и близком человеке – невыносимо. И когда вы спрашиваете, что вы нам всем сделали, то самое тяжелое именно это. И самое непонятное: как не радоваться разлуке с таким человеком? Ваша Таня»⁷⁴.

Из дневника

Льва Николаевича Толстого

15 сентября

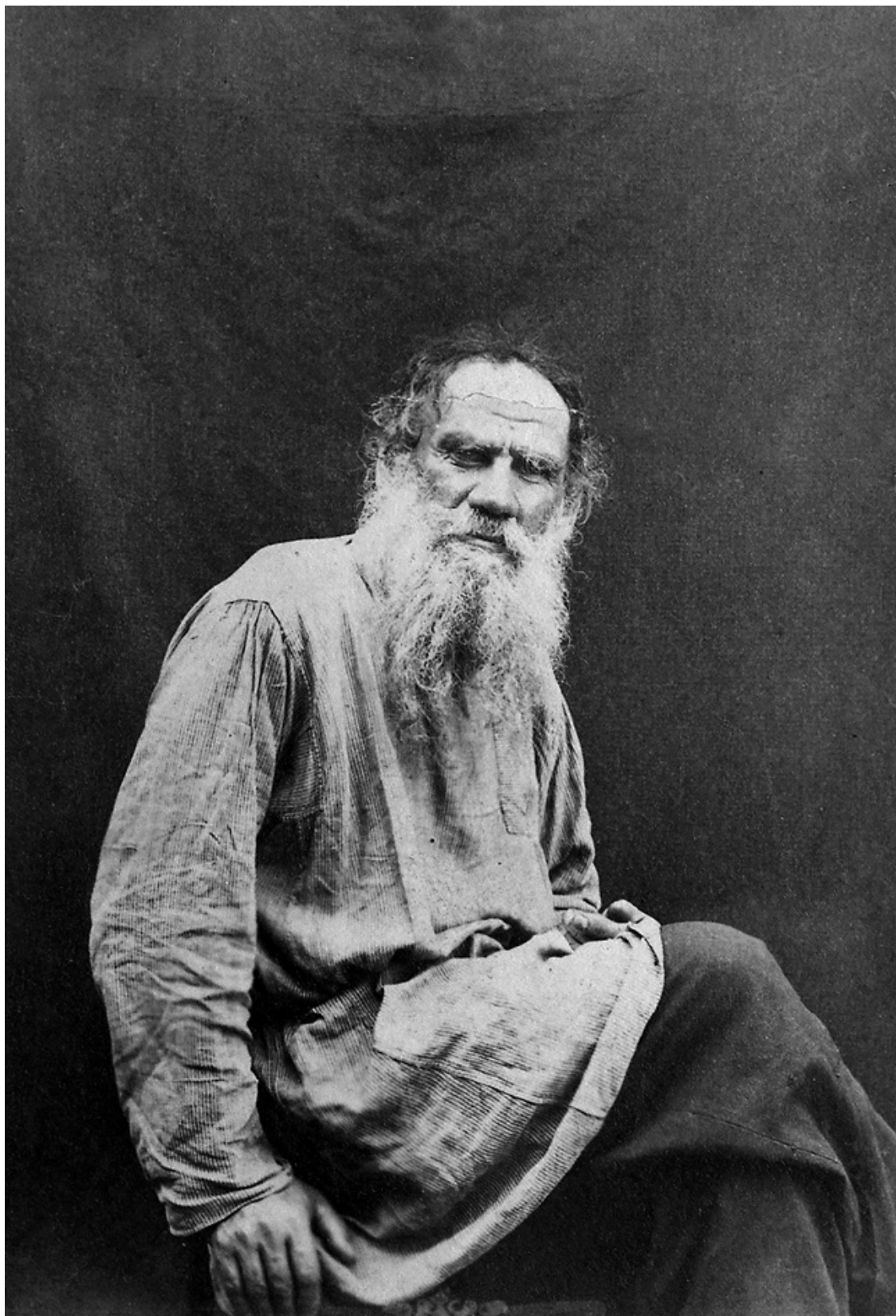
[...] 6) Материнство для женщины *не есть высшее призвание*. 7) Самый глупый человек это тот, который думает, что все понимает. Это особый тип [...] 10) **Не могу привыкнуть смотреть на ее слова, как на бред. От этого вся моя беда.**

⁷⁴ УЛТ. С. 482, 483.

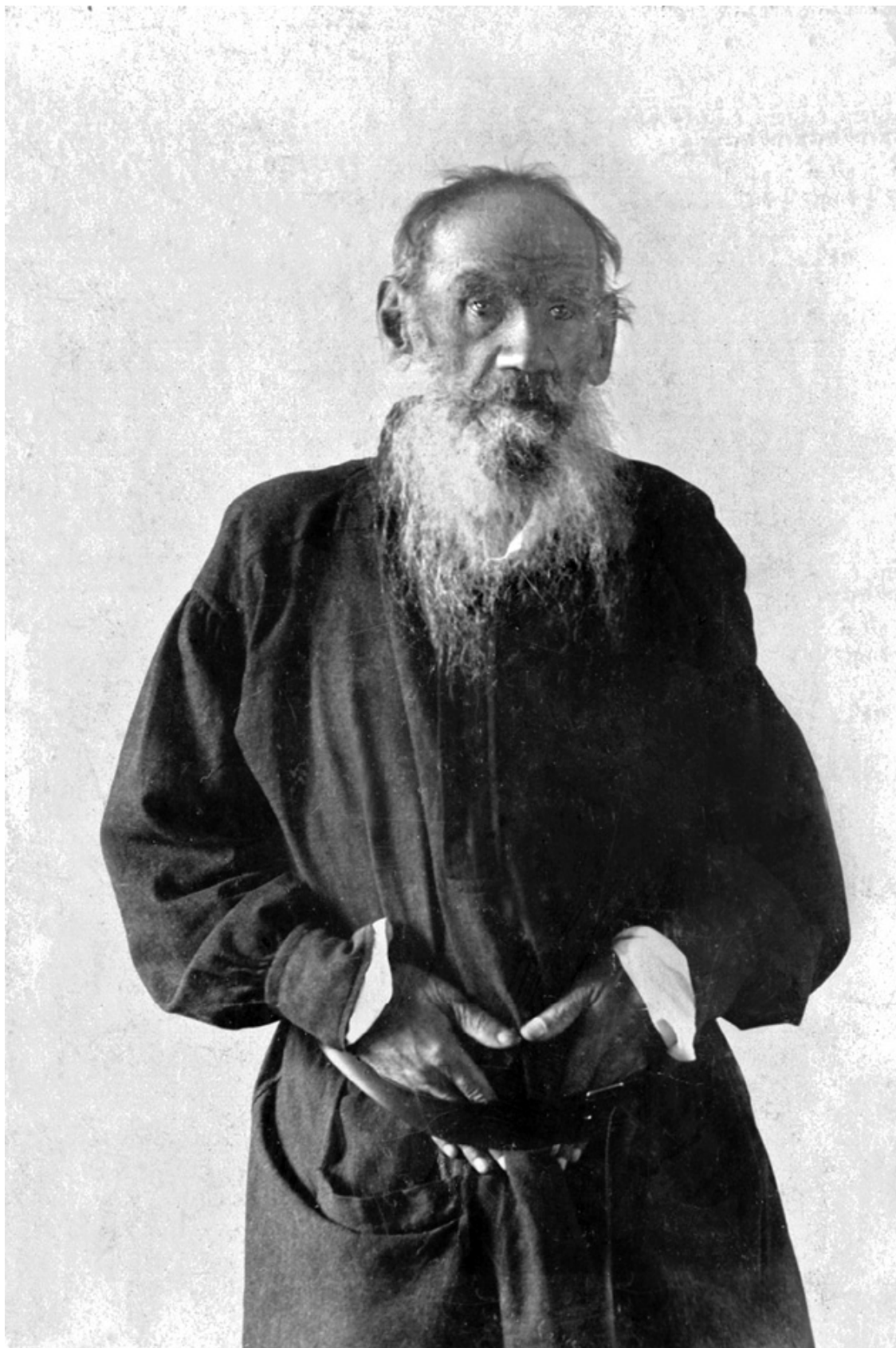
Нельзя говорить с ней, потому что для нее не обязательна ни логика, ни правда, ни сказанные ею же слова, ни совесть – это ужасно.

11) **Не говоря уже о любви ко мне, которой нет и следа, ей не нужна и моя любовь к ней, ей нужно одно: чтобы люди думали, что я люблю ее** (курсив Л. Н. Толстого. – В. Р.). **Вот это-то и ужасно.**

12) Одно и только одно, мы (...) несомненно знаем, это одно единственно несомненно и прежде всего известное нам есть наше «я», наша душа, т. е. та бестелесная сила, которая связана с нашим телом. А потому и всякое определение чего бы то ни было в жизни, всякое знание в основе своей имеет это одно, общее всем людям знание.

Л. Н. Толстой. Хутор Русаново Тульской губ. 1891.
Фотография Е. С. Томашевича

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 9 октября 1902 г.
Фотография фирмы «Шерер и Набгольц»

Из «Дневника для одного себя» Льва Николаевича Толстого

16–17 сентября

Но письма из Ясной ужасные. Тяжело то, что **в числе ее безумных мыслей** есть и мысль о том, чтобы **выставить меня ослабевшим умом и потому сделать недействительным мое завещание**, если есть таковое. Кроме того, **все те же рассказы обо мне и признания в ненависти ко мне**. Получил письмо от Черткова, подтверждающее **советы всех о твердости и мое решение**. Не знаю, выдержу ли.

Нынче ночь 17-го

Хочу вернуться в Ясную 22-го.

Из письма Льва Николаевича Толстого В. Г. Черткову

16 сентября 1910 г. Кочеты

«Пишу вам, милый друг, чтоб сказать, что я все по-прежнему в среднем и телесно и духовно состоянии. Стараюсь смотреть на мои тяжелые, скорее трудные отношения с Софьей Андреевной, как на **испытание, нужное мне**, и которое от меня зависит обратить себе в благо, но редко достигаю этого. Одно скажу, что в последнее время **«не мозгами, а боками»**, как говорят крестьяне, дошел до того, что **ясно понял границу между противлением – деланием зло за зло, и противлением неуступания в той своей деятельности, которую признаешь своим долгом перед своей совестью и Богом**. [...]

Мне тоже очень хочется видиться с вами, и я, хотя и не знаю как, но, думаю, устрою это, когда приеду. И, разумеется, объявив об этом тем, кому это неприятно. [...]⁷⁵.

⁷⁵ Свидание Толстого с Чертковым состоялось лишь 7 октября. – В. Р. Т. 89. С. 213, 214.

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков во время прогулки. 1910.
Фотография Т. Тапселя

Письмо Софьи Андреевны Толстой В. Г. Черткову

11–18 сентября 1910 г. Кочеты – Ясная Поляна

«Владимир Григорьевич,

Перемена, происшедшая во мне к вам, произошла, хотя и из старых источников, но теперь, действительно, с пребывания Льва Николаевича у вас. Причина первая та, что вы повлияли и удержали Льва Николаевича для цыгана-скрипача, когда я, заболев, *умоляла* его приехать, а он с вами вместе телеграфировал, что *удобнее* приехать позднее. В слове “*удобнее*” я поняла ваш стиль и ваше влияние, так как Лев Николаевич потом говорил: “я чувствовал, что надо было ехать утром”. *На мои упреки он уверял меня, что он чувствует ко мне все самое доброе и любовное, и покажет мне в дневнике, как он хорошо обо мне писал. Он сделал движение, чтоб достать дневники, их не нашел и смутился, вероятно, забыв о их положении*⁷⁶. Тогда он повел меня к Саше спросить ее, не знает ли она где они? И *Саша солгала*, и Лев Николаевич должен был признаться, что они у вас. Вы видели, как меня огорчило и смутило это обстоятельство. Я не могу отделить от себя мужа, с которым прожила почти полвека. Его дневники – это святая святых его жизни, следовательно, и моей с ним, это отражение его души, которую я привыкла чувствовать и любить, и они не должны быть в руках постороннего

⁷⁶ Здесь и далее жирным курсивом выделен текст, подчеркнутый графитным карандашом, вероятно, В. Г. Чертковым. – Это примечание принадлежит Ю. Ядовкер; выделение курсивом принадлежит С. А. Толстой, жирным шрифтом – мне. – В. Р.

человека. А между тем тайно от меня они были увезены присланными вами людьми и находились у вас в деревянных помещениях с риском пожара или обыска, и так долго, что можно бы их десять раз переписать, а не только производить разные работы. Когда я в добром и горячем письме просила вас их возвратить, вы резко отказали и выставили неблагородные мотивы, что я боюсь, что посредством дневников вы будете меня и детей моих *обличать*, и злобно прибавили, что “если б я хотел, то давно имел возможность *напакоstitь* вам и вашим детям, и если я этого не сделал, то только из любви к Льву Николаевичу”.

С. А. Толстая с внучкой Соней (Андреевной) Толстой. 1903–1904 гг. Фотография С. А. Толстой

Понять эти слова превратно, как вы пишете, невозможно, все ясно, – и не так уж я глупа! Все прежние дневники у меня в музее, естественно, было мне желать взять и последние. Но вы зло и упорно отказывали, а Лев Николаевич своей слабой волей подчинялся вам, и, наконец,

вы сказали, что от такой жены вы или убежали бы в Америку, или застрелились. Потом, сходя с лестницы, вы сказали во всеуслышание сыну моему Льву: “Не понимаю такой женщины, которая всю жизнь занимается убийством своего мужа!”

Зачем же вам теперь искать общения с убийцей?

Вы вступили со мной в борьбу за дневники, и увидели, что борьба не равная, и озлились на меня. *И тогда я совершенно искренно поставила вопрос так: или моя жизнь, или дневники будут отданы мне. Лев Николаевич понял, что я, несомненно, исполню свою угрозу, и обещал отдать мне дневники, но испугался вас и отдал их не мне, а положил в банк.* Если вы хотите быть добросовестны, вы должны были слышать, как он мне сказал после вашей расписки о возвращении дневников, на мою просьбу *написать* мне свое обещание отдать дневники: “Какие расписки жене, обещал и отдам”. И не отдал, а дал Тане положить их в банк.

Две недели борьбы за дневники усилили мое нервное тяжелое состояние. Если б вы не уперлись с самого начала так злобно, ничего тяжелого не произошло бы, и все было бы по-старому. (Вот и *непротивление* ваше все сразу рушилось!)

Отдали бы хотя Льву Николаевичу сразу дневники, брали бы по одной тетради для работ и по мере окончания возвращали бы, и я успокоилась бы.

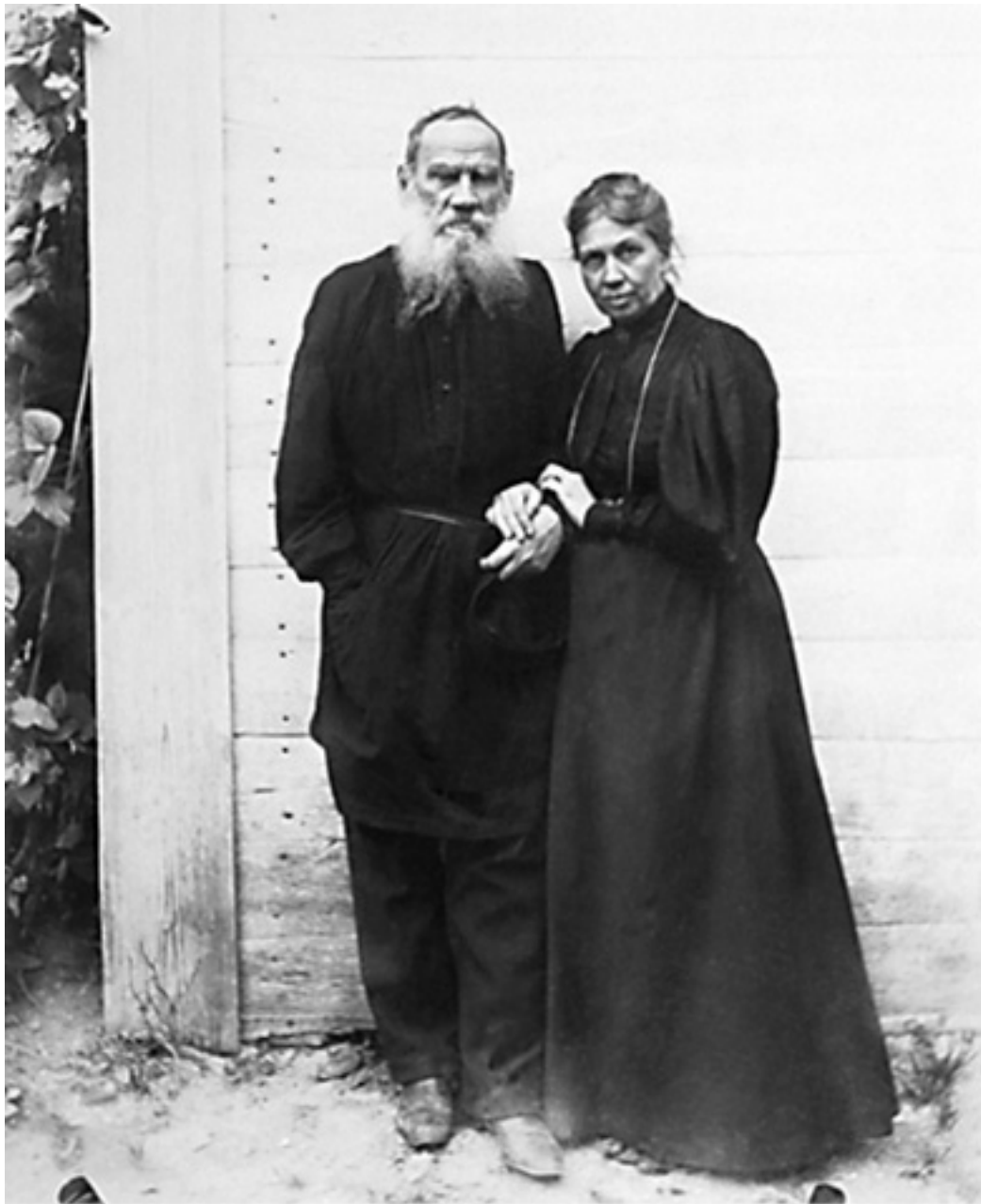
Странные и весьма неблагоприятные ваши предположения, что какие-то мистические лица имели на меня вредное влияние по отношению к вам. Правда, я редко встречала кого-либо, кто, помимо корысти, любил бы вас. Но я уже стара и у меня слишком независимый характер, чтоб я подчинялась мнению и влиянию людей. Слово *наговоры* напоминает сплетни дворовых людей и прислуги. В своем письме вы обходите все главные вопросы, которые я ставлю ясно и правдиво, и вы все говорите о *недоразумениях*. Это прием фарисейский. Недоразумения надо честно выяснять. Вы пишете, что готовы это всегда делать. Но вспомните, например, сколько раз я просила вас сказать мне, как вы распорядились с бумагами и рукописями Льва Николаевича после вашей смерти, и вы всегда злобно мне в этом отказывали. Вы правды и ясности не любите. А разве не естественно знать это жене – не для корысти, как вы это часто подозревали, что меня крайне возмущало, так как вы меня, конечно, и переживете – а просто из любви к мужу, умственной жизнью которого и сочинениями которого я привыкла интересоваться.

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков у «дерева бедных» в Ясной Поляне. 1905. Фотография А. Л. Толстой и В. Г. Черткова

Озлобление сыновей, если оно есть, – на той же почве. Вы издавали сочинения Льва Николаевича, в этом ваша заслуга. Но почему же вы постоянно отбираете его *рукописи*? В этом *ваша* корысть, а не моя. Вы скажете, что он сам их отдает. И вот в этом-то и во многом другом я усмотрела ваше все возрастающее влияние на все больше и больше ослабевающего волей старого и уже мало интересующегося земными делами человека. Вы поработили его своим деспотическим характером (в чем, т. е. в деспотизме, согласилась со мной и ваша мать).

Дурное и тяжелое влияние ваше и крайнее пристрастие к вам моего мужа отдалили его от меня. Вы стали между нами. Если б раньше при нем кто-нибудь так оскорбил его жену, как оскорбили вы меня (это, верно, по-христиански и по-дружески), то муж мой, вероятно, энергично расправился бы с таким грубым человеком. И вот не то, что вы такой невоспитанный, что могли до такой степени забытья, а то отношение к этому Льва Николаевича крайне возмутило меня. Он, боясь вас, продолжает с вами обниматься и видеться с вами по два раза в день, приветливо встречая вас. Я не могла этого выносить, и как вы могли заметить, – после того как я видела это и у меня открылись глаза на это слабое и пристрастное отношение к чужому, постороннему лицу, – я не могла уже вас видеть и возненавидела вас. Поднялась у меня гордость не за себя лично, я слишком презираю такую низкую грубость, а за жену Толстого, за свое положение честной женщины, бабушки 25-ти внуков. А главное, я вдруг поняла, почему Лев Николаевич ко мне относится недобро, сухо, чуждо, чего никогда не было, и это убивает меня. Вы внушаете ему, что от такой жены надо бежать или стреляться. И вы первый в моей жизни осмелились сделать эту несправедливость.

Л. Н. и С. А. Толстые.
Ясная Поляна. 1895. Фотография С. А. Толстой

Ванечка Толстой, младший сын Л. Н. и С. А. Толстых, умерший в 7 лет. Москва. Зима 1893–1894 гг. Фотография М. А. Шиндлера и А. И. Мея под фирмой «Шерер, Набгольц и Ко»

О каких еще ненормальных подозрениях вы говорите, я не знаю, не хочу ни знать, ни понимать. Я вам никогда ничего подобного не выражала, и если есть люди с нечистым воображением, толкующие мои мысли и чувства по-своему, я в них не ответственна.

Подозрительность во мне явилась исключительно потому, что последнее время *все* от меня скрывалось: разговоры, свиданья, дневники, письма, тайная передача каких-то бумаг в сообществе дочери Саши и разных ваших секретарей, чего прежде никогда не было в долгое время моего замужества. Если так усердно все от меня скрывают, то есть что скрывать, и невольно возбуждает страх и подозрение.

То, что я пережила в эти почти три месяца, не может сравниться ни с какими страданиями во всей моей жизни. Смерть Ваночки (последний ребенок С. А. и Л. Н. Толстых. – В. Р.) я легче пережила, потому что в ней была воля Божья. В отнятии же у меня любви Льва Николаевича и во вмешательстве постороннего человека в нашу супружескую, любовную жизнь я чувствую волю злую. Вы сами пишете, что и раньше я это усматривала. Между нами никогда *никого* не было – и не будет. **Я поставила Льву Николаевичу категорично выбор: или вы, или я. Он избрал пока последнее и обещал мне: 1) с вами не видаться, 2) дневников вам не давать и 3) не разрешать фотографий с него.**

Мое отчаяние доведено до такой степени, что если я не лишила себя жизни, то потому, что не хочу, уйдя из жизни, уступить вам моего мужа. Пусть посылает вам свои бумажки, которые вы так старательно у него отбираете, это дело его. Но если Лев Николаевич не сдержит своих обещаний, я уеду от него, это наверное. Я *не могу* больше жить с такими страданиями, которые испытывала все это время, и вы не вправе это нам причинять.

Сестры С. А. Толстая и Т. А. Кузминская. Ясная Поляна. Август 1901 г. Фотография С. А. Толстой

Цель вашего якобы доброго письма мне уже слишком ясна и очень наивна: вы хотите возобновить свои отношения личные с Львом Николаевичем. Это и понятно. Всякое расположение людей лестно, а тем более такого человека. Но он без вас теперь

жил в Кочетах весело и спокойно, смеялся, шутил, играл в шахматы и в винт почти ежедневно до 12-го часа ночи и совсем не имел вид страдающего, как вы пишете, а напротив, гораздо более радостного, чем под вашим гнетом. Почему же и в Ясной Поляне не быть тому же, как было всегда без вас? Недолго нам осталось жить на свете, и пусть мы кончим последние дни нашей жизни в том же общении без посторонних влияний, в каком мы начали нашу молодую супружескую жизнь.

Как могу я измениться, если мотивы моих страданий останутся те же? Если вы можете быть справедливы, вы должны признать, что лично вам я никогда не сказала ни одного неучтеного слова и никогда не позволяла себе вмешиваться в ваши семейные и личные дела, не внося ни вам, ни вашей жене, застрелилась бы я от таких супругов?

И это письмо вызвано вами. Я считала между нами все оконченным навсегда и вас в жизни нашей – совсем лишним.

Извините за мой искренний и правдивый ответ. Другого я дать не могла – все было бы ложью, которую я ненавижу.

Не знаю, что я буду думать, чувствовать и делать со временем. Но пока я еще больна и разбита и душой и телом от всего пережитого, чему причиной вы и мой муж отчасти. До вашего вмешательства в мою семью – ничего подобного в моей жизни не было, что произошло теперь, и, надеюсь, **не будет после вашего удаления из личных отношений с моим мужем.**

Вот и все. Софья Толстая»⁷⁷.

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

22 сентября. Утро

Еду в Ясную, и ужас берет при мысли о том, что меня ожидает. Только *fais ce que doit...* («делай, что должно». – В. Р.). А главное, молчать и помнить, что в ней душа – Бог.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

22 сентября

Опять мало спал и возбужден. [...]

Нигде, как в деревне, в помещичьей усадьбе не видна так ясно вся греховность жизни богатых.

Ясная Поляна. Проехали очень хорошо. [...] Дома застал Софью Андреевну раздраженной: упреки, слезы. Я молчал.

23 сентября

[48-Я ГОДОВЩИНА СВАДЬБЫ Л. Н. ТОЛСТОГО И С. А. ТОЛСТОЙ. – В. Р.]

⁷⁷ УЛТ. С. 490–492.

Нынче с утра Софья Андреевна ушла куда-то; потом в слезах. Было очень тяжело. Куча писем. Есть интересные. Саша раздражена и не права (возражала против фотографирования супругов. – В. Р.). [...] Ложусь, 12 часов. **Избегаю пасьянсы, хочу избегать игры.** Жизнь только в настоящем.

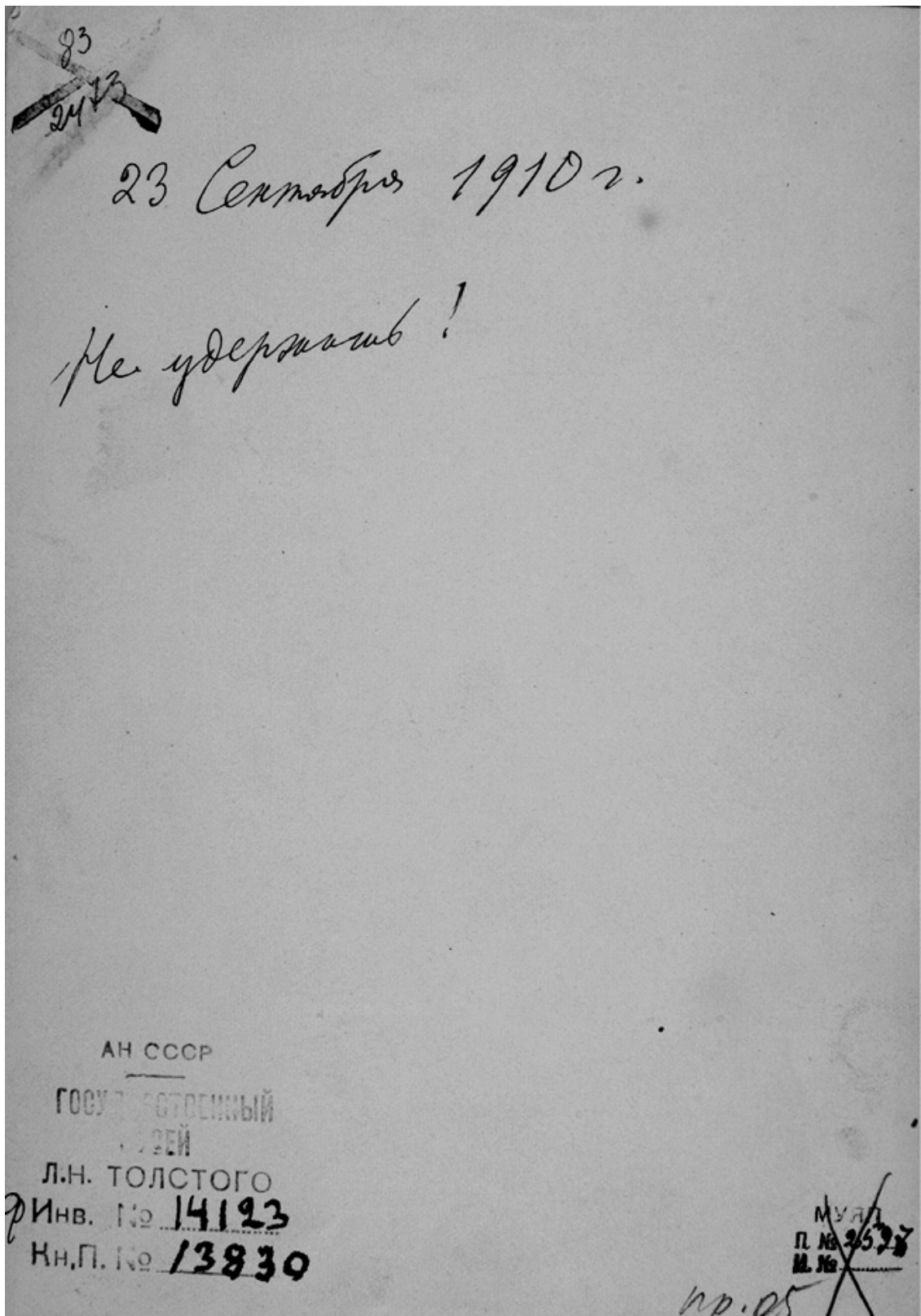
Из дневника Софьи Андреевны Толстой

23 сентября

«Ну вот и свадебный день. Я долго не выходила из своей комнаты и проплакала одна в своей комнате. Хотела было пойти к мужу, но, отворив дверь, услышала, что он что-то диктует Булгакову, и ушла бродить по Ясной Поляне, вспоминая счастливые времена, – не очень их было много – моей 48-летней брачной жизни. **Просила потом Льва Ник-а позволить нас фотографировать вместе.** Он согласился, но фотография вышла плохая, – неопытный Булгаков не сумел снять.

Л. Н. и С. А. Толстые в 48-ю годовщину их свадьбы. 23 сентября 1910 г. Ясная Поляна.
Фотография С. А. Толстой

На обороте автограф С. А. Толстой:
«23 сентября 1910 г. Не удержаться!»

Окрестности Ясной Поляны. Б/г.

Фотография В. Г. Черткова

К вечеру Л. Н. стал как-то мягче и добрее, и мне стало легче на душе. Почувствовала некоторое успокоение, точно я действительно нашла вновь свою *половину*⁷⁸.

Из письма

Владимира Григорьевича Черткова

Л. Н. Толстому

24 сентября 1910 г. Ясенки Тульской губ

«Дорогой друг Лев Николаевич, с вашим возвращением в Ясную меня, мою *душу* занимает не столько уродливая неестественность нашей искусственной разлуки на таком близком расстоянии, [...] сколько беспокоит ее, мою душу, то, что в связи со мною, вы дали себя втянуть, разумеется, бессознательно и желая только хорошего, в двусмысленное и даже не вполне правдивое положение. [...]

⁷⁸ Т. 2. С. 202.

Вы в связи со мною, дали Софье Андреевне несколько определенных обещаний. [...] Софья же Андреевна, которой вы дали эти обещания, естественно, считает вас связанными ими, и будет, вполне основательно считать вас связанными до самого того времени, когда вы ей заявите, что берете назад ваши обещания, как ошибку, о которой теперь жалеете. [...]

Так что, если у вас не хватит решимости развязать обещания, данные вами в связи со мной третьему лицу, то, мне кажется лучше нам ждать, пока назреет у вас эта решимость. А в противном случае, **лучше никогда не видаться лицом к лицу, нежели видеться при таких фальшивых, недостойных наших отношений условиях, при которых самая святость этих отношений как бы отдается на поругание** и при которых встречи наши будут происходить не тогда, когда угодно нашей душе и нашему Богу, а когда угодно другому, такому же, как мы с вами, не более, как *человеческому* существу, которому вы сами добровольно и сознательно вручили эту власть над собою [...]»⁷⁹.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

24 сентября [Ясная Поляна]

Потерял маленький дневник. Пишу здесь. Начало дня было спокойно. Но за завтраком начался разговор о «Детской мудрости», что Чертков, коллекционер, собрал. Куда он денет рукописи после моей смерти? Я немного горячо попросил оставить меня в покое. Казалось, ничего. Но после обеда начались упреки, что я кричал на нее, что мне бы надо пожалеть ее. Я молчал. Она ушла к себе, и теперь 11-й час, она не выходит, и мне тяжело. От Черткова письмо с упреками и обличениями. **Они разрывают меня на части. Иногда думается: уйти ото всех.** Оказывается, она спала и вышла спокойная. Я лег после 12-ти.

25 сентября

Проснулся рано, написал письмо Черткову. Надеюсь, что он примет его, как я прошу. Сейчас одеваюсь. **Да, все дело мое с Богом, и надо быть одному. Опять просьба стоять для фотографии в позе любящих супругов.** Я согласился, и все время стыдно. Саша рассердилась ужасно. Мне было больно. Вечером я позвал ее и сказал: мне не нужна твоя стенография, но твоя любовь. И мы оба хорошо, целуясь, поплакали.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

26 сентября

Дурно спал, дурные сны. **Встав, перевесил портреты по местам;** ходил. Начал писать Чешским юношам, продолжал заниматься книжками Для Души. [...] Поехал верхом с Душаном. Вернувшись, застал Софью Андреевну в волнении. **Она сожгла портрет Черткова.** Я было начал говорить, но замолчал – невозможно понять. [...] Я очень устал. Софья Андреевна пыталась опять говорить. Я отмалчивался. Сказал только до обеда то, что **она перевесила в моей комнате мои портреты, потом сожгла портрет моего друга, и я оказываюсь виноват во всем этом.** Продолжение дня было то, что Саша с Варварой Михайловной вер-

⁷⁹ УЛТ. С. 495, 496.

нулись по вызову Марьи Александровны. Софья Андреевна встретила их бурно, так что Саша решила уехать.

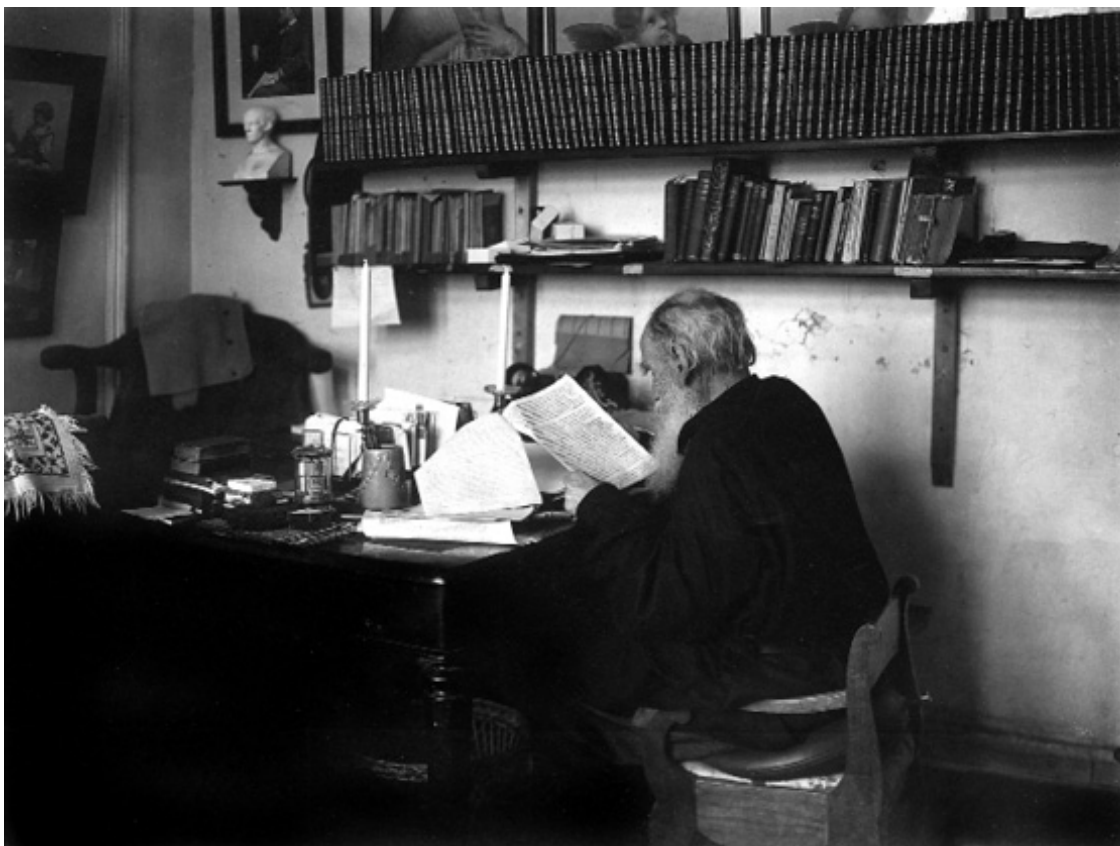
Из дневника Софьи Андреевны Толстой

26 сентября

«С утра все было мирно и хорошо. [...] Проходя через кабинет Льва Н-а, я увидела, что портрет Черткова, который я в отсутствие Л. Н. перевесила на дальнюю стенку, заменив его портретом отца Л. Н-а, – снова повешен над головой и креслом Льва Н-а, в котором он всегда сидит. Мне тяжело было видеть портрет этого ненавистного мне человека ежедневно над Льв. Н-чем, когда я по утрам приходила с ним здороваться; я и удалила его. То, что Лев Ник. восстановил его на прежнее место, привело меня опять в страшное отчаяние. Не видая его, он не мог расстаться с его портретом. Я сняла его, изорвала на мелкие части и бросила в клозет. Разумеется, Лев Ник. рассердился, справедливо упрекал меня в лишении свободы (он теперь вдруг на этом помешался), о которой всю жизнь не только не заботился, но и не думал. К чему свобода, когда мы всю жизнь любили друг друга и старались сделать все приятное и радостное друг для друга.

Л. Н. Толстой на прогулке около реки Воронки. 1908.
Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. Толстой в кабинете яснополянского дома. 1909.
Фотография В. Г. Черткова

В. Г. Чертков. 1909. Телятинки.

Фотография Т. Тапселя

Опять я пришла в безумное отчаяние, опять поднялась ревность к Черткову самая едкая, и опять я поплакалась до изнеможения и головной боли. **Думала о самоубийстве**, думала, что надо **убрать себя из жизни Льва Ник. и дать ему желанную свободу**. Я пошла в свою комнату, достала фальшивый пистолет, и, думая приобрести себе настоящий, попробовала выстрелить из пугача. Потом, когда Лев Ник. вернулся с верховой езды, я выстрелила и вторично, но он не слышал»⁸⁰.

⁸⁰ Т. 2. С. 203.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

26 сентября

Опять сцены из-за того, что я повесил портреты, как были. Я начал говорить, что *невозможно так жить. И она поняла*. Душан говорил, что она **стреляла из детского пистолета, чтобы испугать меня**. Я не испугался и не ходил к ней. И действительно, лучше. Но очень, очень трудно. **Помоги, Господи**.

27 сентября

Как комично то противоположение, в котором я живу, в котором без ложной скромности: **вынашиваю и высказываю самые важные, значительные мысли, и рядом с этим: борьба и участие в женских капризах**, и которым посвящаю большую часть времени.

Чувствую себя в деле нравственного совершенствования совсем мальчишкой, учеником, и учеником плохим, мало усердным.

Вчера была ужасная сцена с вернувшейся Сашей. Кричала на Марию Александровну (Шмидт, единомышленница Л. Н. Толстого. – В. Р.). Саша сегодня уехала в Телятинки. **И она преспокойная**, как будто ничего не случилось. Показывала мне пугач-пистолет – **и стреляла, и лгала**. Нынче ездила за мной на прогулке, вероятно, выслеживая меня. Жалко, но трудно. Помоги, Господи.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

27 сентября

С утра проводил Сашу – она уехала совсем в Телятинки. Гулял, записал прибавление к письму Грота. **Дома книжки и письма. Больше ничего.**

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

28 сентября

Очень тяжело. Эти выражения любви, эта говорливость и постоянное вмешательство. Можно, знаю, что **можно все-таки любить. Но плох.**

Л. Н. и С. А. Толстые в гостях у М. А. Шмидт в Овсянникове. Апрель 1903 г. Фотография А. Л. Толстой

Л. Н. Толстой и А. Л. Толстая. Перед отправкой почты в Козлову Засеку. Ясная Поляна. 1903. Фотография И. В. Толстого

Из дневника

Льва Николаевича Толстого

29 сентября

Встал рано. Мороз и солнце. Все слаб. Гулял. Сейчас вернулся. Прибежала Саша. Софья Андреевна не спала и тоже встала в 8-м часу. Очень нервна. Надо быть осторожнее. Сейчас, гуляя, раза два ловил себя на недовольстве то тем, что **отказался от своей воли**, то тем, что будут продавать на сотни тысяч новое издание, но оба раза поправлял себя тем, что **только бы перед Богом быть чистым. И сейчас сознаешь радость жизни.**

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

29 сентября

Саша хочет еще пожить вне дома. Боюсь за нее. Софья Андреевна лучше. Иногда находит на меня ложный стыд за свою слабость, а иногда, как нынче, радуюсь на эту слабость.

Нынче в первый раз **увидал возможность добром – любовью покорить ее. Ах, как бы...**

30 сентября

Нынче все то же. Много говорит для говоренья и не слушает. Были нынче тяжелые минуты от своей слабости: видел неприятное, тяжелое, где его нет и не может быть для истинной жизни.

Из дневника

Льва Николаевича Толстого

30 сентября

Софья Андреевна говорит, что не понимает любви к врагам, что в этом есть аффектация. Она, да и многие не понимают этого, главное, потому, что думают, что то пристрастие, которое они испытывают к людям, есть любовь.

Л. Н. и С. А. Толстые в годовщину свадьбы.
Ясная Поляна. 23 сентября 1905 г.
Фотография С. А. Толстой

Из «Дневника для одного себя

Льва Николаевича Толстого

1 октября

Ужасно тяжело недоброе чувствоок ней, которое не могу преодолеть, когда начинается это говоренье, говоренье без конца и без смысла и цели. **Черткова статья о душе и Боге, боюсь, что слишком ум за разум.** Радостно, что одно и то же у всех истинно самобытных религиозных людей. У Antoin'a le Guérisseur (Антуан целитель. – В. Р.) то же.

2 октября

С утра первое слово о своем здоровье, потом осуждение, и разговоры без конца, и вмешательство в разговор. И я плох. Не могу победить чувства нехорошего, недоброго. **Нынче живо почувствовал потребность художественной работы и вижу невозможность отделиться от нее, от неотвязного чувства о ней, от борьбы внутренней.**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.